

**КЫРГЫЗСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени И. АРАБАЕВА
БИШКЕКСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени К. КАРАСАЕВА**

**НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ имени Ч. АЙТМАТОВА**

На правах рукописи

УДК: 811.111

Мырзалымбекова Айчурок Кадыралиевна

**Категория времени в английском и
кыргызском языках**

10.02.20 - сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное
языкознание

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель:

доктор филологических наук, доцент

Абдраева Айгуль Толоковна

Бишкек – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ ПО ТЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	7
1.1. Из истории сопоставительного языкознания	7
1.2. Обсуждение проблем функциональной грамматики	10
1.3. К вопросу о вербоцентрической теории глагола	15
1.4. Обзор сопоставительно-грамматических исследований в общей теории языка	20
1.5. Обзор сопоставительно-грамматических исследований в кыргызском языкознании	24
Выводы по Главе 1	32
ГЛАВА II МАТЕРИАЛ, МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ АНГЛИЙСКИХ И КЫРГЫЗСКИХ ВРЕМЁН С ПОЗИЦИИ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ	33
2.1. Материалы, объект и предмет исследования	33
2.2. Методологические основы исследования	36
2.1.2. Принципы типологии языков	38
2.2.2. Основные положения сопоставительной лингвистики	38
2.2.3. Функциональная грамматика как отрасль языкознания	40
2.2.4. Аспекты лингвистического антропоцентризма	46
2.2.5. Сопоставительная грамматика в лингвометодическом аспекте	50
2.3. Методы исследования категории времени	56
Выводы по Главе 2	58
ГЛАВА III РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ В АНГЛИЙСКОМ И КЫРГЫЗСКОМ ЯЗЫКАХ	60
3.1. Английские глагольные времена группы Indefinite и соответствующие им времена в кыргызском языке	60
3.1.1. Английское настоящее неопределённое время (The Present Indefinite Tense) и соответствующие ему функционально кыргызские глагольные времена	61
3.1.2. Английское прошедшее неопределённое время (The Past Indefinite Tense) и функционально соответствующие ему кыргызские глагольные времена	68
3.1.3. Английское будущее неопределённое время (The Future Indefinite Tense) и функционально соответствующие ему кыргызские глагольные времена	73
3.1.4. Английское будущее неопределённое время в прошедшем (The	

Future Indefinite Tense in the Past Tense) и функционально соответствующие ему кыргызские глагольные времена	79
3.2. Английские глагольные времена группы Continuous Tense и соответствующие им времена в кыргызском языке	86
3.2.1. Английское настоящее длительное время (The Present Continuous Tense) и функционально соответствующие ему кыргызские глагольные времена	87
3.2.2. Английское прошедшее длительное время (The Past Continuous Tense) и функционально соответствующие ему кыргызские глагольные времена	93
3.2.3. Английское будущее длительное время (The Future Continuous Tense) и функционально соответствующие ему кыргызские глагольные времена	99
3.2.4. Английское будущее длительное время в прошедшем (The Future Continuous in the Past Tense) и функционально соответствующие ему кыргызские глагольные времена	104
3.3. Английские глагольные времена группы Perfect и соответствующие им времена в кыргызском языке	111
3.3.1. Английское настоящее совершенное время (The Present Perfect Tense) и функционально соответствующие ему кыргызские глагольные времена	111
3.3.2. Английское прошедшее совершенное время (The Past Perfect Tense) и функционально соответствующие ему кыргызские глагольные времена	118
3.3.3. Английское будущее совершенное время (The Future Perfect Tense) и функционально соответствующие ему кыргызские глагольные времена	124
3.3.4. Английское будущее совершенное время в прошедшем (The Future Perfect in the Past Tense) и функционально соответствующие ему кыргызские глагольные времена	129
Выводы по Главе 3	134
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	140
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	145

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертации обусловлены несколькими факторами:

- 1) сложной организованностью и многообразием форм времени глагола в английском и кыргызском языках;
- 2) асимметричностью их устройства и семантики;
- 3) наличием многочисленных лакун и интерферентных явлений в структуре категории времени в сопоставляемых языках;
- 4) важностью определения общих и отличительных свойств английских и кыргызских форм времени для практики, для целей оптимальной организации усвоения кыргызскими школьниками и студентами разнообразных форм глагольного предиката, что и свидетельствует об актуальности темы, объекта и предмета данного исследования.

Связь темы исследования с научными программами (проектами) и научно-исследовательскими работами. Тема диссертационного исследования связана с тематическим планом научно-исследовательской работы Института языка и литературы им. Ч. Айтматова Национальной академии наук Кыргызской Республики.

Цель работы – сопоставительное исследование категории времени в английском и кыргызском языках.

Для достижения данной цели предполагается решить следующие **задачи**:

- 1) изучить в научно-теоретическом аспекте проблемы в сопоставительном языкознании, касающиеся вопросов сравнения глагольных систем;
- 2) провести изучение в научно-теоретическом аспекте проблем в функциональной грамматике, касающихся вопросов сущности и лингвистической природы категории глагола;
- 3) выявить в функционально-сопоставительном аспекте английские и кыргызские времена плана прошедшего;
- 4) определить в функционально-сопоставительном аспекте английские и кыргызские времена плана настоящего;

5) проанализировать в функционально-сопоставительном аспекте изучение английских и кыргызских времен плана будущего.

Научная новизна работы:

1) осуществлён сопоставительно-типологический анализ категории времени в английском и кыргызском языках;

2) продемонстрированы несоответствия и асимметрия форм времени и их семантики в двух языках;

3) выявлены и описаны универсальные свойства глагольного времени и их проявления в английском и кыргызском языках;

4) предложены методические установки и приёмы, способствующие рациональному усвоению времён английского глагольного предиката в кыргызскоязычной аудитории.

Практическая значимость полученных результатов исследования заключается в следующем: во-первых, материалы и положения работы могут быть использованы при написании учебника по грамматике английского языка для кыргызской аудитории. Во-вторых, многие материалы и обобщения по работе могут быть полезными при чтении вузовского курса лекций по сравнительной типологии английского и кыргызского языков. В-третьих, материалы и выводы работы могут явиться основой для написания курсовых и выпускных квалификационных работ в рамках бакалаврских и магистерских исследований студентами факультетов иностранных языков высших учебных заведений Кыргызстана.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту, могут быть сформулированы нижеследующим образом:

1. Категория времени глагола в английском и кыргызском языках имеет сложное устройство, общие и отличительные свойства и предполагает специальное сопоставительно-типологическое рассмотрение с единой функциональной точки зрения;

2. Соотношение означающего и означаемого в категории времени глагола

сопоставляемых языков в основном асистемно, организовано асимметрично и не имеет однозначных функциональных соответствий, что может быть продемонстрировано на примере 16 глагольно-временных форм английского языка и 9 глагольно-временных форм кыргызского языка;

3. Время – объективная универсальная сущность. Формы глагольного времени разных языков соответственно имеют общие значения и свойства. На примерах английского и кыргызского языков можно показать, что различия означающих не оказывают существенного влияния на характер и специфику означаемого. Поэтому легко устанавливается функциональная эквивалентность форм времени в двух языках;

4. Всестороннее выявление соответствий и несоответствий, общих и отличительных признаков форм глагольного времени в двух сопоставляемых языках важно для лингвометодики и позволит рационально организовать процесс обучения категории времени английского глагола в кыргызской аудитории.

Личный вклад соискателя заключается в сборе, анализе, и теоретическом осмыслении соответствующей научной литературы по теме исследования, а также в обобщении, классификации и практической интерпретации фактического языкового материала, предназначенного для лингвистического изучения.

Апробация результатов исследования Основные положения и результаты исследования были подготовлены и представлены на Республиканских научно-практических и научно-теоретических конференциях.

Полнота отражения результатов диссертации в публикациях Общее количество трудов, отражающих содержание диссертации – 10, из них 8 статей в кыргызстанских изданиях, входящих в систему РИНЦ.

Структура и объем диссертации Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения и списка литературы. Общий объем работы составляет 163 страниц.

ГЛАВА I. ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ ПО ТЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Из истории сопоставительного языкознания

Сопоставительное языкознание возникло во второй половине XX века на основе актуализации сопоставительного метода, который представлял собой «...исследование и описание языка через его системное сравнение с другим языком с целью прояснения его специфичности (системной идиоматичности)» [183, с.481].

Сопоставительное языкознание, однако, возникло не на пустом месте. Оно существовало имплицитно всегда, но в составе сравнительно-исторического языкознания, которое выделилось в лингвистике ещё в первой трети XIX в. и связано с именами замечательных учёных Ф. Бонна, Р. Раска, Ф. Дица; в России же идеи сравнительно-исторического метода (компаративность) в языкознании развивал в XIX в. известный русский языковед А. Востоков.

Сравнительно-историческое языкознание, в основе которого лежит сравнительно-исторический метод, отличается основными характеристиками, которые можно свести к нижеследующим моментам:

1/ оно изучает, в основном, языки из одной языковой семьи, в основном, индоевропейские и, следовательно, родственные;

2/ оно изучает родственные языки в их языковой истории, т.е. диахронически и выявляет ту или иную степень их общего родства;

3/ оно изучает родственные языки с целью установления некоего общего для них одного древнего языка, праязыка [29, с. 35; 106, С. 39-46; 159, С. 28-31].

Сопоставительное языкознание выделилось из недр сравнительно-исторического языкознания, поскольку оно стало отличаться в своих методологических построениях от последнего тремя моментами:

1. Оно стало изучать языки в основном, из различных языковых семей, и следовательно, не являющиеся родственными, как, например, всемирно известный учёный В. фон Гумбольдт сравнивал неродственные малайские языки с языками европейскими [44, С. 96-99]; в некоторых случаях предметом изучения сопоставительного языкознания выступают из одной языковой семьи, но

находящиеся в дальней степени родства, как например, английский и чешский, принадлежащие к одной индоевропейской языковой семье и сопоставляемые на уровне синтаксиса другим всемирно известным учёным В. Матезиусом [120, С. 18-26];

2. Оно стало изучать языки не в их языковой истории, а на одном отдельно взятом этапе, большей частью на современном этапе их развития, т.е. синхронически и статически, в то время как в сравнительно-историческом языкознании акцентируется внимание на языковую диахронию и динамику [87, С. 56-58];

3. Оно стало изучать языки с целью выявления общих и различающихся признаков, свойств и качеств, релевантных для непосредственного проецирования их как в теорию языковой типологии, так и в практику прикладной лингвистики [169, С. 194-195].

Все вышеозначенные отличия, характеризующие специфику нового лингвистического направления «сопоставительное языкознание» (конфронтативная лингвистика, контрастивная грамматика) и явно отличающие его от «материнского» направления «сравнительно-исторического языкознания», детерминированы кругом задач, подлежащих разрешению именно в рамках данного нового лингвистического направления. Данные задачи, стоящие перед сопоставительным языкознанием, имеют широкий спектр ориентированности, начиная с проблем языково-грамматической типологии и заканчивая проблемами практических аспектов применения языка, к примеру в лингвистической дидактике.

При сопоставлении генетически неродственных и грамматически разнотипных языков обычно в современном языкознании применяют многие различные принципы, число и содержание которых зависят не только от наличия того или иного фактического материала, но и от строго очерченных задач и целеустановок исследования. Но обычно выделяют и применяют семь нижеследующих принципов сопоставления:

1. Принцип учёта степени роста, поскольку грамматические различия определённой мере обусловлены степенью родства: чем отдалённое родство (неродство), тем больше таких различий [46, С. 7-8; 118, С. 19-20];

2. Принцип учёта грамматического типа языка, поскольку языки различных грамматических типов показывают большие несходства в составе своих грамматических категорий [15, С. 56-57; 131, С. 187-188];

3. Принцип системности, поскольку «сопоставление не может опираться на искусственно изолированные единицы, оно должно исходить из системных отношений элементов языка: сравнению должны подвергаться парадигматические группировки (подсистемы, поля, лексико-семантические группы, синонимические ряды и т.п.) [169, с. 9; 139, с. 27];

4. Принцип достаточной глубины сравнения, что означает: не следует ограничиваться только планом выражения языков, где также наличествуют смысловые моменты, а следует понимать в своём изучении вглубь плана содержания языков, где идентичность поверхностных функциональных проявлений подтверждается их глубинными содержательно-семантическими структурами [40, С. 27-28; 115, С. 339-340];

5. Принцип синхронности, поскольку генетически неродственные и грамматически разнотипные языки следует изучать в их статике, ибо для целей сопоставительного исследования нерелевантны динамические (диахронические) данные сопоставляемых языков [146, с. 4; 101, С. 76-77];

6. Принцип терминологической адекватности, который означает, что в одном из изучаемых языков наличествует данная категория и используется для обозначения терминов, а в другом – таковые отсутствуют – в этом случае надо исходить из категории и термина первого, исходного языка [167, С. 158-159; 107, С. 67-68];

7. Принцип учёта межъязыковой интерференции, что означает: сопоставительное языкознание, имеющее одной из своих задач выход в практику языка, а именно, в лингвометодику, должно принимать во внимание последствие потенциальной (или реальной) межъязыковой интерференции [42, С. 44-45].

1.2. Обсуждение проблем функциональной грамматики

Функциональная грамматика как отрасль языкознания возникла как и сопоставительное языкознание в середине XX в. Функциональной грамматикой считают «разновидность грамматики, имеющий объектом изучения функции единиц строя языка и закономерности их функционирования; грамматика данного типа рассматривает в единой системе средств, относящихся к разным языковым уровням, но объединённые на основе общности их семантических функций» [37, с. 565].

Предметом функциональной грамматики являются грамматические средства языка, взятые в разрезе их функции, т.е. в их непосредственном дистрибутивном окружении, когда они выполняют некоторую работу по конституированию слова, предложения и языка [37, с. 565].

Но, в любом случае, понятие «функциональная грамматика» больше всего ориентирована на грамматическую сторону языка, но никак на лексику и контекст. Именно грамматический строй языка детерминирует в качестве основы взаимоотношения средств грамматических со средствами семантическими и лексическими. При этом грамматические средства цементируют свою взаимосвязь со средствами семантическими, лексическими, а также и стилистическими своим значением, а именно грамматическим значением. Данные грамматические значения присущи в качестве категориальных целым грамматическим разрядам: морфологическим категориям, частеречным группам, синтаксическим конструкциям [39, с. 143; 150, С. 54-55].

Ориентированность функциональной грамматики на собственно грамматическую сторону языка вырисовывается вакуумно, если мы обратимся к понятию функционально-семантического поля, в котором уже ориентиры смещаются на содержательно-семантическую сторону языка.

«Функционально-семантическое поле – система разноуровневых средств данного языка (морфологических, синтаксических словообразовательных, лексических, а также комбинированных – лексико-синтаксических и т.п.),

взаимодействующих на основе общности их функций, базирующихся на определённой семантической категории» [178, С. 566-567].

Ориентированность функционально-семантического поля именно на содержательную сторону языка обусловлена тем, что семантическая категория становится центром изучения функциональной грамматики. Исходя из вышеприведенного определения функционально-семантического поля, функциональная грамматика объединяет в большие группы (поля) всякие разноуровневые средства, имеющие в своём содержании хотя бы даже самый небольшой намёк на выдвинутую в центр изучения семантическую категорию.

Таким образом, функциональная грамматика ориентирована больше на собственно грамматическую сторону языка, в то время как её ответвление, обозначенное как теория функционально-семантического поля, более ориентировано на содержательно-семантическую сторону языка.

К работам по собственно функциональной грамматике можно отнести нижеследующие исследования, принадлежащие как германистам, так и представителям славянского языкознания [125], [151].

Так, германист О.И. Москальская изучает немецкий синтаксис в разрезе его системного описания. В основу своего исследования она кладёт понятие модели предложения, в которой выделяются две составляющие: структура и семантика. Данные две составляющие обуславливают сущность предложения и его модели.

Другой советский русский германист Н.И. Филичева изучает грамматическую систему немецкого языка с позиций синтаксического поля, т.е. основное внимание уделяет собственно грамматической стороне языка [157, с. 15].

Основываясь на грамматических категориях немецкого языка, автор выделяет четыре синтаксических микрополей: 1. Микрополе прямого действия, 2. Микрополе ориентации действия и участия в действии, 3. Микрополе комплетивности, 4. Микрополе обстоятельственности и атрибутивности. Синтаксические микрополя обладают рядом конституирующих грамматических

признаков, которые способствуют иерархическому строению внутри поля, при этом “ядро поля выступает как центр притяжения для периферийных элементов. В подобном взаимодействии – причина динамичности синтаксического поля, источник его исторической изменчивости” [157, с. 207].

В фундаментальном коллективном труде по теории функциональной грамматики, написанном учёными-русистами под редакцией известного учёного А.В. Бондарко, изучаются в функциональном аспекте так же грамматические категории языка как: аспектуальность, временная локализованность и др. Изучая грамматическую категорию аспектуальности, ученые обращают особое внимание на содержание и типы грамматического предельного действия, на ограниченность – неограниченность действия, на предельность – неопредельность действия, на многократность – однократность действия и др [151, с. 320].

Имеются и другие работы в теории функциональной грамматики, в которых приоритет отдаётся неграмматической стороне языка, а стороне синтаксической. Также как и в предыдущем случае здесь можно выделить работы, выполненные на материале германских и славянских (русского) языков. Учёные-германисты Е.В. Гулыга и Е.И. Шендельс изучают грамматико-лексические поля в современном немецком языке. Под грамматико-лексическим полем они понимают “разнообразные средства грамматического и лексического уровня, призванные выражать и называть общие значения, связанные между собой не случайными отношениями, а отношениями, позволяющими установить определённые закономерности [62, с. 8].

Другой германист Н.М. Минина сужает понятие семантического поля. Если обоснованно под семантическим (функционально-семантическим) полем понимают совокупность разноуровневых средств, относящихся к одной семантической категории, то названный ученый конкретизирует семантическое поле в его отнесенности только к одному слову, и, следовательно, семантическое поле предстаёт в виде лексико-грамматической парадигмы слова [122, с. 29].

Группа русистов в своей коллективной монографии изучает практический материал русского языка в функциональном освещении. Несмотря на то, что в

работе в качестве предмета изучения привлекаются грамматические явления, связанные с ситуацией общения и контекстом, большая часть изыскания посвящена именно лексической стороне языка. Авторы выявляют, что грамматическое явление содержит в себе многие лексико-семантические компоненты; грамматическое значение может в функциональном отношении разбавляться лексической семантикой, которая становится даже превалирующей в грамматической конструкции [164, с. 144].

Именно “скрытая семантика”, содержащаяся в грамматически функциональных конструкциях, склоняет чашу весов в проводимом лингвистическом анализе в пользу семантической стороны языка.

Кыргызстанский ученый М.И. Лазариди изучает с позиции функциональной лингвистики психические состояния человека. В ее монографии рассматриваются вопросы выявления, классификации и освещения всех возможных средств обозначения и выражения базовых психических состояний в русском языке, к которым она относит: «страх», «беспокойство», «злость», «грусость», «радость», «стыд». Систематизация иерархических средств, взаимодействующих на семантической основе и выражающих означенные психические состояния человека, представлена в виде функциональных номинативных полей. Основу данных функциональных номинативных полей составляют семантические составляющие.

«Номинативно-функциональные поля – это система различных уровней языка, объединённых на семантической основе для обозначения понятия “психическое состояние” и строящихся в строгой иерархии на основе инвариативного значения. Семантический вариант номинативно-функционального поля является глубинной структурой и проявляется на поверхностном уровне в виде исходной модели – ядра поля и его модификации, составляющих центр и периферию поля» [117, с. 273].

Теперь о работах функционально-грамматического плана в Кыргызстане. В последнее время появились некоторые исследования кыргызских учёных, в которых затрагивается проблемы функционально-грамматического подхода к

сопоставляемым явлениям генетически неродственных и грамматически разнотипных языков; при этом кыргызский язык сопоставляется с языками русским, немецким и английским. Так, кыргызский лингвист А.Н. Сыдыков изучает лексико-семантическую микросистему со значением времени в кыргызском и русском языках [150, с. 18]. М.Х. Уева изучает функционально-семантическое поле пространственной ориентации в кыргызском и немецком языках [156, С. 20-21]. Ф.Д. Кадыркулова изучает функционально-семантическое поле одушевлённости в кыргызском и немецком языках [90, с. 16]. А.Ж. Сарымсакова изучает функционально-семантический аспект синсемантических номинативных единиц кыргызского и немецкого языков [137, с.15]. Н.Б. Джаркинбаева изучает функциональное семантическое поле локативности в кыргызском и английском языках [67, с. 18]. Проблемы теории семантического поля также затрагиваются в работах Е.И. Джоламановой [168, С. 149-154].

Все отмеченные выше работы кыргызских языковедов объединяет одно качество – все они выдвигают во главу угла семантическую сторону языка и исходят из определённой семантической категории. По их мнению все морфологические словообразовательные и синтаксические языковые средства группируются и функционируют в языке на основе одной общей, отдельно взятой семантической категории, конституирующей то или иное функционально-семантическое поле (Сыдыков, 1996; Уева, 1999; Кадыркулова, 2002; Сарымсакова, 2007; Джаркинбаева, 2008; Джоламанова, 2009).

Несмотря на акцентирование грамматической или семантической стороны изучаемого явления при функциональном исследовании языка, обе выше означенные группы лингвистов в рамках единой теории функциональной грамматики останутся едины в одном; в собственно грамматическом подходе или же в собственно семантическом подходе, все же основополагающей признается содержательно-понятийная сторона языковых средств, анализируемых с позиции их функциональной предназначенности.

1.3. К вопросу о вербоцентрической теории глагола

Обсуждение проблем вербоцентрической теории предложения связано, прежде всего, с объектом нашего исследования – с глагольно-временными формами в английском и кыргызском языках. Поскольку глагол здесь является основной составляющей, то постольку для нас представляет несомненный интерес его место и значимость в синтаксической структуре предложения, в нашем случае, английского и кыргызского языков. Лингвистический статус глагола в структуре предложения обусловлен частеречной предназначенностью глагола в своей основной функции занимать синтаксическую позицию сказуемого; отсюда и возникновение составного термина «глагол-сказуемое», который часто используется в грамматических исследованиях. Языковая единица глагол, определяемый как «...часть речи, выражающая грамматическое значение действия (т.е. признака подвижного, реализующегося во времени) и функционирующая по преимуществу в качестве сказуемого» [180, с. 104], проявляет в структуре предложения различные грамматические признаки, которые позволяют уточнить его место в означенной структуре. Уточнение места глагола как сказуемого приводит к постановке и разрешению тривиального вопроса: что главнее в синтаксической структуре предложения – глагол-сказуемое или же подлежащее? Они оба: глагол-сказуемое и подлежащее – являются главными членами предложения во всех известных языках. Но какой из них главнее – этот вопрос является до сего времени дискутируемым и не полностью разрешённым. В прямом соответствии с означенными двумя главными членами предложения в современном языкознании имеются две точки зрения на разрешение данной проблемы. Одна группа учёных, независимо от языка изучения, считают главный член предложения подлежащее главным и независимым от других членов предложения, в первую очередь от глагола-сказуемого. Например, известный англист А.И. Смирницкий пишет по этому вопросу: «Поскольку подлежащее указывает на то, к чему относится предикат и предикация, выраженная в сказуемом, само сказуемое оказывается подчиненным подлежащему. Подлежащее представляет собой таким образом структурный

центр предложения, который грамматически и структурно доминирует над сказуемым. В то время как сказуемое зависит от подлежащего и формально ему подчинено, подлежащее не зависит ни от сказуемого, ни от какого-либо другого члена предложения. Так, например, в предложении I see a man in the street – Я вижу какого-то человека на улице - все слова, кроме I, зависят от сказуемого see; но see, в свою очередь подчинено подлежащему I. Это становится ясным, если заменить местоимение I каким-нибудь местоимением третьего лица единственного числа; в этом случае изменится и форма сказуемого: He sees a man in the street» [144, С. 137-138; 160, С. 94-95]. Точно такая же точка зрения высказывается в тюркологии, в частности в кыргызском языкознании. «Главные члены предложения являются взаимосвязанными грамматическими категориями. Один из них – подлежащее, которое является синтаксической категорией, грамматически независимой от других членов предложения, выступающей как определённое лицо или предмет, явление и т.д., о которой идет речь, и обладающей каким-либо признаком, качеством, количеством, действием и т.п., выраженным сказуемым. Другой – сказуемое – является синтаксической категорией, грамматически зависимой от подлежащего и выражающей его действие, состояние, признак, качество, количество и т.д.» [65, с. 54; 13, с. 360]. Верифицируем последнее высказывание на фактическом материале кыргызского языка: А/ Жакындан бери почточу Курман көчөнүн бери башындагы эки үйгө жолобой, шашылган болуп четтен чабат [Айтматов, 2008].

В приведенном примере А/ в качестве подлежащего задействована определительная группа “почточу Курман”, а в качестве сказуемого объектная группа “четтен чабат”. Подлежащее представляется в означенном примере независимым членом предложения, поскольку оно, выражаясь независимым именительным падежом существительного (атооч жөндөмө), как бы главенствует в структуре предложения не только в смысловом отношении, но и грамматически. К примеру, если заменить данную определительную группу “почточу Курман” на местоимение первого лица единственного числа “мен”, то мы получаем трансформацию глагольного сказуемого “чабат” на “чабам”, что

означает якобы, зависимый от подлежащего характер сказуемого. Вернёмся назад и акцентируем, что критериями главенствующей роли подлежащего в грамматической структуре предложения являются три момента: 1/ подлежащее, в позиции которого выступает существительное, местоимение или другое субстантивированное слово независимо ни от каких других членов предложения; 2/ существительное, местоимение или другое субстантивированное слово обычно стоит в самом “независимом” именительном падеже в структуре предложения; и 3/ подлежащее обычно обозначает субъект предложения, который семантически превалирует в смысле предложения [146, С. 138-139; 66, С. 55-56; 133, с. 51]. У глагола мы насчитали пять лингвистических критериев, посредством которых глагол как часть речи в синтаксической позиции сказуемого объявляется главным доминирующим и превалирующим членом предложения в синтаксической структуре предложения.

Во-первых, именно глагол-сказуемое, соотносясь с подлежащим, относит содержание предложения, равно данный предмет мысли к действительности, или предикации. С этих позиций глагол в позиции сказуемого подразделяется на два вида: а/ глагол полной предикации, т.е. полнозначный глагол, самостоятельно выступающий в функции сказуемого; и б/ глагол неполной предикации, т.е. глагол, функционирующий в качестве связи в составном сказуемом [176, С. 103-104; 165, с. 114].

Во-вторых, глагол-сказуемое несёт в себе основную смысловую нагрузку в семантической структуре предложения, обозначая качество свойства, признака, действия и состояния предмета речи; без него подлежащее, выражающее предмет речи, теряет всякую семантическую ценность, превращаясь в обыкновенное существительное, не соотносящееся с действительностью [3, С. 43-44].

В-третьих, семантическая релевантность и самодостаточность глагола-сказуемого проявляется в его способности и в структурно-грамматическом отношении влиять на все второстепенные члены предложения, которые могут входить в группу сказуемого и в грамматико-семантическом отношении быть

ему подчинёнными. Так, в рассматриваемых языках – английском и кыргызском – глаголы-сказуемые могут группировать вокруг себя все второстепенные члены предложения: дополнение, обстоятельство, определение, в то время как существительное в позиции подлежащего может присоединять к себе только определение [34, С. 128-129; 34, С. 242-244].

В-четвертых, структурно-грамматическое влияние глагола-сказуемого на все второстепенные члены предложения трансформируется в валентностные свойства, который предстает как основной носитель валентности и в качестве такового присоединяет к себе и управляет почти всеми прочими полнозначными и неполнозначными частеречными словами: существительными, прилагательными, предлогами и послелогоми и др. [150, С. 202-203].

И, в-пятых, собственно структурно-синтаксическая самодостаточность глагола-сказуемого, реализующаяся через так называемые безличные предложения, или предложения с формальными, или неопределенно-личными, или неопределенными подлежащими, позволяет считать глагол-сказуемое главенствующим в структуре предложения членом, поскольку оказывается, что для коммуникативного функционирования предложения-высказывания категории подлежащего может и не понадобится, т.е. можно обойтись в высказывании и без полнозначного подлежащего (предложения с формальным подлежащим, с неопределенно-личным подлежащим, с неопределенно подлежащим) и даже без подлежащего вообще (безличное предложение) [48, С. 190-191; 8, С. 111-112].

Мы присоединяемся ко второй точке зрения о главенствующем положении глагола-сказуемого в структуре предложения, этому способствовали вышевысказанные наши суждения о том, что глагол-сказуемое имеет больше оснований для его выделения в качестве доминирующего члена предложения, нежели чем подлежащее: было определено пять таких оснований у глагола-сказуемого, в то время как у подлежащего только три основания. И к тому же за принятие нами такого решения о превалирующей роли глагола в структуре предложения способствовал также тот факт, что глагол, занимающий

преимущественно позицию сказуемого в обоих анализируемых языках, обладает большим количеством грамматических категорий, нежели чем имя существительное, занимающее в обоих анализируемых языках позицию подлежащего [80, С. 166-167]. Против шести однозначных грамматических категорий в английском языке: лица, числа, времени, наклонения, залога и двух полукатегориальных явлений: переходности-непереходности, а также значения видового характера – в английском языке наличествуют и противостоят только две таковые категории имени существительного: «имени существительного в английском языке присущи следующие грамматические категории: категория числа и категория падежа» [81, с. 26; 80, с. 77]. В кыргызском языке, где грамматические категории глагола доминируют в количественном отношении: «глагольные действия в составе предложения проявляются в спрягаемых глаголах, в которых отражаются и выражаются основные глагольные категории наклонения, числа и залога, к общим признакам следует отнести также семантику процессуальности и способов образования отрицательного аспекта» [58, С. 11-12; 33, С. 57-58]. Семи вышеуказанным грамматическим категориям глагола: наклонению, времени, лицу, числу, процессуальности и отрицательности противостоят в кыргызском языке только четыре грамматические категории существительного «В современном киргизском языке имена существительные обладают грамматическими категориями падежа, числа, принадлежности и сказуемости» [58, с. 43; 33, С. 28-29]. Да и к тому же следует иметь в виду, что данные общие грамматические категории глаголов, в нашем случае, подразделяются в своей системе категорий на частные грамматические категории.

1.4. Обзор сопоставительно-грамматических исследований в общей теории языка

Озаглавив данный раздел работы: «Обзор сопоставительно-грамматических исследований в общей теории языка», мы имели в виду два момента. Во-первых, «сопоставительно-грамматическими исследованиями в

общей теории языка» мы считаем работы сравнительно-типологического плана, которые созданы в языкознании во второй половине XX века и по настоящее время на материале именно контрастивного сопоставления грамматических систем какого-либо иностранного языка (английского, немецкого, французского) с каким-либо тюркским языком (башкирским, татарским, узбекским) или с русским. Во-вторых, в настоящем разделе мы будем анализировать семантическое строение совокупности, совершенность – несовершенность и перфективность – имперфективность глагольного действия и др.

Для обзорно-теоретического анализа вышеуказанного типа нами избрано девять основополагающих сопоставительных работ (Терегулова, Ахмеров, 1953; Федоров, Кузнецова, Морозова, Цыганова, 1961; Гак, 1976; Гатиатуллина, 1979; Буранов, 1983; Зленецкий, Монахов, 1983; Горохова, Филипнова, 1985; Аракин, 1989; Абрамов, 2001].

Башкирские учёные Р.Н. Терегулова и К.З. Ахмеров сравнивают грамматический строй русского и башкирского языков.

Сопоставляя категорию времени в русском и башкирском языках, авторы отмечают, что «действие, выраженное глаголом, мыслится в определённом отрезке времени: или относится к настоящему времени, или к прошедшему, или к будущему времени. Различные времена имеют особенности в своём значении и форме употребления» [156, с. 120].

Настоящее время (хазерге заман) указывает, что действие происходит одновременно с моментом речи и выражается в обоих языках соответствующими личными окончаниями: иду, идёшь, идёт – барам, бараның баре. Форма настоящего времени в обоих языках – русском и башкирском – может быть приурочена к какому-либо определённому моменту, или же может происходить постоянно, обычно.

Прошедшее время (үткөн заман) обозначает действие, предшествовавшее моменту речи. В обоих языках глаголы прошедшего времени изменяются по числам, а в русском же языке также и по родам: урок кончился – дарес бөттө,

зарядка кончилась – зарядка бөттө, занятие кончилось – занятие бөттө.

Будущее время (килесэк заман) указывает на то, что действие будет происходить после момента речи. В обоих языках будущее время бывает простым: сделаю – эшлермен, а в русском оно ещё бывает сложным: буду делать – эшлермен [156, С. 120-121].

Известный ученый В.Г. Гак подвергает сравнительно-типологическому анализу грамматические системы романского французского языка и славянского русского языка. Автор отмечает при сравнении французских и русских глагольных времён: «Сопоставительный анализ глагольных времён во французском и русском языках затрудняется тем, что ни для того, ни для другого языка теоретически не установлены ни чисто времена, ни их номенклатура» [47, с. 146]. Это обусловлено в русском языке тем, что глагольные формы времени связаны непосредственно с категорией вида: если глаголы несовершенного вида имеют три временные формы (спал, сплю, буду спать), то глаголы совершенного вида только две временные формы (прочитать, прочитаю). Форму «прочитаю» трактую двояко: или как будущее время, или как будущее в настоящем [48, С. 146-147].

Татарский учёный З.З. Гатиагуллина проводит сравнительно-типологический анализ английского и татарского языков. Анализируя грамматическую категорию времени, автор отмечает, что «... глаголы как в английском, так и в татарском языке имеют типологическую общность, которая выражается в том, что они обладают как абсолютными, так и относительными временными формами» [51, с. 65]. Абсолютные формы времени базируются на логических временах прошедшего, настоящего и будущего.

В английском языке они выражаются, к примеру Present Indefinite и Past Indefinite, а в татарском формой I-го прошедшего и II-го прошедшего времён. Все остальные глагольно-временные формы могут быть временными формами [51, с. 72].

Дж. Буранов предпринимает попытки сравнительно-типологического анализа английского и среднеазиатских тюркских языков, в

основном, узбекского. Особо не изучая глагольно-грамматические формы анализируемых языков, учёный всё же затрагивает некоторые моменты глагольных времён в раскрытии роли понятий: грамматическая категория, грамматическое значение и грамматическая форма. Если глагольно-грамматическое время, например плана настоящего, может быть интерпретировано как грамматическая категория, то форма проявления данного времени, например, Indefinite tense, может считаться грамматической формой данной грамматической категории плана настоящего. Конкретные же морфологические способы образования слов уже реализуются через грамматические значения.

«Межъязыковая гетерогенность грамматических форм характеризуется межъязыковой разнородностью формальных средств выражения грамматических значений. В обоих случаях эти средства находят выражение на том же самом уровне иерархии языка. Приведём пример межъязыковой гетерогенности: категория претеритности в английском выражается, в основном, суффиксом – (e)-d, в то время как на том же уровне тюркские языки имеют: -ди (-ты,-ды,-ті), а русский язык – суффикс -л и т.д» [45, с. 102].

В работе учёных А.З. Зеленецкого и П.Ф. Монахова предпринимается сравнительно-типологический анализ языковых систем немецкого и русского языков. Рассматривая категорию времени в обоих языках, авторы проецируют её на функциональные микрополя в соответствии с выделением и различением в лингвистике двух типов времён: абсолютного времени, соотнесённого с логическим временем, и относительного времени, соотнесённого с грамматическим временем. Основой для сравнительно-типологического описания категории времени учёные считают одно микрополе, состоящее из двух микрополей – микрополе абсолютного времени и микрополе относительного времени [84, С. 131-132].

В монографии известного советского русского учёного В.Д. Аракина сравниваются в типологическом аспекте языковые системы английского и русского языков.

Затрагивая у глагола грамматическую категорию времени, автор указывает на её тесную связь с грамматической категорией вида. Но данная категория вида проявляется в сравниваемых языках по-разному. Если в русской грамматической системе она как бы существует автономно и параллельно, то в английском языке данная категория вида существует внутри грамматической категории времени. «Согласно точки зрения, представленной рядом учёных, система временных форм современного английского языка состоит из двух соотносительных рядов форм времени – из абсолютных временных форм, к которым относятся формы группы *Indefinite*, и относительных временных форм, к которым относятся времена группы перфект и длительные. Видовые же значения, не образуя, согласно этой точке зрения, морфологически выраженной категории, как бы накладываются на временные значения» [16, с. 127].

Различия абсолютных форм времени от относительных форм осуществляется в той или иной её соотнесенности с моментом речи: абсолютная форма настоящего времени обозначает действие, совпадающее с моментом речи; абсолютная форма прошедшего времени обозначает действие, совершившееся до момента речи точка, абсолютная форма будущего времени обозначает действие, которое совершится после момента речи [16, С. 125-126].

Известный советский русский лингвист Б.А. Абрамов сопоставляет грамматические системы немецкого и русского языков. Анализируя грамматическую глагольную категорию времени, автор отмечает, что данная категория в обоих языках имеет сходное назначение и сущность. Её противочлены выражают соотнесенность обозначаемой в предложении ситуации с моментом речи, либо с другой ситуацией, с другим фрагментом реальности [3, с. 237].

1.5. Обзор сопоставительно-грамматических исследований в кыргызском языкознании

В кыргызском языкознании мы обнаружили и проанализировали некоторое количество работ по сопоставительным исследованиям, в которых в

той или иной связи затрагивалась бы проблема типологического сравнения глагольных времен (Турсуналиев, 1967; 1988; Скирдов, 1970; Чонбашев, 1980; Жолдошбек уулу, 1996; Жапаров, 2007; Нарматова, 2007; Мамбетова, 2008; Курганова, 2011).

В работах означенных выше кыргызстанских учёных вопросы сопоставления глагольно-временных форм изучаются на материале сравнения кыргызского с русским или с английским, или с немецким языками. Рассмотрим сопоставительные работы означенных выше авторов только в той плоскости и в том объёме, в котором они сравнивают в типологическом аспекте глагольные времена, их грамматические формы, видоизменения и употребление.

Кыргызский учёный Т. Турсуналиев изучает методику преподавания английских глаголов в кыргызскоязычной школе и, конечно же, не может обойти вопрос лингвометодического сравнения временных форм глаголов в английском и кыргызском языках. Лингводидактический опыт преподавания в совокупности с сопоставительным анализом позволили автору утверждение, «...что значение некоторых временных форм в обоих языках подчас довольно близки. Это относится к таким временным формам как Present Indefinite (в английском языке) и адат учур чак (в кыргызском языке), которые употребляются для выражения обычно повторяющихся действий в настоящем: Present Continuous (в английском языке) мезгил учур чак (в кыргызском языке), основным значением которых является выражение действия, происходящего в момент речи» [158, с. 6].

Учёный отмечает, что другая часть временных форм английского языка имеет как совпадение с кыргызскими временными формами признаки и свойства в плане содержания и выражения, так и несовпадение, и такое сходство и несходство временных глагольных форм обуславливает большие трудности при изучении английских временных форм в кыргызскоязычной аудитории [158, С. 6-7; 159, С. 12-13].

Трудности усвоения глагольно-временных форм английского языка со стороны кыргызскоязычных обучаемых возрастают, когда данные английские временные формы не имеют сходных глаголов в кыргызском языке: «Некоторые

временные формы английского языка не имеют соответствующих форм в родном языке учащихся, а их значение передаётся иными способами (это относится к временным формам Present Perfect, Past Continuous). В образовании временных форм двух языков также наблюдаются несовпадения. Так, утвердительная форма английских времен Present, Past Indefinite образуется синтетически, а отрицательная и вопросительная аналитически; в киргизском же языке соответствующие времена (адат учур чак и айкын өткөн чак) образуют как утвердительную, так и вопросительную и отрицательную формы синтетически» [158, с. 7]

Кыргызстанский учёный В.Ф. Скирдов, исследуя в сравнительно-типологическом плане синтаксис сложных предложений в русском и киргизском языках, сопоставляя сложноподчинённые предложения с придаточным времени, отмечает, что в русском языке между действиями и явлениями частей сложноподчинённого предложения наблюдается два основных вида временного соотношения: 1/ отношение одновременности между действиями и явлениями частей сложноподчинённого предложения: главной и придаточной; и 2/ отношение разновременности (последовательности) действий или явлений главной и придаточной частей. Однако «эти основные виды временной соотносительности могут осложняться различными оттенками или подразделяться на частные разновидности: полная или частичная одновременности, действие главной части предложения предшествует действию придаточной, действие главной части следует за действием придаточной части и т.п.» [143, с. 96].

Выявляется, что в киргизском языке выразителями подчинительных временных отношений, а также способом связи между главной и придаточной частями служат неличные формы сказуемых в определённом падеже или же в сочетании со специальными аффиксами, послелогоми, служебными словами и т.п. Многие из этих грамматических средств, в частности, послелогои и служебные слова имеют чётко выраженное временное значение.

Однако общая тенденция выражения временных отношений в сложноподчинённом предложении кыргызского языка, по суждению означенного учёного такова: «Таким образом, в кыргызском языке мы имеем дело с таким явлением, когда отдельные формы связи частей сложноподчинённого предложения не могут сами по себе указывать на одновременность или разновременность действий. И в кыргызском языке при выражении того или иного временного соотношения грамматические средства связи придаточных частей с главными должны соотноситься с определёнными лексическими и грамматическими значениями сказуемых» [143, с. 98].

Кыргызский учёный-типолог К.С. Чонбашев исследует синтаксис простого предложения в кыргызском и в русском языках. Грамматическая категория времени затрагивается учёным только в одной связи – при сопоставлении обстоятельств времени в русском и кыргызском языках в структуре простого распространённого предложения.

Автор отмечает, что в русском языке обстоятельство времени может характеризовать действие без указания на временной предел или с указанием на него. Обстоятельства времени с указанием на временной предел обычно содержат в себе указания на исходный или конечный моменты [171, с. 128].

Известный кыргызский учёный-германист А. Джолдошбеков (Жолдошбек уулу Абдыкерим) сравнивает в типологическом плане системы глагольно-временных форм немецкого и кыргызского языков.

Автор отмечает, что в немецком языке данная система конституируется шестью грамматико-временными конструкциями: 1/ претерит, 2/ перфект 3/ плюсквамперфект для выражения категории прошедшего; 4/ для выражения категории настоящего, и 5/ футурум-I и 6/ футурум-II категории будущего. В кыргызском же языке им соответствуют девять глагольно-временных конструкций: 1/ айкын өткөн, 2/ адат өткөн чак, 3/ белгисиз өтөн чак, и 4/ капыскы өткөн чак – для выражения логической категории прошедшего; 5/ жөнөкөй учур чак, 6/ татаал учур чак – для выражения категории настоящего, и

7/ арсар келер чак, 8/ айкын келер чак, 9/ татаал келер чак – для выражения категории будущего.

Однако, только наметив функциональную соотнесённость глагольно-временных систем немецкого и кыргызского языков в плане перспективы сопоставительного исследования, учёный отмечает, что между временными формами в обоих языках не наблюдается прямой корреляции: «Немис жана кыргыз тилдеринин этиштеринин чак категорияларын типологиялык жактан салыштырыш бир топ татаал, анткени – алар эки тилде этиштин чак түрлөрү жана алардын синтагматикалык өзгөчөлүктөрү өз ара кескин айырмаланышат, анын үстүнө кыргыз тилинин этиштик чак формалары ыңгай категориясы менен ушунчалык чырмалышып калышкан, ар чакта кандайдыр бир ыңгай мааниси кошо туюндурулуп турат. Ал эми немис тилинин баяндагыч ыңгайында өз алдынча чактары болсо, шарттуу ыңгайда / конъюнктивде / өз алдынча чактар бар жана баяндагыч ыңгай / индикатив / менен шарттуу ыңгай (конъюнктив) түзүүчү атайын -е морфемасы бар, баяндагыч ыңгайда / индикатив / мындай морфема болот» [82, С. 148-149].

Известный кыргызский языковед типолог-русист З.К. Дербешева разрабатывает теоретические основы сопоставительно-контрастивной морфологии русского и кыргызского языков. Учёный различает две взаимосвязанные сущности в аспекте констративного сопоставления двух генетически неродственных и грамматически разнотипных русского и кыргызского языков: глагольное время и грамматическое время.

«Глагольное время – грамматическая категория глагола, являющаяся специфическим отражением объективного времени и служащая для темпоральной локализации события или состояния, о котором говорится в предложении. Сущность грамматического времени – соотношение действия глагола с моментом речи или другим ориентиром времени, опирающееся на специальные формальные средства языкового выражения» [72, с. 175].

По мнению учёного, на основе органического слияния глагольного времени и грамматического времени эксплицируется собственно

лингвистическая категория времени, которая предстаёт как словоизменительная глагольная парадигма, обнаруживающая себя в парадигматических противопоставлениях грамматических временных значений, выражающих эти значения специальными глагольными формами.

Вся основа сопоставления глагольно-временных форм в разносистемных языках зиждется на так называемом моменте речи, который «... признается большинством лингвистов центром системы времён в целом. Однако необходимо различать внеязыковой / действительный и языковой / грамматический моменты речи. Вторым является отражением первого: внеязыковой момент речи – элемент объективного времени, грамматический момент речи – элемент системы языка» [72, с. 175].

В обоих сравниваемых языках – русском и кыргызском – семантика грамматических глагольно-временных конструкций зависит от отношения высказанного к моменту речи, а именно, к грамматическому моменту речи.

Время глагола, ориентированное на грамматический момент речи, обозначается автором как абсолютное грамматическое время. Время глагола, ориентированное на временное указание в другом глаголе, обозначается автором как относительное грамматическое время [72, с. 178].

А. Жапаров сопоставляет синтаксические системы кыргызского и русского языков. Анализируя способы выражения сказуемых в означенных языках, учёный делает основной упор на глагольные сказуемые в форме изъявительного наклонения. Глагольное сказуемое в форме настоящего времени в русском языке всегда согласуется с подлежащим в числе. «Что же касается кыргызского языка, то формы множественного числа сказуемого используется лишь тогда, когда в роли подлежащего выступают слова, обозначающие человека» [77, с. 72]. Например: Адамдар келишти – Аттар келди.

В русском языке глагол-сказуемое в прошедшем времени не имеет показателя лица, а поэтому обязательной нормой является наличие подлежащего при глагольном сказуемом в прошедшем времени.

«В кыргызском языке наличие подлежащего при сказуемом в форме прошедшего времени так же необязательно, как и при других временных глагольных формах, так как глагол в прошедшем времени в I и II лицах обоих чисел имеет личные аффиксы, а в III лице показателем служит форма прошедшего времени, или нулевой личный аффикс» [77, с. 74].

Что же касается глагольных сказуемых в форме будущего времени, то в русском языке, в зависимости от видовой принадлежности глагола, форма будущего времени может быть простой или сложной. Такие сказуемые выступают в трёх лицах обоих чисел и обладают теми же свойствами, что и сказуемое, выраженные формой настоящего времени. В I и II лице обоих чисел допустимо опущение подлежащего, а в III лице такое явление наблюдается лишь при наличии поясняющего контекста. «В кыргызском языке глагол в форме будущего времени имеет личные показатели во всех трех лицах, а потому опущение подлежащего в этом языке определено только стилистическими целями» [77, с. 76].

Кыргызский языковед Нарматова Б.Б. сопоставляет структуры английских и кыргызских предложений в страдательном залоге. Автор констатирует, что «предложение со страдательным залогом употребляется во всех стилях современной английской и американской художественной литературы» [130, с. 9]. Аналогичное наблюдается и в сравниваемом кыргызском языке. Английские глаголы страдательного залога в Present Indefinite Passive, Present Continuous Passive и Present Perfect Passive в составе предложений со страдательным залогом могут передавать действие, не соотнесённое с моментом речи, но большей частью глаголы страдательного залога передают конкретные действия, соотнесённые с моментом речи. Глаголы кыргызского языка в предложениях со страдательным залогом передают большей частью действия, не соотнесённые с моментом речи. Это обусловлено с грамматической точки зрения тем, что «в английском языке страдательный залог часто употребляется в прошедшей неопределённой и прошедшей перфектной формах, а в кыргызском языке – в прошедшей определённой и давнопрошедшей формах» [130, с. 16].

Кыргызстанский ученый О.Ю. Шубина изучает семантику итеративности и средства её выражения в английском и русском языках. Понимая под итеративностью семантическое явление “многократно повторяемого действия: действие или ситуация повторяется через определённые промежутки времени с той или иной периодичностью” [172, с. 111], автор связывает итеративность, среди прочих грамматических категорий: виды, залог и наклонения, также и категорией темпоральности, т.е. глагольного значения. Однако множественность действий и ситуации, составляющие семантическую основу итеративности, детерминирует продолжительный и не соотнесённый с моментом речи временной характер итеративного значения глаголов в обоих сравниваемых языках: английском и русском. Таким образом, понятийно-содержательная сторона итеративности связывается в обоих языках сходной. Но различие наблюдается в структурно-грамматическом поверхностном выражении глагольной итеративности [172, С. 20-21].

Исследователь З.К. Мамбетова проводит типологическое исследование временных форм глаголов в немецком и кыргызском языках. Отмечая разнотипную грамматическую принадлежность немецкого и русского языков, автор констатирует грамматические парадигмы трёх логических временных планов в изучаемых языках. План логического прошедшего времени выражается в немецком языке тремя глагольно-грамматическими формами: претеритом (das Präterit), перфектом (das Perfect) и плюсквамперфектом (das Plusquamperfect), в то время как таковая в кыргызском языке выражается четырьмя глагольно-грамматическими формами: прошедшим определенным временем (айкын өткөн чак), прошедшим длительным или многократным временем (адат өткөн чак), прошедшим недатированным временем (жалпы өткөн чак) и прошедшим неожиданным временем (капыскы өткөн чак).

План логического настоящего времени выражается в немецком языке только одной глагольно-грамматической формой презенса (das Präsens). В кыргызском же языке для этого имеются две глагольно-грамматические формы:

простое настоящее время (жөнөкөй учур чак) и сложное настоящее время (татаал учур чак).

План логического будущего времени в немецком языке конституируется двумя глагольно-грамматическими формами: футурумом I (das Futurum I) и футурумом II (das Futurum II); в кыргызском языке в качестве соответствия выступают три глагольно-грамматические формы будущего времени: будущее определённое время (айкын келер чак), будущее сомнительное время (арсар келер чак) и будущее сложное время (татаал келер чак) [121, с. 16].

Кыргызстанский ученый Н.В. Курганова изучает семантику инхоативного глагольного действия в английском и кыргызском языках. Понимая под инхоативностью глагольную категорию, обозначающую начало глагольного действия (процесса) или его становление, автор связывает глаголы такого типа с темпоральными значениями, им присущими. Выявляется, что в обоих языках в глаголах инхоативного действия наличествует корреляция многократности-однократности, которая имеет определённую соотнесенность с моментом речи. Многократное действие соотнесено с моментом речи опосредовано, в то время как однократное действие соотнесено непосредственно. Совпадая коррелятивным признаком многократности - однократности действия, глагольная семантика обоих языков имеет и различия [115, с. 19].

Выводы по главе 1

1. Сопоставительное языкознание, возникшее в середине XX в., разработало принципы сравнения генетически неродственных и грамматически разнотипных языков, которые обозначены как: принцип учёта степени родства, принцип учёта грамматического типа языка, принцип системности, принцип достаточной глубины сравнения, принцип синхронности, принцип терминологической адекватности и принцип учёта межъязыковой интерференции.

2. Новое направление в языкознании, обозначенное как функциональная грамматика, исследует языковые системы и структуры в разрезе их языковых

составляющих с целеустановкой изучения их “функциональной работы”. Рассматривая все возможные уровни языка и их единицы, а именно, морфологическую, словообразовательную, лексическую и синтаксическую, функциональная грамматика выделяет некоторые их группировки, поля, которые конституируются на основе какой-либо определённой семантической категории.

3. В сущности, вербоцентрическая теория глагола представляет собой научные обобщения и систематизирование точки зрения только одной из сторон синтаксической дискуссии: что главнее в синтаксической структуре предложения – подлежащее или сказуемое? Мы присоединились к вербоцентрической точке зрения на синтаксическую структуру предложения, считая ее доказательства более весомыми, нежели чем доказательства сторонников “подлежащей” точки зрения. Также нами принят во внимание тот факт, что в обоих сопоставляемых языках, английском и кыргызском, глаголы обладают большим количеством грамматических категорий, нежели чем существительные.

4. В обзорно-теоретическом порядке нами были проанализированы фундаментальные работы известных ученых-типологов. Все учёные акцентируют внимание на вопросе сопоставления глагольных времён из различных языков, два момента: 1/ различают абсолютное время как непосредственную соотнесенность обозначаемого действия: “до”, “в то же самое время”, “после” – с моментом речи; 2/ различают относительное время как опосредованную соотнесенность обозначаемого действия: “через другое действие” или “через указания на другое время” – с моментом речи. Учёные отмечают, что абсолютное и относительное время имеют в каждом из анализируемых языков своеобразное грамматическое выражение и специфические глагольно-временные формы.

5. В сопоставительном кыргызском языкознании нами были в обзорно-теоретическом порядке проанализированы работы девяти ученых-типологов (Турсуналиев, 1967; 1988; Скирдов, 1970; Чонбашев, 1980; Жолдошбек уулу, 1996; Жапаров, 2007; Нарматова, 2007; Шубина, 2007; Мамбетова, 2008;

Курганова, 2011), в которых в той или иной мере затрагивались вопросы сравнения глагольных времён языков: английского, немецкого, русского и кыргызского.

ГЛАВА II. МАТЕРИАЛ, МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ АНГЛИЙСКИХ И КЫРГЫЗСКИХ ВРЕМЁН С ПОЗИЦИИ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ

2.1. Материалы, объект и предмет исследования

Сопоставительное изучение английских и кыргызских времён глагола предполагает применение нижеследующих материалов, методологии и методов сравнительного анализа означенных языковых явлений.

Материалы исследования были извлечены нами путём сплошной выборки из произведений художественной литературы, публицистики, научно-популярных источников прогрессивных английских и кыргызских авторов. Всего было выписано и проанализировано чуть больше 2500 предложений, в которых были употреблены английские и кыргызские глагольно-временные формы (1600 английских предложений и 900 кыргызских).

Объектом исследования в нашей сопоставительной работе являются глагольно-временные формы английского и кыргызского языков.

Предмет исследования - простые повествовательные предложения в изъявительном наклонении английского и кыргызского языков, в которых употреблены рассматриваемые глагольно-временные формы.

Логика мышления и языка дефилирует время как реальную категорию, «необратимую, неповторимую последовательность, характеризующую длительную и актуальную переживаемую, как непрестанно становящуюся» теперь (настоящее, в единстве моментов «ещё не (будущее) и «уже не» (прошлое)» [186, с. 382].

Таким образом, в логическом аспекте категория времени имеет три плана реализации: от плана прошедшего через план настоящего к плану будущего. И в идеале данные три плана: прошедшего, настоящего и будущего должны найти

симметричное отображение в лексико-грамматической системе языка. Но такого в реальных естественных языках не наблюдается. Напротив, в этой области глагольно-грамматических отношений наблюдается асимметрия, когда отсутствует «параллелизм (симметрия)... как связь между отдельными образами, мотивами и т.п. в произведении речи, выражающаяся в одинаковом расположении сходных элементов» [178, с. 311].

Асимметрия соотношения реальных трёх логических временных планов: прошедшего, настоящего и будущего с глагольно-временными грамматическими формами в английском языке проявляется в том, что таких глагольно-временных форм в означенном языке имеется шестнадцать. То есть в асимметрии находятся три логических временных плана и шестнадцать соотносящихся с ними английских глагольно-временных форм.

По всей логике вещей данные шестнадцать глагольно-временных форм должны были быть сгруппированы по трём логическим временным планам: прошедшего, настоящего и будущего. Но на самом деле, то есть фактически, английские глагольно-временные формы расклассифицированы в действительном залоге в четыре группы времен:

- 1 группа - Неопределённые времена (Indefinite Tenses)
- 2 группа - Продолженные времена (Continuous Tenses)
- 3 группа - Совершенные времена (Perfect Tenses)
- 4 группа - Совершенные продолженные времена (Perfect Continuous Tenses).

Основа асимметрии английских глагольно-временных форм и трех логических временных планов состоит в том, что в каждой из вышеперечисленных групп времён в английском языке, английской грамматике и в английской классификации входят все три означенных логических временных плана: прошедшего, настоящего и будущего. Так, неопределённые времена 1-ой группы Indefinite Tense включают в себя глагольно-временные формы, соотносящиеся со всеми тремя логическими временными планами:

Времена группы Indefinite:

The Present Indefinite tense (Настоящее неопределённое время)

Past Indefinite tense (Прошедшее неопределённое время)

The Future Indefinite tense (Будущее неопределённое время)

The Future Indefinite in the Past tense (Будущее неопределённое время в прошедшем).

Аналогично наблюдается и в других трёх группах времён английского языка [81, с. 92; 100, С. 106-107].

Такая асимметричная классификация обусловлена тем, что «система глагольных времён в английском языке не только выражает действие в настоящем, прошедшем или будущем времени, но и выражает отношения действия к данному моменту времени или другому действию» [28, с. 81; 146, С. 328-329].

В кыргызском же языке и в кыргызской грамматике соотношение трех логических временных планов и глагольно-временных форм более симметричное. В кыргызской грамматике имеются девять глагольно-временных форм, распределенных по трём логическим временным планам. План прошедшего образуется четырьмя глагольно-временными формами, план настоящего двумя, а план будущего тремя такими формами:

Логический план прошедшего:

1. Айкын өткөн чак (Прошедшее определенное время)
2. Белгисиз өткөн чак (Недатированное прошедшее время)
3. Капыскы өткөн чак (Прошедшее неожиданное время)
4. Адат өткөн чак (Длительное или многократное прошедшее время)

Логический план настоящего:

5. Жөнөкөй учур чак (Простое настоящее время)
6. Татаал учур чак (Настоящее сложное время)

Логический план будущего:

7. Айкын келер чак (Будущее определенное время)
8. Арсар келер чак (Будущее сомнительное время)
9. Татаал келер чак (Будущее сложное время)

Таким образом, в кыргызской грамматической системе логическая категория времён и её три логических временных планов совпадают по значению с грамматической категорией времени. «Грамматическое время показывает, совершён ли факт до момента речи (прошедшее время), совершается ли он в момент речи (настоящее время) или будет совершаться после момента речи (будущее время)» [58, С. 272-273; 75, С. 284-287].

2.2. Методологические основы исследования

2.1.2. Принципы типологии языков

Типология языков, или лингвистическая типология изучает основные, существенные признаки языков, их группировку, выявляет наблюдаемые общие закономерности в ряде языков и устанавливает типы языков.

В лингвистических исследованиях различаются “сравнительный метод” и “сопоставительный метод. Сравнительный метод используется в сравнительно-историческом изучении родственных языков, а сопоставительный метод сравнивает как родственные так и неродственные языки в синхронном аспекте [45, с. 13].

Лингвистическое сравнение бывает в виде: 1/ сравнительно-генеалогического сравнения; 2/ типологического сравнения систем и подсистем родственных и неродственных (односистемных и разносистемных) языков; 3/ сравнения языков определённого географического ареала (ареальная лингвистика) [45, с. 15].

Основателями морфологической классификации языков были братья Фридрих фон Шлегель и Август Вильгельм фон Шлегель, которые предложили типологическую (а именно морфологическую) классификацию языков. Ф. Шлегель на основе сопоставления морфологических признаков выделил два типа языков: аффиксальные (агглютинативные) и флективные (1809 г.). Его брат А. Шлегель выявил третий тип: изолирующие языки. Он также подразделял языки на синтетические и аналитические типы.

Усовершенствованная морфологическая классификация языков принадлежит В. фон Гумбольдту, который выделил четыре типа языков: флективные, агглютинативные, изолирующие и инкорпорирующие.

Американский учёный Э. Сепир в своей типологической классификации использует три критерия: техника объединения морфем, степень синтеза и характер грамматических процессов [104].

Другой американский исследователь Дж. Гринберг использует количественный принцип в выявлении типа языка. Он полагает, что все языки могут совмещать признаки различных типов [59].

В конце XIX века Ф.Ф. Фортунатов выделил смешанный тип языков (флективно-агглютинативный), к которому, по его мнению, относятся семитские языки, тем самым он дополнил классификацию В. фон Гумбольдта.

И.И. Мещанинов разработал типологическую классификацию на основе синтаксического критерия [104].

Фундаментальные взгляды на структурную типологию отражаются в трудах Б.А. Успенского, Ю.В. Рождественского, В.Г. Гака. По мнению Ю.В. Рождественского, предметом типологии является структурная типология, которая изучает: 1/ типологическую классификацию языков; 2/ лингвистические универсалии; 3/ языка-эталона; 4/ специальную типологическую теорию [135].

С.Д. Кацнельсон предложил континентную (содержательную) типологию языков, он утверждает, что в сознании бывают универсальные категории (в когнитивной лингвистике сегодня они трактуются как базовые концепты), которые служат основой единства всех языков и обеспечивают возможность усвоения других языков и осуществления переводов [99].

Языки бывают схожими по генетическому признаку, генетическое сходство обуславливается общим происхождением языков.

Ареальное сходство языков обуславливается прямыми контактами языков, взаимодействием культур или влиянием конкретного языка.

Типологическое сходство обуславливается универсалиями в генетически неродственных языках, что, в свою очередь, показывает универсальность

мышления и языка у разных народов [104]. В зависимости от того, какие языки сопоставляются, выделяют общую и частную типологию, сравнительное и сопоставительное языкознание, уровневую типологию и типологию отдельного языка, структурную (формальную) и функциональную типологию и т.д. В типологических исследованиях имеет место диахроническая типология, поскольку в своем историческом развитии язык может менять свою типологию и относиться к разным типам языков в разные периоды.

2.2.2. Основные положения сопоставительной лингвистики

Сопоставительная (контрастивная лингвистика) сопоставляет языки на всех уровнях языка (фонологический, морфологический, синтаксический, семантический). Возникновение сопоставительной лингвистики связано с трудом Р. Ладо «Linguistics across Cultures» (1957) [48]. В становлении контрастивной лингвистики большую роль сыграли работы Ш. Балли.

В России первыми представителями контрастивной лингвистики являются Л.В. Щерба и Е.Д. Поливанов. В контрастивной лингвистике один из сопоставляемых языков называют метаязыком, языком эталоном и исходным языком (source language) в переводоведении.

По мнению В.Г. Гак, сопоставительное (контрастивное) изучение языков решает следующие задачи:

- выявление схожих и отличительных черт в сопоставляемых языках;
- определение особенностей каждого из сопоставляемых языков;
- сопоставительное языкознание имеет тесную связь с отраслями прикладного языкознания, прежде всего с преподаванием иностранного языка, где решаются проблемы интерференции, с теорией перевода;
- сопоставительное языкознание выявляет языковые универсалии [48].

В.Г. Гак вслед за Штернеманном различает двустороннюю (многостороннюю) и одностороннюю контрастивную лингвистику. Двусторонняя и многосторонняя контрастивная лингвистика выявляет способы языкового выражения в двух или в большем числе языков. Односторонняя

контрастивная лингвистика выявляет значение какой-либо формы одного из языков и определяет способы выражения аналогичных значений в сопоставляемом языке.

Самой развитой областью сопоставительной лингвистики является сопоставительная грамматика (В.Н. Ярцева, В.Д. Аракин, В.Г. Адмони, В.Б. Кашкин). Сопоставительная грамматика русского и киргызского языков была опубликована в 1965 году О.В. Захаровой. В данной работе представляется сопоставление грамматики на уровне морфологии русского языка с киргызским языком, в том числе сопоставляются категории времени.

В работе Н.А. Баскакова «Сопоставительная грамматика русского и казахского языков» (Морфология) рассматриваются особенности грамматики русского языка в сопоставлении с грамматикой казахского языка.

Сопоставительная грамматика русского и узбекского языков была написана Е.Д. Поливановым (1938) и А.А. Азизовым (1983); сопоставительная грамматика русского и татарского языков изучена Замалетдиновым, М.Р. Саттаровой, С.С. Сафоновым, О.А. Чупряковой, З.Ф. Юсуповым (2019).

Ж. Цюй (2019) изучает категорию времени глаголов в русском и китайском языках.

В работе В.С. Сальникова (2018) и др. затрагиваются вопросы исследования категории времени в русском и немецком языках.

Диахрония категории времени глагола исследуется в диссертационной работе Т.В. Потаповой (2009), в диссертации Джалиловой А.Б. (2017) проводится сопоставительный анализ основных грамматических классов и категорий в рутульском и английском языках.

Видо-временная система глагола в аварском, русском и английском языках изучается в диссертационной работе А.А. Зиявудиновой (2011). Г.Н. Расулова (2016) изучает семантико-грамматическую характеристику глагола в таджикском и английском языках в своей диссертации.

2.2.3. Функциональная грамматика как отрасль языкознания

Основу функциональной грамматики составляют категории, которые выполняют в системе языка определённую работу, т.е. обладают определёнными функциями. Однако данные грамматические категории не являются лишь грамматическими явлениями, а именно, формально-грамматическими средствами. Они выражают, и всегда однозначно, какие-либо понятийные, содержательные значения, явления. И поэтому в целях однозначного толкования этого языкового явления его нередко называют семантической категорией.

Например, при определении одного из основных составляющих функциональной грамматики – функционально-семантического поля (в дальнейшем: ФСП) данное поле представляет в качестве системы «... разноуровневых средств данного языка (морфологических, синтаксических, словообразовательных, лексических, а также комбинированных – лексико-синтаксических и т.п.) взаимодействующих на основе общности их функций базирующихся на определенной семантической категории, функционально-семантическое поле аспектуальности, темпоральности, залоговости, локативности представляют собой разновидности языковых категорий» [184, с. 567]. В целях избежания двоякого толкования термина «грамматическая категория» (или его синонимичного употребления «семантическая категория») мы будем использовать однозначный термин “функционально-семантическая категория”, имеющий хождение в теории функциональной грамматики. Особенно хорошо вписывается данный термин в сопоставительное изучение грамматических категорий разносистемных языков, где их изучение складывается из разрешения нескольких частных, но взаимосвязанных задач.

Одним из основных понятий функциональной грамматики является функционально-семантическое поле, которое конституируется какой-либо функционально-грамматической категорией. Имеется много определений ФСП, но в основе всех их лежит принцип пространства.

«Понятие ФСП связано с представлением о некотором пространстве. В условном пространстве функций и средств устанавливается конфигурация

центральных и периферийных компонентов поля, выделяются зоны пересечения с другими полями» [42, с. 15].

Условное пространство поля традиционно оформляется в исследованиях по функциональной грамматике в виде круга, который имеет меньший по размеру круг внутри себя: территория меньшего круга определяется как центр, ядро поля, а территория в границах меньшего и большего круга определяется как окраина, периферия поля:

Функционально-семантическое поле

Такое “круговое” формальное изображение поля характерно не только для изысканий на материале только одного языка, но и для исследований сопоставительных, привлекающих в качестве предмета анализа материала двух, а порой и трёх языков.

В нашем случае с глагольно-временными грамматическими формами английского и кыргызского языков репрезентируется функционально-семантическая категория глагольного времени, темпоральности, которая имеет отношение ко всему ФСР: «и к его центру, и к его периферии. Но, проявляясь через определённые синтаксические конструкции данных функционально-семантическая категория глагольного времени по-разному реализуется в центре поля и на его периферии. В центре поля данных функционально-семантическая категория в составе определенных синтаксических конструкций реализуется как доминантное явление, т.е. как главный конституент поля, ... наиболее специализированный для выражения данного значения, передающий его наиболее однозначно и систематически используемый» [64, с.10; 155, С. 36-37].

В нашем языковом материале английских и кыргызских глагольных времён мы имеем один достаточно веский критерий для отнесения той или иной глагольно-временной формы к центру поля или к его периферии. Этот критерий обозначен в теоретической грамматике как абсолютное время и как относительное время. Их нельзя путать с логическими временами, с логическим временным планом прошедшего, настоящего и будущего. Абсолютное и относительное времена участвуют в логических временах и проявляются через

них. Поскольку данная грамматическая категория абсолютного и относительного времени является одной из важных и релевантных для нашего сопоставительного исследования, поскольку представляется оправданным цитирование нижеследующего развёрнутого суждения: «Точкой отсчёта времени могут быть: момент речи, время другого действия, момент «видения» и т.д. В соответствии с характером ориентира (точки отсчёта) различаются времена абсолютные и относительные. Время глагола, ориентированное на момент речи, принято называть грамматическим абсолютным временем. Таковы в современном русском языке настоящее, прошедшее и будущее времена. Время, точкой отсчёта которого является время действия другого глагола, называется относительным. В русском языке нет специальных морфологических форм относительных времён. В кыргызском языке формами относительного времени можно считать некоторые формы прошедшего времени» [72, с. 176].

Отметим ещё раз, что абсолютные временные отношения, абсолютные времена высказываний в системе любого языка прямо соотносятся с моментом речи и с его проявлениями “до (момента речи)”, “в (момент речи)” и “после (момента речи)”, но все же определяющим фактором являются отождествлённые понятия “момент речи” с логическим планом настоящего времени. И поэтому в современном английском языке все глагольно-временные формы, содержащие понятийный компонент “present”, относятся к типу глагольных времён с абсолютным временем. Это – The Present Indefinite Tense, The Present Continuous Tense, The Present Perfect Tense, The Present Perfect Continuous Tense [88, С. 67-68; 100, С. 106-109].

Ещё раз отметим, что прямое соотнесение содержания глагольно-временной формы и момента речи, т.е. момента высказывания говорящего, в лингвистике определяется как абсолютное временное отношение, абсолютное время.

Как мы уже отмечали, аппозитивным соответствием абсолютного времени в системе глагольно-временных форм выступает относительное временное отношение, относительное время. Если абсолютное время есть прямое

соотношение содержания глагольно-временной формы и явления «момент речи» в проявлениях «до, в, после», то относительное время такого прямого соотношения не показывает. Относительное временное отношение, относительная время наблюдается в таком высказывании, где глагольно-временная форма не выражает непосредственного момента речи; говоря другими словами, момент речи смещён и размыт. Объяснение такому факту можно найти у З.К. Дербишевой: «Относительное употребление ... время в русском языке представлено в контекстах, где формы времени глагола ориентированы не на момент речи, а на время другого глагольного действия. Например: Наполеон думал, что русские будут наступать ... » [72, с.177; 88, с. 68; 121, с. 8].

Однако, до сих пор мы не уточнили механизмы выявления и идентификации в содержании и в структуре глагольно-временной формы в составе предложения-высказывания явлений абсолютного и относительного времени.

Является общепринятым постулатом, что содержательное наполнение, план содержания любой грамматической формы, или синтаксической конструкции конструируется значимыми компонентами, семами, семантическими компонентами или граммемами. Но если первые три термина: “значимый компонент”, “сема”, “семантический компонент” – более тяготеют к исследованию и анализу понятийно-смысловой стороны языковых единиц, то термин “граммема” более подходит к анализу грамматических явлений языка, в нашем случае явлений глагольно-грамматических времён. Как отмечается в справочной лингвистической литературе «граммема – компонент грамматической категории, представляющий собой по своему значению видовое понятие по отношению к значению грамматической категории как понятию родовому» [184, с. 117].

Сравним: «Граммема. 1. Мельчайшая (предельная) единица грамматического уровня. 2. Элементарная единица грамматического значения» [178, с. 116].

Но грамматическая граммема, или граммема как мельчайшая, элементарная единица грамматического значения грамматической конструкции обладает сложной структурой. Означенная структура иерархически организована. Среди граммем мы различаем единицы более высокого порядка, присущие более объёмной группе грамматических единиц, а также граммемы более сниженного порядка, присущие меньшей группе грамматических единиц; первые мы обозначаем термином «архиграммема», а вторые – «дифференцирующая граммема».

В нашем фактическом материале граммемы высокого порядка, т.е. архиграммемы, отражают также функциональные семантико-грамматические признаки глагольно-временной формы, которые свойственны большой группе, или же всем, глагольным временам. Например, все глагольные времена логического плана прошедшего, логического плана настоящего и логического плана будущего в английском языке всех временных групп: Indefinite, Continuous, Perfect и Perfect Continuous обладают двумя архиграммемами: 1. действие и 2. субъект. Например, в теоретической грамматике английского языка отмечается, что «Present Indefinite употребляется для выражения действия, имеющего постоянный характер, происходящего обычно, действия привычного или свойственному лицу, обозначенному существительным или местоимением в функции подлежащего» [28, с. 86].

Аналогичное содержится и в характеристике времён группы Continuous: «Past Continuous передаёт действие совершаемое субъектом (лицом) в какой-то момент в прошлом».

Таким же образом категориально-грамматические признаки «действие» и «субъекта» содержится в содержательной стороне группы времён Perfect [100, с. 129], а также в содержательной стороне групп времён Perfect Continuous [28, с. 111].

Граммемы более низкого порядка, обозначенные нами как дифференцирующие граммемы, выражают функциональные семантико-грамматические признаки, присущие более ограниченному кругу языковых

единиц, в нашем случае грамматических глагольно-временных форм [145, С. 47-48].

Так, дифференцирующими граммемами категориально-семантической структуры глагольных времён в английском Present Indefinite Tense можно считать такие категориальные признаки как: «действие в настоящем», «соотнесённое с моментом речи» и «действие однократное (или многократное)». Дифференцирующая грамма «действие в настоящем» отличает содержание данного глагольного времени от глагольно-временных грамматических конструкций, выражающих логические планы прошедшего или будущего. Дифференциальная грамма, «соотнесённое с моментом речи», отличает данное глагольное время от других глагольно-временных конструкций, не содержащих такой семантический компонент, например, от времени Past Perfect Tense. И последняя дифференцирующая грамма «действие однократное (или многократное)» отличает данное глагольное время от глагольно-временных форм, в которых не имеется такого компонента, например, от времени Present Continuous Tense, где действия определяется как длительное и непрерывное.

Архиграммы и дифференцирующие граммы, как показывают наши предположительные наблюдения, являются сходными и идентичными как в глагольных временных исходного английского языка, так и в глагольных временах сопоставляемого кыргызского языка.

В ходе нашего сопоставительного анализа глагольных времён английского и кыргызского языков мы конкретизируем для каждой глагольно-временной грамматической конструкции каждого из двух языков состав дифференцирующих граммем. Что же касается архиграмм, то они остаются едиными для всех глагольно-временных форм обоих сравниваемых языков: английского и кыргызского.

Таким образом, категориально-семантическая структура каждого глагольного времени из обоих сопоставляемых языков: английского и кыргызского выглядит в схематическом оформлении как иерархически

организованная структура, в которой архиграммы подстраиваются под дифференцирующими граммемами:

Наше сопоставительное изучение английских и кыргызских времён будет складываться поэтапно из нижеследующих ступеней или методов: 1/ вначале мы приведём примеры на употребление глагольно-временной формы в английском

языке, 2/ затем мы выявим архиграммы и в большей степени уделим внимание выявлению дифференцирующих граммем в английском глагольном времени, 3/ после этого мы приведём функционально соответствующие примеры на употребление глагольно-временной формы в кыргызском языке, 4/ потом мы выявим архиграммы, дифференцирующие граммы содержания кыргызских глагольных времён, 5/ затем мы в контрастивном аспекте сравним категориально-семантические структуры исходных английских и сопоставляемых кыргызских глагольно-временных форм, в самом конце 6/ распределим проанализированные английские и кыргызские глагольно-временные формы по центру и периферии ФСП глагольных времён.

2.2.4. Аспекты лингвистического антропоцентризма

В настоящее время в лингвистической науке происходят кардинальные изменения, которые рассматривают язык как “антропологический феномен” [111, с. 136]. Меняется парадигма лингвистических исследований, она становится антропоцентрической [110, С. 198-203]. В. фон Гумбольдт заложил принцип антропоцентризма языка, по его мнению, «изучение языка служит высшей цели познания человеком самого себя и своего отношения ко всему видимому и скрытому вокруг себя» [61, с. 234]. Также согласно по теории В. Фон Гумбольдта: «человек думает, чувствует и живет только в языке, должен быть в начале сформирован посредством языка...» [61. с. 378]. Идеи, выдвинутые В. фон Гумбольдтом, нашли свое отражение также в научных исследованиях А.А. Потебни. Рассуждая о развитии языка, он, вслед за

Гумбольдтом, утверждает его антропоцентрический характер: «В действительности язык развивается только в обществе, и при этом не только потому, что человек есть всегда часть целого, к которому принадлежит, именно своего племени, народа, человечества, не только вследствие необходимости взаимного понимания, как условия возможности общественных предприятий, но и потому, что человек понимает самого себя, только испытавши на других понятность своих слов».

Э. Бенвенист полагает, что человек не может быть без языка; именно человека можно изучить в языке [29, с. 293]. Сегодня антропоцентризм приобрёл актуальность в лингвистике, и он является основополагающей лингвофилософской теорией языка. Основными объектами антропоцентризма в языкознании являются человеческое сознание, мышление, эмоции и ментальные процессы и состояния [86]. Антропоцентризм репрезентирует познание объекта и субъекта. Человек и его язык являются объектами лингвистических исследований. В этом случае предметом исследования выступает человек, который владеет этим языком, или как человек или этнос концептуализирует и интерпретирует мир и знания о мире. Антропоцентризм особенно ярко передаётся в глаголах. Глаголы обладают явной субъективностью, действия должны быть связаны с определенным субъектом. Глагольная лексика проявляет антропоцентризм, наиболее последовательно обнаруживается при анализе глаголов интеллектуально-психического действия и состояния и глаголов физического действия, среди которых видное место занимает лексико-семантическое поле движения [107].

По мнению С. Мэн, Ч. Цао, глаголы передают образ человеческого поведения, но и также выражают волю и цель говорящего и имеют ясную субъективную природу [128].

Глагол самой своей лингвистической природой антропоцентричен. Глагол, прежде всего, выражает речемыслительную деятельность и даёт представление о результате языкотворческой деятельности человека [107].

Глаголы выражают действия и состояния, но и описывают пространственные, временные и иные характеристики этих действий и состояний, то есть дают им более точную семантическую характеристику [6].

В мире не бывает чётких действий. Действия устанавливаются и совершаются человеком с помощью языка. Мы полагаем, что формами языкового сознания также являются действия в прошедшем, настоящем и будущем, которые выражаются категорией времени глагола. Временная концептуализация репрезентирует действие в тесной связи с определенным отрезком времени: *I was sleeping at 5 clock a.m. Öткөн жумада саякаттап келдим.* Функционально-семантические категории абсолютных временных отношений (абсолютного времени) и относительных временных отношений (относительного времени), реализуемые через понятийно-семантические признаки действия глагольно-временных форм в момент речи (соотнесённое с моментом речи), до момента речи, после момента речи – абсолютные времена) и “соотнесённое с настоящим, соотнесённое с прошлым, соотнесённое с будущим – относительные времена), рассматриваются как признаки антропоцентризма действия, которые устанавливаются самим человеком.

Антропоцентрическая лингвистика, следовательно, связана с психологией, социологией, теорией речевой деятельности, логикой и другими науками, составляющими ее макроконтекст. И в то же время, включая в себя психолингвистику, лингвоконцептологию, менталинвистику, нейролингвистику, лингвокультурологию, лингвоэтнокультуроведение и подобные частные направления языкознания, приобретает качество интердисциплинарности.

Что нового приносит лингвистический антропоцентризм? Этим термином сегодня называют:

- 1) программу исследований человека в ролях говорящего и слушающего, пишущего и читающего, а также в роли переводчика;
- 2) изучение языка в тесной связи с сознанием, знанием, опытом, культурой, национальностью и верой его носителей;

- 3) построение ментально-языковых моделей и картин мира с учетом специфики концептуализации и категоризации реальности в сознании этноса;
- 4) определение концепта как ключевой категории антропоцентрической лингвистики, реализуемой в частных типах представления знаний – понятии, образе, картине, схеме, сценарии (скрипт), гештальте в структуре концептосферы этноса;
- 5) исследование концептосферы, менталитета и ментальности народов на основе семантико-когнитивного анализа концептов, их репрезентативов и т.д.

В теории лингвистического антропоцентризма, как уже было сказано, категориальную функцию выполняет понятие концепта [85. С. 3-4].

Глаголы, как единицы языка могут вербализовать разные концепты, которые являются ментальными единицами, выражающие ментально-когнитивные установки, информацию духовной и материальной культуры.

Глаголы в прошедшем, настоящем и будущем могут выражать чувства и эмоции (*feel, cry, laugh, mock, suspect, worry*), интеллектуальное состояние (*believe, prove, analyze, identify*), поведение (*ask, inquire, promise, agree, command, demand, suggest, advise*), инструменты действия (*say, tell, write*) человека, который совершает эти действия.

Глагол может вербализовать национальное самосознание, языковую картину мира, в которых заложен лингвистический, социо-культурный и исторический опыт народа, например, глаголы подражания (тууранды-элестүү сөздөр) кыргызского языка характеризуется богатым арсеналом: *дардаңдады, калжыңдайт, ырсаактайт, акшырайба, үлбүрөгөн, бойтоң-бойтоң басты, жалтаңдай түштү, жалпаңдады, эмиңдеп ыйлады*), эмоциональную окраску этих глаголов понимает только кыргыз, как носитель языка. Фразеологический пласт также эксплицирует характер действия (глагола) совершенное человеком : в кыргызском языке: *көз ирмебөө, баш айлануу, тил алуу, тили тийүү, ант ичүү* ж.б.; в английском языке: *break new ground (уйгиликке жетишүү), jump the gun (шашылып туура эмес кадам жасоо), run in the family (кандан-канга өтүү)*.

Однако, антропоцентрический характер глаголов в контексте сравнения английского и кыргызского языков пока еще не изучен, поэтому данная проблематика остается актуальной, которую необходимо изучать всесторонне в дальнейших сопоставительно-типологических исследованиях.

2.2.5. Сопоставительная грамматика в лингвометодическом аспекте

Связь сопоставительного языкознания с лингвистической методикой преподавания языков обычно выражается в лингвистико-сравнительном обеспечении методики преподавания иностранных языков в условиях родного. Расположение лингвометодологического материала английских глагольных времён в соответствии с англоязычной классификации по группам времён (Indefinite, Continuous, Perfect и Perfect-Continuous) свойственно для учебников и учебных пособий, предназначенных для изучения английского языка в качестве родного, так и для изучения в русскоязычной аудитории [123, 140].

Кыргызскоязычные обучаемые, более привычные к расположению языкового материала глагольно-временных форм по логическому принципу, испытывают большие затруднения в понимании и закреплении такого материала в методологии собственно английской и англо-русской лингво-дидактических школ. Например, в учебнике по английскому языку для 1-х курсов филологических факультетов университетов, в группах с русским языком обучения, материал английских глагольных времён расположен в такой последовательности: настоящее длительное время (the Present Continuous Tense), настоящее завершённое время (the Present Perfect Tense), прошедшее неопределённое время (The Past Indefinite Tense), будущее неопределённое время (Future Indefinite Tense), прошедшее длительное время (The Past Continuous Tense), прошедшее завершённое время (The Past Perfect Tense), будущее длительное время (The Future Continuous Tense) и др. [123, С. 484-512].

В кыргызскоязычных грамматиках обычно действуют принципы распределения глагольно-временных форм по логическому принципу. Например, в учебнике по кыргызскому языку для русских групп вузов

Кыргызстана грамматический материал кыргызских глагольных времён расположен в соответствии с логическим принципом распределения лингвометодологического материала: келер чак (будущее время) : айкын келер чак (будущее определённое время), арсар келер чак (будущее сомнительное время), татаал келер чак (будущее сложное время); учур чак (настоящее время) : жөнөкөй учур чак (простое настоящее время), татаал учур чак (настоящее сложное время); өткөн чак (прошедшее время)/ : айкын өткөн чак (прошедшее определённое время), белгисиз өткөн чак (недатированное прошедшее время), капыскы өткөн чак (прошедшее неожиданное время) и адат өткөн чак (длительное или многократное прошедшее время) [13, С. 95-114; 34, С. 63-77; 1, С. 171-192].

При введении грамматического материала глагольных времён, как в нашем случае английских глагольных времён, теоретически целесообразно и практически эффективно использовать логический принцип распределения языкового материала. В этом случае срабатывает привычность восприятия грамматического материала такого типа кыргызскоязычными обучаемыми. Они привыкли уже с ранних лет, с первого класса, воспринимать данный материал именно в такой последовательности: келер чак – учур чак – өткөн чак, или: өткөн чак – учур чак – келер чак, но всегда настоящее время в середине классификации.

В лингвистической методике (лингвометодике) такой принцип использования навыков родного языка называется: использовать явления положительной интерференции с привлечением навыков из родного языка. “Интерференция (от лат. *inter* – между собой, взаимно и *ferio* – касаюсь, ударяю) – взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия (см. многоязычие), складывающегося либо при контактах языковых, либо при индивидуальном освоении неродного языка; выражается в отклонениях от нормы и системы второго языка под влиянием родного” [47, с. 197].

Большей частью явлению интерференции приписывают негативные свойства: якобы, обучаемый переносит свои знания, умения и навыки из области родного языка в изучаемый неродной и иностранный, в фонетике, это, к примеру,

акцент, т.е. произнесение звуков иностранного языка на манер и по подобию родных языков. «Под межъязыковой интерференцией принято понимать процесс, сущность которого состоит в том, что человек, введённый в заблуждение общими свойствами и признаками контактирующих языков, отождествляет все остальные свойства этих языков и переносит всю программу речевого поведения с родного языка на иностранный. Введение “чужеродного элемента” в изучаемый язык ведёт к перестройке моделей, к стиранию границ между различительными признаками обоих языков и к замене дифференцирующих признаков вторичного языка дифференцирующими признаками первичного языка» [44, с. 47].

Однако явлению межъязыковой интерференции приписывается и положительная роль. Знания, навыки и умения из родного языка могут быть полезными при изучении самых различных аспектов языка иностранного. Познание и закрепление иноязычного материала может быть облегчено или же аналогичны языковым явлениям.

Тщательное системное изучение положительной и отрицательной роли интерференции родного языка в процессе обучения иностранному даёт возможность предугадать и предотвратить типичные ошибки, которые могут возникнуть у учащихся при изучении иностранного языка.

В нашем случае для более эффективного усвоения грамматического материала английских и глагольных времён в методическом плане будет целесообразно в кыргызскоязычной аудитории использовать логический принцип членения глагольно-временных форм как принадлежности прошедшего, настоящего и будущего времени. Такое членение более понятно и более доступно для менталитета кыргызскоязычных обучаемых. Кыргызскоязычные студенты, уже имеющие некоторые познания о релевантных свойствах английских глагольных времён неопределённости у Indefinite, длительности у Continuous – совершенности Perfect и совершенности и длительности у – Perfect Continuous – будут более точно понимать, употреблять и запоминать английские функциональные соответствия кыргызских глагольно-

временных форм. Многолетний опыт преподавания автора настоящей диссертации в младших курсах вузов Кыргызстана показывает, что в лингвометодическом плане исходным языком уже должен стать кыргызский язык как родной язык обучаемых. Для этой цели предлагаем нижеследующую таблицу.

Таблица №2. Кыргызские глагольные времена и их функциональные соответствия в английском языке

Логический план прошедшего	Past Continuous
1. Айкын өткөн чак	Past Perfect
2. Адат өткөн чак	Past Continuous Past Perfect Continuous
3. Белгисиз өткөн чак	Past Indefinite
4. Капыскы өткөн чак	Past Perfect
Логический план настоящего	Present Indefinite
1. Жөнөкөй учур чак	Present Perfect Present Perfect Continuous
2. Татаал учур чак	Present Indefinite Present Continuous Present Perfect
Логический план будущего	
1. Айкын келер чак	Present Perfect Continuous Future Indefinite
2. Арсар келер чак	Future Continuous Future Perfect Continuous
3. Татаал келер чак	Future Indefinite in the Past

Future Continuous in the Past
Future Perfect
Future Perfect in the Past
Future Perfect Continuous in
the Past

Однако для адекватного и логичного введения лингвометодического материала английских глагольно-временных форм в кыргызскоязычной аудитории недостаточно переместить кыргызские глагольные времена в исходную позицию. Из девяти кыргызских глагольно-временных форм следует выбрать наиболее значимые, важные и релевантные, которые как бы составляют основу кыргызской глагольно-временной системы.

Здесь нам в реализации нашей лингвометодической задачи окажет помощь теория функциональной грамматики. Наиболее однозначные, специфические и конкретно ориентированные временные формы были отнесены нами в обоих сопоставляемых языках к центру ФСП, а прочие к периферии ФСП глагольных времён. В английском языковом материале к центру ФСП глагольных времён нами было отнесено шесть глагольных времён, из них три глагольных времени со значением неопределённости – Indefinite: I/ Present Indefinite, II/ Past Indefinite и III/ Future Indefinite – и три глагольных времени со значением настоящего времени – Present: IV/ Present Continuous, V/ Present Perfect и VI/ Present Perfect Continuous. Остальные десять английских глагольно-временных форм были отнесены нами к периферии ФСП английских глагольных времён (см. Таблицу №3).

В кыргызском языке к центру ФСП глагольных времён нами были отнесены четыре глагольно-временные формы: I/ Жөнөкөй учур чак, II/ Татаал учур чак, III/ Белгисиз өткөн чак и IV/ Айкын өткөн чак, в которых две первые выражают настоящее время. Остальные пять глагольно-временных форм были отнесены нами к периферии ФСП кыргызских глагольных времён (см. Таблицу №3).

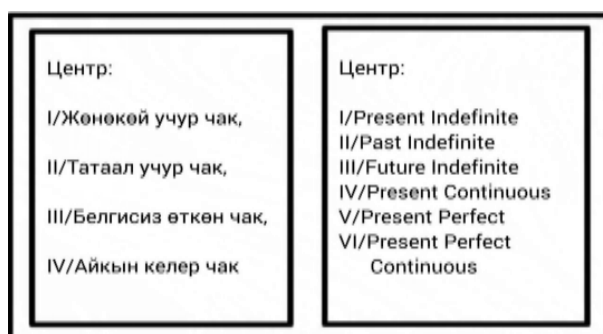
Таблица №3: ФСП глагольных времён в английском и кыргызском языках

Именно глагольные времена, принадлежащие в обоих сопоставляемых языках, к центру ФСП глагольных времён, несут основную логическую нагрузку, являющейся основой для лингвометодического изучения данных языковых единиц. При этом следует соблюдать принцип нарастания сложности грамматического материала.

В таком лингвометодическом подходе к грамматическому материалу английских и кыргызских глагольных времён на первое место выходят явления родного кыргызского языка, которые являются основой сопоставительного изучения иностранных английских глагольных времён (см. Таблицу №4).

Таблица №4: Центры ФСП глагольных времён в кыргызском и английском языках

На таблице видно шесть английских глагольных времён, функционально соответствующих четырём таковым кыргызского языка. Однако, в реальной речевой ситуации четырём кыргызским глагольным временам в английской глагольно-временной системе соответствует девять проявлений английских глагольных времён – английский Present Indefinite и Perfect соответствуют дважды двум различным кыргызским временам (см. Таблицу №5).

Таблица №5: Конкретные соответствия кыргызских и английских глагольных времён в речи.

I/ Жөнөкөй учур чак	Present Indefinite
	Present Perfect
	Present Perfect Continuous
II/ Татаал учур чак	Present Indefinite
	Present Continuous
	Present Perfect
	Present Perfect Continuous
III/ Белгисиз өткөн чак	Past Indefinite
IV/ Айкын келер чак	Future Indefinite

Именно в такой последовательности целесообразно изучать английские глагольные времена – как соответствия для кыргызского жөнөкөй учур чак, затем как соответствия для татаал учур чак, а затем как соответствия для белгисиз өткөн чак и айкын өткөн чак. И в этом случае уже на начальном этапе вузовского обучения английскому языку как иностранному кыргызскоязычные обучаемые освоят все основные английские глагольно-временные формы из всех трёх логических временных планов.

2.3. Методы исследования категории времени

Эмпирические методы

В.А. Звягинцев определяет метод как набор (систему) приёмов в исследованиях; по мнению В.И. Кодухова, метод – это комплекс приёмов и правил изучения явления. Н.И. Кондаков определяет метод как способ достижения определённых результатов в познании и практике [61, с. 25] .

В диссертации используются общие методы (анализ и синтез, сравнение и т.д.), общенаучные методы (наблюдение, измерение и т.д.) и частные методы (например, сопоставительный метод в лингвистике). Из эмпирических методов в

работе применяется метод изучения литературы по сопоставительному языкознанию, функциональной лингвистике, англо-кыргызской сопоставительной грамматике, вербоцентрической теории глагола и лингводидактическим аспектам преподавания английского языка и др. Используются наблюдение, мониторинг, изучение и обобщение т.е. методы отслеживания объекта для выявления закономерных аспектов лингвистической природы категории времён глаголов в английском и кыргызском языках.

Сплошная выборка лингвистических единиц из разных источников применяется для единообразного представления, классификации, идентификации, обработке данных о категории времени в английском и кыргызском языках.

Теоретические методы

1/ используется метод морфолого-частеречного анализа для изучения грамматической структуры изучаемых глагольно-временных форм обоих языков: английского и кыргызского;

2/ используется метод синтактико-дистрибутивного анализа для изучения функционирования английских и кыргызских глагольно-временных форм в составе предложения;

3/ используется метод логико-семантического анализа для изучения понятийно-содержательной стороны английских и кыргызских глагольно-временных форм;

4/ также применяются количественные подсчёты для определения важности и релевантности тех или иных языковых единиц и средств.

Сопоставительные методы

Все означенные выше методы применяются на основании более объёмного сопоставительного метода, когда сопоставляемые грамматические категории из обоих привлекаемых языков непосредственно сравниваются друг с другом. В работе используется внутриязыковое и межъязыковое сравнение глаголов в настоящем, прошедшем и будущем времени, внутриязыковое сравнение изучает категорию времени внутри каждого языка, при межъязыковом сравнении

сопоставляются глагольные времена двух языков. Линейный сопоставительный анализ используется на отдельные явления глагольных времён (например, английские глагольные времена группы Indefinite и соответствующие им времена в кыргызском языке), используется межъязыковое сравнение функционально-семантического поля глагольных времен в двух сопоставляемых языках.

Для решения проблем прикладного языкознания и более эффективного усвоения грамматического материала английских и глагольных времён в кыргызскоязычной аудитории предлагается методика логического принципа членения глагольно-временных форм как принадлежности прошедшего, настоящего и будущего времени. Также предлагается методика использования положительной интерференции с привлечением навыков из родного языка при усвоении категории времён глагола.

Выводы по главе 2

2.1. В данном параграфе описаны предмет, объект исследования, материалы, методология и методы, использованные в данной работе.

2.2.1. Определяются место и роль лингвистической типологии; проведён обзор литературы по теме; рассматриваются основные принципы типологии языков.

2.2.2. Сопоставительное языкознание изучает синхронно-статическое состояние языков генетически неродственных и грамматически разнотипных. Задачи сопоставительного языкознания имеют типологическую направленность (схождения и расхождения в языковых системах) и прикладную обусловленность (в плане соотношения с теорией и практикой перевода, а также с лингвистической методикой преподавания иностранных языков).

2.2.3. Для сопоставительного изучения английских и кыргызских глагольно-временных форм с позиций функциональной грамматики представляется релевантными и необходимыми нижеследующие моменты. Во-первых, выделение в аспекте функциональной грамматики функционально-семантического поля (ФСП) глагольных времён, которое конституируется

своими двумя составными частями: центром и периферией. Во-вторых, распределение английских и кыргызских глагольно-временных форм в структуре данного ФСП по центру и периферии. В-третьих, установление в качестве критерия классификации и распределения английских и кыргызских глагольных времён, наличие в них абсолютных временных отношений (абсолютного времени) и относительных временных отношений (относительного времени). В-четвёртых, определение наличия в английской и кыргызской глагольно-временной форме абсолютного и относительного времени на основе категориально-семантического или функционально-семантического анализа плана содержания их категориально-семантических структур. И, в-пятых, контрастивное непосредственное сравнение означенных категориально-семантических структур английских и кыргызских глагольных времён на предмет установления их функционально-семантического и категориально-семантического соответствия друг другу.

2.2.4. Язык развивается в среде людей, поэтому большинство глаголов образованы с позиции человека, который выступает в качестве субъекта. Функционально-семантические категории абсолютных временных отношений (абсолютного времени) и относительных временных отношений (относительного времени), реализуемые через понятийно-семантические признаки действия глагольно-временных форм в момент речи (соотнесённое с моментом речи), до момента речи, после момента речи – абсолютные времена) и “соотнесённое с настоящим, соотнесённое с прошлым, соотнесённое с будущим – относительные времена), рассматриваются как признаки антропоцентризма действия, которые устанавливаются самим человеком.

2.2.5. Обсуждение положений сопоставительного исследования английских и кыргызских времён с позиций лингвистической методики предполагает использование логического временного принципа разбиения глагольно-временных форм языков в соответствии с законами логики на три плана: прошедшего, настоящего и будущего. Именно такая логическая классификация принята в кыргызском языке при разбиении на группы

глагольно-временных форм, в отличие от английского языка, в котором глагольные классифицируются по принципу характеристики действия как времена неопределённые, времена длительные, времена совершенные и времена совершенно-длительные.

2.3. В диссертации применяются эмпирические, теоретические и сопоставительные методы. Из эмпирических методов в работе применяются метод изучения литературы, наблюдение, мониторинг, изучение и обобщение, сплошная выборка лингвистических единиц. Из теоретических методов используются метод морфолого-частеречного анализа, метод синтактико-дистрибутивного анализа, метод логико-семантического анализа, метод количественных подсчетов. Из сопоставительных методов используются внутриязыковое и межъязыковое сравнение глаголов в настоящем, прошедшем и будущем времени, внутриязыковое сравнение и линейный сопоставительный анализ.

ГЛАВА III. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ В АНГЛИЙСКОМ И КЫРГЫЗСКОМ ЯЗЫКАХ

3.1. Английские глагольные времена группы *Indefinite* и соответствующие им времена в кыргызском языке

Английские глагольные времена распределяются по типам и видам не по логическому принципу плана прошедшего, плана настоящего и плана будущего, а совсем по другим критериям и принципам. Как мы уже отмечали, в англистике традиционно глагольно-временные формы распределяются по четырём группам времён: 1/ *Indefinite Tense*, 2/ *Continuous Tense*, 3/ *Perfect Tense* и 4/ *Perfect Continuous Tense*, в каждом из которых представлены все три логических временных плана: прошедшего, настоящего и будущего. В основу такой традиционной, чисто английской классификации положен принцип онтологической сущности и природы действия, производимого субъектом речи.

Рассматриваемая нами в данном разделе группа английских времён Indefinite Tense, обозначаемая как неопределённые времена, включает в себя нижеследующие глагольно-временные формы: 1/ The Present Indefinite Tense – настоящее неопределенное время, 2/ The Past Indefinite Tense – прошедшее неопределенное время, 3/ The Future Indefinite Tense – будущее неопределенное время, и 4/ The Future Indefinite Tense in the Past Tense – будущее неопределенное время в прошедшем.

Означенная группа времен Indefinite считается в английской теоретической грамматике основополагающей, поскольку эти значения являются отправными и детерминирующими всех прочих временных групп. “Поскольку этот разряд является стержневым во всей видо-временной системе, мы будем называть его “основным”, как в книге «Современный английский язык» [ссылка]. Вместе с тем, название Indefinite не случайно: действительно, формы этого разряда не характеризуют действие со стороны характера его протекания, они только констатируют его наличие (или отсутствие) и помещают его в тот или иной временной отрезок” [88, с. 54; 100, с. 107].

Конкретизируем, что данная группа времён Indefinite Tense – констатирует факт наличия (или отсутствия) действия во временном отрезке всех трёх видов логических временных планов: прошедшего, настоящего и будущего, без указания на его длительность, законченность и безотносительность к какому-либо другому действию.

3.1.1. Английское настоящее неопределённое время (The Present Indefinite Tense) и соответствующие ему функционально кыргызские глагольные времена

В соответствии с задуманной и запланированной нами методикой сопоставительного анализа исходных английских и сравниваемых кыргызских глагольно-временных грамматических форм вначале представим образцы фактического материала и лингвистического анализа из аналитического германского английского языка.

The Present Indefinite Tense:

1/ *Martin sees a ship in the distance* [London].

– *Мартин видит судно вдали (Мартин кемени алыстан көрөт);*

2/ *The postman brings the newspaper in the morning* [Bradbury]

– *Почтальон приносит газету утром (Почточу эртең менен гезит алып келет).*

3/ *Martin always sleeps with windows open* [London].

– *Мартин всегда спит с открытыми окнами (Мартин терезени ачып уктайт).*

4/ *The Norman Conquest begins in 1066* [Кубарьков, Тимошук].

– *Норманское завоевание начинается в 1066 году (Норман жортуулу 1066-жылы башталат).*

В вышеприведённых английских примерах мы имеем глагольно-временные формы в Present Indefinite Tense: 1/ *see*, 2/ *brings*, 3/ *sleeps* и 4/ *begins*. Все означенные лексемы имеют в своих содержательных составах общие категориально-семантические признаки, обозначенные нами как “архиграммемы”, поскольку они наличествуют во всех глагольно-временных формах всех логических планов и групп времён: 1/ “действие”, 2/ “субъект”.

Что же касается дифференцирующих граммем, в качестве которых выступают видовые категориально-семантические признаки, то такими граммемами можно считать содержательные компоненты: 3/ “действие в настоящем”, 4/ “соотнесённое с моментом речи” и 5/ “действие однократное /многократное”.

Дифференцирующая граммема 3/ “действие в настоящем” эксплицируется инфинитивной формой глагола без частицы *to* всех лиц ед. и мн. числа, кроме 3-го лица ед. числа, где глагол принимает окончание *-s*. В наших же английских примерах 1/ – 4/ субъект-лицо (примеры 1/ – 3/) и субъект-явление (пример 4/) употреблены в 3-ем лице ед. числа. Данные глагольно-грамматические формы выражают категориально-семантический признак 3/ “действие в настоящем”.

Дифференцирующая граммема 4/ “соотнесённое с моментом речи” детерминируются тем фактом, что данное действие, будучи даже неопределёнными в отношении его длительности и в отношении его

законченности, все же коррелирует с моментом речи говорящего, поскольку “выражает действие, совершающегося в момент речи” [99, с. 111].

Во всех вышеприведенных английских примерах 1/ – 4/ можно наблюдать соотношение действия субъекта предложения-высказывания с моментом речи говорящего. Данное соотношение особо мотивируется совпадением логических временных планов – и в содержании высказывания и в момент речи эксплицируется один и тот же логический план настоящего.

Последняя дифференцирующая граммема, выделенная нами, 5/ “действие однократное / многократное” имеет вариативный характер: она может проявляться или в значении “действие однократное”, как например, в английских предложениях 1/ *sees* и 4/ *begins*, или как действие многократное 2/ *brings* и 3/ *sleeps*.

Таким образом, категориально-семантическая структура плана содержания английской глагольно-временной формы The Present Indefinite Tense (настоящее неопределённое время) констатируется двумя архиграммемами: 1/ “действие”, 2/ “субъект” – и тремя дифференцирующими граммемами: 3/ “действие в настоящем 2”, 4/ “соотнесённое с моментом речи” и 5/ “действие однократное / многократное”.

Перейдём теперь к рассмотрению функционально соответствующих английскому глагольному времени The Present Indefinite Tense кыргызских глагольно-временных грамматических форм. Как показывает анализ, в кыргызской глагольно-временной системе есть только две глагольно-временные формы жөнөкөй учур чак (простое настоящее время) и татаал учур чак (сложное настоящее время), которые и соотносятся с фактическим The Present Indefinite Tense.

Приведём образцы кыргызскоязычного фактического материала и описание приёмов лингвистического анализа.

Жөнөкөй учур чак:

5/ Бул окуяны Абылкасым жакшы билет [Повесттер: Жаштар үчүн].

– Об этом происшествии Абылкасым знает хорошо (*Abylkasym knows well about this incident*).

6/ Ошол бойдон Жынар ага кат жазбайт [Повесттер: Жаштар үчүн].

– С тех пор Жынар ему письма не пишет (*Since then Jynar does not write letters*).

Татаал учур чак:

7/ Мына Данияр араба менен жүрүп бара жатат [Айтматов].

– И вот Данияр управляет телегой (*It is Daniar who runs the cart*).

8/ Ошондой иштер менен биз фронтко жардам берип турабыз [Айтматов].

– Такими своими делами мы оказываем помощь фронту (*We support the war with these actions*).

Выделенные архиграммемы 1/ “действие” и 2/ “субъект” в содержании глагольно временных форм из предложений 5/: билет, 6/: жазбайт, 7/: жүрүп бара жатат и 8/: жардам берип турабыз, как нам представляется, не подлежат никакому сомнению. Таковые наличествуют в семантике означенных глагольных форм.

В примерах 5/ и 6/ мы имеем реализацию кыргызского глагольного времени жөнөкөй учур чак, в содержании которого мы выделяем три дифференцирующие граммемы.

Дифференцирующая граммема 3/ “действие в настоящем” в жөнөкөй учур чак мотивирована грамматическими аффиксами: «Простое настоящее время образуется за счет присоединения к основе глагола деепричастного аффикса -а (-е, -о, -ө, -й) и личных аффиксов I типа (полные местоименные аффиксы)» [58, с. 274].

Дифференцирующая граммема 4/ “соотнесённое с моментом речи” мотивирована грамматическим значением кыргызского жөнөкөй учур чак, которое предполагает, что имеет место “действие, совершаемое в момент речи” [58, с. 274; 65, С. 201-202].

И последняя дифференцирующая граммема, выделяемая в наших примерах 5/: билет и 6/: жазбайт обозначена нами как 5/ “действие не продолжительное”. Семантика непродолжительного действия понимается нами

как действия многократное, поскольку формы глагола в жөнөкөй учур чак зачастую обозначают действия, происходящие в момент речи и потому не могут повторяться многократно [33, с. 229; 1, С. 172-173].

В кыргызских примерах 7/ и 8/ мы имеем глагольно-временную грамматическую форму татаал учур чак. Здесь также мы выделяем три дифференцирующие граммемы.

Дифференцирующая граммема 3/ “действия в настоящем” обусловлено в обоих сложных глаголах 7/: *жүрүп бара жатат* и 8/: *жардам берип турабыз* не столько тем, что грамматически данное сложное время – татаал учур чак образуется аналитическим способом при помощи деепричастного аффикса -а (-е, -й, -и), или -ып (-ип, -уп, -үп, -п), присоединяемого к основе смыслового глагола и вспомогательных глаголов *жат* (лежать), *тур* (стоять), *отур* (сидеть) и *жүр* (ходить), а сколько тем, что вспомогательные глаголы *жатат* – пример 7/ и *турат* – пример 8/ реализуют здесь из составной формы настоящего-будущего времени именно спрягаемую форму настоящего [1, с.173].

Дифференцирующая граммема 4/ “соотнесённое с моментом речи”, а также другая дифференцирующая граммема 5/ “действие продолжительное” мотивированы грамматическим значением татаал учур чак, когда сложносоставной «... глагол обозначает действие, происходящее в момент речи, или такое действие, которое совершается постоянно» [33, с. 68; 57, с. 279]. Именно означенные дифференцирующие граммемы 4/ «соотнесённое с моментом речи» 5/ «действие продолжительное» содержатся в категориально-семантических структурах кыргызских глагольно-временных форм в примерах 7/: *жүрүп бара жатат* и 8/: *жардам берип турабыз*.

Перейдём теперь к контрастивному сравнению категориально-семантических структур глагольных форм настоящего времени the Present Indefinite Tense английского языка и жөнөкөй учур чак и татаал учур чак кыргызского языка, которое вначале представим схематически в сжатом виде.

Жөнөкөй учур чак:

Архиграммемы:

1/ “действие”

2/ “субъекта”

The Present Indefinite Tense:]

Архиграммы:

1/ “действие”,

2/ “субъекта”.

Дифференцирующие граммы:

3/ “действие в настоящем”;

4/ “соотнесённое с моментом речи”;

5/ “действие непродолжительное”

Татаал учур чак:

Архиграммы:

1/ “действие”,

2/ “субъекта”.

Дифференцирующие граммы:

3/ “действие в настоящем”,

4/ “соотнесённое с моментом речи”,

5/ “действие однократное / многократное”.

Дифференцирующие граммы:

3/ “действие в настоящем”,

4/ “соотнесённое с моментом речи”,

5/ “действие продолжительное”.

Контрастивное сравнение категориально-семантических структур английского the Present Indefinite Tense и кыргызский жөнөкөй учур чак и татаал учур чак показывает, что все три глагольно-временные формы – одна английская и две кыргызские – обладают идентичным составом архиграмм: 1/ “действие”, 2/ “субъекта” – и двумя сходными дифференцирующими граммами: 3/ “действие в настоящем” и 4/ “соотнесённое с моментом речи”. Только одна дифференцирующая грамма отличает категориально-семантические структуры сравниваемых английских и кыргызских глагольных времён. В английском содержательном составе это грамма 5/ “действие однократное /многократное”, которая имеет в речи вариативную реализацию: “действие однократное или многократное”. В кыргызских же содержательных составах реализуется только одно проявление дифференцирующей граммы: 5/ “действие непродолжительное” в жөнөкөй учур чак и 5/ “действие продолжительное” в татаал учур чак.

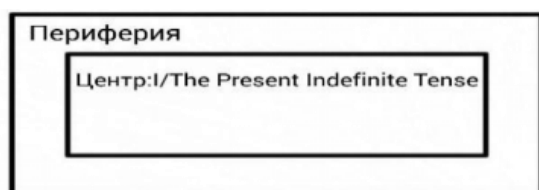
Но наиболее релевантной и значимой дифференцирующей граммемой в содержательных составах всех трёх глагольных времён является категориально-семантический признак 4/ “соотнесённое с моментом речи”, которой детерминирует наличие в данных содержательных составах абсолютных временных отношений, т.е. все данные глагольно-временные формы являются временами с абсолютным значением. Именно граммема 4/ “соотнесённое с моментом речи” прямо и непосредственно связывает момент речи говорящего с содержанием всего высказывания, и данное соотнесение также подкрепляется тем фактом, что в обоих случаях, в момент речи и в действии глагольного времени манифестируется логический план настоящего времени.

Таким образом, во всех трёх глагольно-временных формах The Present Indefinite Tense, жөнөкөй учур чак и татаал учур чак мы имеем абсолютные временные отношения, абсолютные времена, которые наиболее однозначно, наиболее специализированно и наиболее адекватно реализуют во временной системе английского и кыргызского языков логические временные отношения плана настоящего.

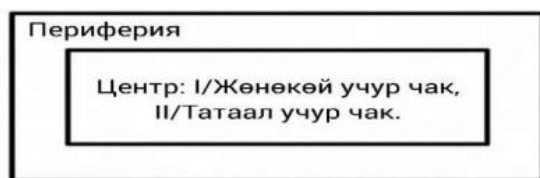
Возвращаясь к позициям функциональной грамматики, которая является основополагающей теоретико-методологической основой для нашей сопоставительной работы, можно констатировать, что все три вышепроанализированные глагольно-временные формы с абсолютными временами, конечно же, относятся только к центру ФСП глагольных времён в обоих сравниваемых языках: английском и кыргызском, поскольку они выражают категориально-семантический признак глагольного времени плана настоящего наиболее чётко, однозначно и адекватно.

Можно схематизировать вышеизложенное нижеследующим образом:

ФСП глагольных времён в английском языке:

ФСП глагольных времён в кыргызском языке:

3.1.2. Английское прошедшее неопределённое время (The Past Indefinite Tense) и функционально соответствующие ему кыргызские глагольные времена

Приведём сначала образцы языковых примеров и лингвистического анализа the Past Indefinite Tense (английского прошедшего неопределённого времени):

1/ *Mr. Freeman received a letter from him last week* [Hammelt].

– Мистер Фримэн получил от него письмо на прошлой неделе (Фримен мырза андан өткөн жумада кат алды).

2/ *Uncle Thomas lifted up the picture and dropped it* [Dickens].

– Дядя Томас поднимал картину и ронял её (Том байке сүрөттү көтөрүп жатып, түшүрүп алды).

3/ *B. Franklin was the originator of the theory of atmospheric electricity* [Кубарьков, Тимощук].

– Б. Франклин был основоположником теории атмосферного электричества (Б. Франклин атмосфералык ток теориясынын негиздөөчүсү болгон).

4/ *Mr. Freeman came at five o'clock* [Hammelt].

– Мистер Фримэн пришел в пять часов (Фримен мырза саат беште келди).

Английская глагольно-временная грамматическая форма the Past Indefinite Tense, равно как и предыдущая глагольно-временная форма The Present Indefinite Tense, обладает в своей категориально-семантической структуре двумя архиграммемами: 1/ “действие” и 2/ “субъект”, которые мотивированы общим содержательным планом глагольного времени вообще.

В качестве дифференцирующих граммем мы выделили три категориально-семантических признака: 3/ “действие в прошлом”, 4/ “до момента речи” и 5/ “действие конкретизированное / неконкретизированное во времени”.

Дифференцирующая граммема 3/ “действие в прошлом” мотивирована морфологически: “Past Indefinite правильных глаголов образуется путем прибавления во всех лицах окончания -ed к форме инфинитива: *to live – I lived; to work – I worked; to expect – I expected*” [99, с.112]; именно данный аффикс -ed, являясь второй основной формой английского глагола, однозначно передаёт семантику прошедшего неопределённого времени. В двух вышеприведённых английских примерах 1/: *received* и 2/: *lifted and dropped* именно аффикс -ed мотивирует семантику “действия в прошлом”. В примере 3/: *was* не имеет аффикса -ed, поскольку является второй формой глагола *to be*, которая образует данную форму таким особым способом. В примере же 4/: *come* представляет собой вторую форму глагола *come* и также выражает прошедшее неопределённое время.

Дифференцирующая граммема “до момента речи” мотивируется семантикой глагола во второй основной форме, который « ... выражает действие, совершенное в прошедшем времени и ничем не связанного с настоящим». Во всех четырёх английских примерах мы имеем соотнесение глагольного действия: 1/: *received*, 2/: *lifted and dropped*, 3/: *was* и 4/: *come* – с временной точкой “до момента речи”; если глагольное действие выражено в языке, то временная точка момента речи размещена в логическом времени.

И последняя дифференцирующая граммема, присущая английскому the Past Indefinite Tense и обозначенная нами как “действие конкретизированное / неконкретизированное во времени”, мотивировано тем, что данная глагольно-временная конструкция имеет в английской речи два варианта: 1/ «выражает развёртывающееся действие, происходившее в какой-то данный момент в прошлом, этот момент в прошлом может быть обозначен точным указанием момента времени» [28, с. 97], и 2/ « ... выражает обычное, регулярно повторяющееся действие в прошлом». В первом случае можно наблюдать вариант “действие, конкретизированное во времени”; к таковым можно отнести английские примеры 1/: *received* и 4/: *came*, в которых уточняется временная точка: 1/: *received last week*; и 4/: *came at five o'clock*. Во втором случае мы имеем

реализацию варианта “действие, не конкретизированное во времени”; к таковым можно отнести английские примеры: 2/: *lifted and dropped* и 3/: *was*, в которых не имеется уточняющих время лексема.

Таким образом, категориально-семантическая структура английского the Past Indefinite Tense конституируется набором из пяти граммем: двух архиграммем: 1/: “действие”, 2/: “субъект”, – и трех дифференцирующих граммем: 3/ “действие в прошлом”, 4/ “до момента речи” и 5/ “действие конкретизированное / неконкретизированное во времени”; при этом последняя дифференцирующая граммема имеет вариативный характер: реализуется либо её один вариант, либо другой.

Перейдём теперь к рассмотрению кыргызскоязычного фактического материала. Лингвистическое сопоставление показывает, что английскому the Past Indefinite Tense в кыргызском языке в наиболее большей степени недатированное (неопределённое) время – белгисиз (жалпы) өткөн чак, которое обладает сходной функционально-грамматической релевантностью.

Белгисиз өткөн чак:

5/ *Мен тоолорго чыгыптырмын ...* [Жусуев].

– *Восходил я на горы (I climbed mountains).*

6/ *Көргөндө аны көзүм ачылыптыр* [Жусуев].

– *Когда я его увидел, глаза мои открылись (When I saw him, my eyes opened).*

7/ *Урган шамалды угуп турган* [Жусуев].

– *Слышал он шелест ветра (He heard the noise of wind).*

8/ *Андай ойлор мага мурун келген* [Жусуев].

– *Такие мысли ко мне раньше приходили (Those ideas came to me before).*

Тот факт, что в содержательных структурах всех четырёх кыргызских глагольных форм в предложениях: 5/: *чыгыптырмын*, 6/: *ачылыптыр*, 7/: *угуп турган* и 8/: *келген*, равны во всей категориально-семантической структуре белгисиз өткөн чак,наличествуют две архиграммемы: 1/ “действие”, 2/ “субъект” –, является уже нами установленным, поскольку такие архиграммемы принадлежат всем английским и кыргызским глагольным временам.

Рассмотрение содержательного состава кыргызских глагольных форм в предложениях: 5/: *чыгыптырмын*, 6/: *ачылыптыр*, 7/: *угуп турган* и 8/: *келген* – показывает, что все они эксплицируют точно такие же дифференцирующие семы, которые были представлены ранее в английском the Past Indefinite Tense: 3/ “действие в прошлом”, 4/ “до момента речи” и 5/ “действие конкретизированное/неконкретизированное во времени”.

Дифференцирующая граммема 3/ “действие в прошлом” мотивировано грамматически: “прошедшее неопределённое время образуется от основы глагола с помощью причастного аффикса -ган (-ген, -гон, -гөн, -кан, -кен, -кон, -көн) и личных аффиксов I типа местоимений” [57, С. 282-283].

Дифференцирующая граммема “до момента речи” мотивирована обычно не только аффиксами прошедшего времени, но в большей степени глагольной семантикой действия, которое происходило ранее. «Поэтому эта временная форма имеет оттенок неопределённости, выражая действие, которое происходило вообще: *жазды – писал, написал, жазган – писал* (вообще), *написал* вообще» [13, с. 106].

Во всех вышеприведённых примерах: 5/: *чыгыптырмын*, 6/: *ачылыптыр*, 7/: *угуп турган* и 8/: *келген* наличествуют упомянутые нами дифференцирующие семы: 3/ “действие в прошлом” и 4/ “до момента речи”.

Что же касается наличия в содержательных составах кыргызских глагольных времён дифференцирующей граммемы 5/ “действие конкретизированное / неконкретизированное во времени”, то её вариативность зависит от наличия аффикса предположительности. Модальный оттенок предположительности, направленный на прошлое, проявляется как неконкретизированность прошлого действия во времени. «Белгисиз өткөн чак очень часто сочетается с аффиксом -дыр (-дир, -дур, -дүр), выражая значение предположения, т.е. такое действие, которое совершалось, а возможно и не совершалось в прошлом. Например, в предложении *Сен бул китепти окугандырсың, – Ты, наверное, прочитал (-а) эту книгу* (о совершенном действии

говорящий точно не знает, а только предполагает, что, возможно, это действие совершалось)» [13, с. 107].

Вариантная реализация дифференцирующей граммы 5/ “действие неконкретизированное во времени” в нашем материале наблюдается в примерах 5/: чыгыптырмын и 6/: ачылыптыр.

Другой вариант данной дифференцирующей граммы 5/ “действие, конкретизированное во времени” можно наблюдать в наших примерах 7/: *угуп турган* и 8/: *келген*. В примере 7/: *угуп турган* конкретизация действия во времени мотивируется семантикой завершённости глагола “угуп”, стоящего в деепричастной форме. В примере 8/: *келген* конкретизация действия во времени обусловлена наличием в составе предложения наречия времени “мурун” (раньше).

Таким образом, и кыргызский категориально-семантический состав белгисиз өткөн чак показывает наличие пяти дифференцирующих граммем: архиграммем: 1/ “действие”, 2/ “субъект” – и дифференцирующих граммем: 3/ “действие в прошлом”, 4/ “до момента речи” и 5/ “действие, конкретизированное/неконкретизированное во времени”.

Представим в контрастивном сравнении категориально-семантические структуры английского the Past Indefinite Tense и кыргызского белгисиз өткөн чак, и сразу же отметим их полное функциональное соответствие:

The Past Indefinite Tense:]

[Белгисиз өткөн чак:

Архиграммы :

Архиграммы:

1/ “действие”

1/ “действие”

2/ “субъекта”

2/ “субъекта”

Дифференцирующие граммы:

Дифференцирующие граммы:

3/ “действие в прошлом”

3/ “действие в прошлом”

4/ “до момента речи”

4/ “до момента речи”

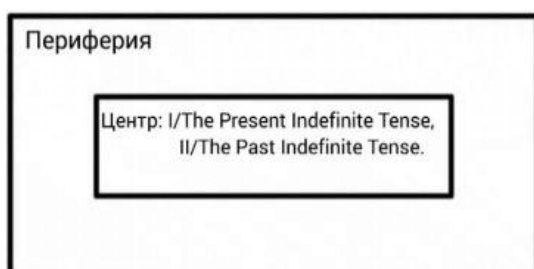
5/ “действие конкретизированное/
неконкретизированное во времени”

5/ “действие конкретизированное/
неконкретизированное во времени”

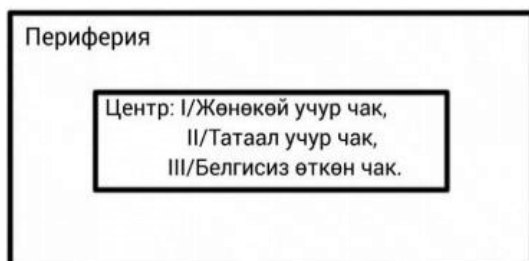
Среди всех упомянутых граммем, свойственных английскому the Past Indefinite Tense и кыргызскому белгисиз өткөн чак, наиболее значимой представляется дифференцирующая граммема 3/ “до момента речи”, которое манифестирует абсолютные временные отношения. “Абсолютная временная функция выражается в такой глагольно-временной форме, которая исходит только из момента речи говорящего и не выражает какого-либо сравнения с другими временами...” [120, с. 8].

И потому английское глагольное время the Past Indefinite Tense и кыргызское белгисиз өткөн чак являются глагольно-временными формами с абсолютным временем; они выражают временные отношения однозначно, наиболее специализированно и адекватно и потому должны быть отнесены с позиций функциональной грамматики к центру ФСП английских и кыргызских глагольных времён. Добавим их к ранее выделенным в английском и кыргызском языках the Present Indefinite Tense и жөнөкөй учур чак и татаал учур чак.

ФСП глагольных времён в английском языке:

ФСП глагольных времён в кыргызском языке:

3.1.3. Английское будущее неопределённое время (The Future Indefinite Tense) и функционально соответствующие ему кыргызские глагольные времена

Приведём образцы лингвистического анализа английского фактического материала на употребление the Future Indefinite Tense:

The Future Indefinite Tense:

1/ *Mrs. Bradford will return to London in a few days* [Galsworthy].

– *Миссис Брэудфорд вернётся в Лондон через несколько дней (Брэдфорд айым бир нече күндөн кийин Лондонго кайтып келет).*

2/ *“This bus will take you to the main street”, said Mrs. Bradford* [Galsworthy].

– *“Этот автобус доставит тебя на главную улицу”, – сказала миссис Брэдфорд (“Бул автобус сени чоң көчөгө алып барат”, – деди Брэдфорд айым).*

3/ *He will be busy tomorrow* [Akmataliyev].

– *Он будет занят завтра (Эртең анын колу бошобойт).*

4/ *“I’ll dine at the self-service canteen at their office”, I answered* [Немыкина, Ракова].

– *Я буду обедать в столовой самообслуживания в своём офисе (Мен өз ишканамдын ашканасында түшкү тамакты ичемин).*

Архиграммемами, присущими английскому the Future Indefinite Tense в вышеприведённых примерах с глагольными конструкциями: 1/: *will return*, 2/: *will take*, 3/: *will be* и 4/: *I’ll dine* - выступают общие категориально-семантические признаки: 1/ “действие” и 2/ “субъект”.

В категориально-семантических структурах английских глагольных времён the Future Indefinite Tense в вышеперечисленных примерах 1/ – 4/ выделяются три дифференцирующие граммемы: 3/ “действие в будущем”, и 4/ “после момента речи”, 5/ “действие однократное / повторяющееся”.

Теперь разберём мотивацию означенных дифференцирующих граммем поочередно.

Дифференцирующая граммема 3/ “действие в будущем” мотивирована морфологически. The Future Indefinite Tense образуется с помощью

вспомогательного глагола *shall* для 1-го лица единственного и множественного числа и *will* для остальных лиц и инфинитива смыслового глагола без частицы *to* ... и употребляется для выражения действия, которое произойдёт в будущем” [28, С. 90-91].

Что же касается дифференцирующей граммы 4/ “до момента речи”, то она мотивируется “... обычно употреблением таких обозначений времени (выраженных или подразумеваемых), как: *tomorrow* – завтра, *the day after tomorrow* – послезавтра, *tonight* – сегодня вечером, *next year (month)* – в следующем году (месяце), *next week* – на следующей неделе, *in ... days (hours)* через ... дней (часов)” [28, с. 91]; то есть имеется ввиду, что будущее действие будет совершаться после момента речи.

И последняя дифференцирующая граммма: 5/ “действие однократное / повторяющееся” в категориально-семантической структуре the Future Indefinite Tense и в английских примерах: 1/ – 4/ – представляется вариативной, поскольку может реализовываться двумя способами: “для выражения однократного действия в будущем: *I shall go to the theatre tomorrow...* или для выражения обычного, регулярно повторяющегося действия в будущем: *I will often go hunting*”.

В нашем материале вариант дифференцирующей граммы: 5/ “действие однократное” реализуется в глагольно-временных формах в предложениях: 1/: *will return ... in a few days*, 2/: *will take*, и 3/: *will be ... tomorrow*. Дифференцирующая граммма в другом варианте: 5/ “действие повторяющееся” реализуется в нашем материале, приведённом выше, только в предложении 4/: *I'll dine*.

Таким образом, можно констатировать наличие в категориально-семантическом составе английского the Future Indefinite Tense пяти грамем: двух архиграмм: 1/ “действие” и 2/ “субъекта” – трёх дифференцирующих грамем: 3/ “действие в будущем”, 4/ “после момента речи” и 5/ “действие однократное / многократное”, которые находятся между собой в иерархических

отношениях: архиграммемы подстраиваются над дифференцирующими граммемами.

Приведём теперь примеры из кыргызского будущего определённого времени (айкын келер чак), которое функционально соотносится и коррелирует с английской временной формой the Future Indefinite Tense.

Айкын келер чак:

5/ *Досум келет жайында* [Токомбаев].

– *Мой друг приедет летом* (*My friend will come in summer*).

6/ *Аалам өспөйт, Аалам өлбөйт, түгөнбөйт* [Токомбаев].

– *Вселенная не будет больше расти, Вселенная не умрёт, не закончится* (*The Universe will not be recreated; the universe will not disappear, will not end*).

7/ *Аскер болуп эл четине кетесин* [Токомбаев].

– *Станешь солдатом и поедешь на границу* (*You will be a soldier and go to border*).

8/ *“Кул эмей кимсиң? Токто, кулум. Көөдөнүңдөн кан чыкканда көрөм сени”, - деди Бөрү кырылдай үн катып* [Жоошбаев].

– *“А кто ты, как не раб? Постой, мой раб. Посмотрю я на тебя, когда из твоей груди хлынет кровь”, - сказал Бөрү хриплым голосом* (*Who are you if you are not a slave? Stop, my slave. I will see when your chest is full of blood*).

В глагольно-временных формах кыргызского айкын келер чак в вышеприведённых предложениях: 5/ *келет*, 6/ *өспөйт*, 7/ *кетерсиң* и 8/ *көрөм* – наличествуют общие для всех глагольных времён английского и кыргызского языка архиграммемы 1/ “действие” и 2/ “субъект”.

Лингвистико-семантический анализ показывает, что в кыргызской глагольно-временной форме айкын келер чак, равно как и в английской the Future Indefinite Tense, можно выделить три дифференцирующие граммемы: 3/ “действие в будущем”, 4/ “после момента речи” и 5/ “действие однократное/повторяющееся”. Причём последняя дифференцирующая грамма имеет вариативную экспликацию – так же как и в английской временной форме the Future Indefinite Tense, данная грамма имеет дизъюнктивный характер исключения “или-или”: или имеется А, или имеется В.

В нашем материале дизъюнкция (разделение) проявляется в вариативности реализации данной дифференцирующей граммы 5/ или “действие однократное”, или “действие повторяющееся”.

Так, в наших кыргызских предложениях дифференцирующая грамма 5/ “действие однократное” имеет место в категориально-семантических составах глагольных форм в айкын келер чак 7/ *кетерсиң* и 8/ *көрөм*. Вариант данной граммы 5/ “действие повторяющееся” имеет место в примерах 5/ *келет* и 6/ *өспөйт*. Отметим, что вариативное проявление данной граммы, указывающей на однократное и повторяющееся действие, детерминированы внеязыковыми факторами и характеристикой самого субъекта речи. Айкын келер чак, т.е. «будущее время» требует к себе более серьёзного отношения в смысле определения их временной оформленности и видовых значений. Будущее время в кыргызском языке представлено омонимично к настоящему по образованию в изъявительном наклонении» [95, с. 136]. Те грамматические явления, которые мы считаем вариантами одной грамматической сущности, вышеозначенные авторы обозначают как омоним, что однако, как показывают наши наблюдения, являются несколько сходным, но не подобным вариативности.

Дифференцирующая грамма 3/ “действие в будущем” у айкын келер чак мотивируется грамматически путём присоединения к основе слова деепричастного аффикса -а и личных аффиксов сказуемости [33, с. 64].

Во всех вышеприведённых примерах значение будущего определённого времени мотивировано морфологически: деепричастным аффиксом и личными аффиксами сказуемости: 5/ *кел-е-т*, 6/ *өспө-й-т*, 7/ *кет-е-сиң* и 8/ *көр-ө-м*.

Что же касается другой дифференцирующей граммы 4/ “после момента речи”, то её наличие в категориально-семантической структуре айкын келер чак мотивировано самой семантикой употребляемого глагола: «Глагол в будущем времени обозначает действие или состояние, которое произойдёт после момента речи» [57, с. 288]. Наличие данной дифференцирующей граммы в кыргызских примерах 5/ – 8/ очевидно.

Таким образом, и кыргызские глагольно-временные конструкции в айкын келер чак обладают, равно как и английские в the Future Indefinite Tense, таким же категориально-семантическим составом: двумя архиграммемами: 1/ “действие” и 2/ “субъект” и тремя дифференцирующими граммемами: 3/ “действие в будущем”, 4/ “после момента речи” и 5/ “действие однократное / многократное”.

Отообразим схематически соотносящиеся друг с другом английское глагольное время the Future Indefinite Tense и кыргызское айкын келер чак в плане контрастивного сравнения их категориально-семантических структур:

The Future Indefinite Tense:]	[Айкын келер чак:
Архиграммема:	Архиграммема:
1/“действие”	1/“действие”
2/ “субъект”	2/ “субъект”
Дифференцирующие граммема:	Дифференцирующие граммема:
3/ “действие в будущем”	3/ “действие в будущем”
4/“после момента речи”	4/“после момента речи”
5/“действие однократное/ многократное	5/“действие однократное / многократное”

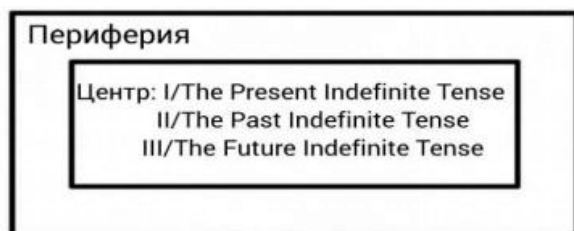
Ещё раз отметив полное совпадение категориально-семантических составов английского the Future Indefinite Tense и кыргызских айкын келер чак, выделим особо в обоих составах дифференцирующую граммему 4/ “после момента речи”, которая представляется наиболее значимой и важной. Абсолютный характер названных выше двух глагольно-временных форм будущего времени обусловлен именно названной нами дифференцирующей граммемой, которая связывает содержание глагола и момент речи, последний при этом представлен в форме “после” [83, С. 133-134; 71, с. 176].

Итак, обе проанализированные нами глагольно-временные формы английского и кыргызского будущего времени, проявляя в своих содержательных составах категориально-семантический признак, а именно, дифференцирующую граммему 4/ “после момента речи” принадлежат к

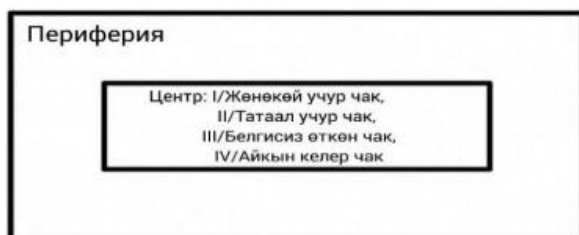
временам абсолютного типа, а следовательно, входят с позиций функциональной грамматики в центральную часть ФСП глагольных времён в английском и кыргызском языках.

Отообразим вышеизложенное схематически; добавим к ранее выделенным и проанализированным временам английское the Future Indefinite Tense и кыргызское айкын келер чак.

ФСП глагольных времён в английском языке:

ФСП глагольных времён в кыргызском языке:

3.1.4. Английское будущее неопределённое время в прошедшем (The Future Indefinite Tense in the Past Tense) и функционально соответствующие ему кыргызские глагольные времена

Названная английская глагольно-временная форма является своеобразной во временной глагольной системе английского языка. Она выражает действие, которое является будущим по отношению к другому действию из логического плана прошедшего. Однако приведём образцы языкового материала и лингвистического анализа.

The Future Indefinite in the Past Tense:

1/ *Mr. Williams knew that she would return next week* [Fitzgerald].

– *Мистер Вильямс знал, что она вернётся на будущей неделе (Вильямс мырза анын келерки жумада келерин билген);*

2/ *Mr. Williams said that he would be working at six o'clock* [Fitzgerald].

– *Мистер Вильямс сказал, что будет работать в шесть часов (Вильямс мырза саат алтыда иштерин айткан).*

3/ *He told her he would send Joan to university [Fitzgerald].*

– *Он сказал ей, что пошлёт Джоан в университет (Ал Жоанды университетке жиберем деп ага айтты).*

4/ *She looked at the sky. Soon it would rain and she would have to look for shelter [Fitzgerald].*

– *Она посмотрела на небо. Скоро пойдёт дождь, и ее придётся искать убежище (Ал асманды карады. Жамгыр жаайт го азыр, ошондуктан ал жаандан корголой турган жер табышы керек).*

Мы выделили в категориально-семантическом составе английского the Future Indefinite in the Past пять граммем: две архиграммемы: 1/ “действие”, 2/ “субъект” – и три дифференцирующие граммемы: 3/ “действие в будущем”, 4/ “соотнесённое с прошлым” и 5/ “действие непродолжительное / продолжительное”.

Наличие категориально-семантических признаков у The Future Indefinite in the Past Tense, эксплицируемых в приведённых выше примерах 1/ – 4/ в качестве архиграммем 1/ “действие” и 2/ “субъект”, как мы полагаем, не вызывает никакого сомнения, ведь вся семантика всех глагольно-временных форм в английском языке, равно в кыргызском, ориентирована на манифестацию действия (процесса или состояния) некоего субъекта (лица, нелица, животного, предмета и др.). Как отмечает в этой связи известный русский советский англист М.Я. Блох, временная «... глагольная конструкция выражает два предиката: действия субъекта и квалификацию этого действия» [34, с. 124].

Что же касается двух дифференцирующих граммем 3/ “действие в будущем” и 4/ “соотнесённое с прошлым”, то их наличие в категориально-семантической структуре the Future Indefinite in the Past детерминировано тем, что данная глагольно-временная форма «... выражает действие, которое является будущим по отношению к прошедшему моменту, в отличие от формы Future Indefinite, выражающей действие, которое является будущим по отношению к

моменту речи» [99, с. 117]. Морфологически вышеназванные две дифференцирующие граммы мотивированы грамматической конструкцией: *should* и *would*+инфинитив смыслового глагола без *to*; при этом, также как и в случае с *the Future Indefinite Tense*, *should* употребляется с 1-м лицом ед. и мн. числа, а *would* с остальными лицами.

Вспомогательные английские глаголы *should* и *would*, употребляющиеся именно в *the Future Indefinite in the Past*, по сравнению с их исходными формами *shall* и *will*, направлены на выражение категориально-семантического компонента 4/ “соотнесённое с прошлым”. «Поскольку формы типа *should*, *would* содержат в себе морфему прошедшего времени, поскольку их следует относить именно к этой категориальной форме (прошедшего времени)» [23, с. 128].

И потому, вследствие вышеизложенного, можно констатировать наличие дифференцирующих граммем 3/ “действие в будущем”, 4/ “соотнесённое с прошлым” в глагольно-временных формах *the Future Indefinite in the Past* в приведённых примерах:

1/: *would return*, 2/: *would be working*, 3/: *would send* и 4/: *would rain – would have to look*.

Что же касается последней дифференцирующей граммы 5/ “действие непродолжительное/продолжительное”, то оно, во-первых, зависит от английского глагольного действия, а во-вторых, от смысла внеязыковой ситуации. «Зависимое будущее (*the Future-in-the Past*) передаёт действие, которому предстоит совершиться после момента, являющегося временным центром прошедшего времени...» [80, с. 109].

Дифференцирующая граммма 5/ “действие непродолжительное / продолжительное”, и имеющая вариативный характер, проявляется в варианте 5/ “действие непродолжительное” в приведённых выше примерах 1/ *would return* и 2/ *would be working*, поскольку в них указаны временные пределы действия: 1/ *would return – next week*, и 2/ *would be working – at six o'clock*. Вариант данной дифференцирующей граммы 5/ “действие продолжительное” реализуется в предложениях 3/ *would send*, и 4/ *would rain – would have to look*.

Перейдём теперь к рассмотрению кыргызского языкового материала.

Татаал келер чак:

5/ *Талак катты колуна берип, ал ажырашканы жатат* [Байжиев].

– *Вручив ей в руки судебную повестку, он собирается разводиться (She was provided a letter of divorce, so he would be divorcing).*

6/ *Кана, айтканы турасызбы, балдарыңыздын кимиси ичип жүргөнүн* [Байжиев]?

– *Ну, вы, кажется, хотите сказать, кто из ваших детей выпивает? (Well, would you tell who of your children is alcohol addicted?)*

7/ *Кана, садагасы, жыргатканы турасызбы ...* [Байжиев]

– *Ну-ка, милая, сделай мне приятное ... (Darling, would you make me happy...)*

8/ *Мен эртеңден баштап иштегени жатам* [Байжиев].

– *С завтрашнего дня я собираюсь работать (I would like to work since tomorrow).*

Сравнительное рассмотрение фактического примера из двух языков показывает, что английскому the Future Indefinite in the Past в кыргызском языке однозначно соответствует будущее сложное время татаал келер чак.

В глагольно-временной форме кыргызского татаал келер чак в его категориально-семантическом составе мы выделили нижеследующие пять граммем: две архиграммемы, общие как для кыргызской, так и для английской глагольно-временной системы: 1/ “действие” и 2/ “субъект”, а также три дифференцирующие граммемы: 3/ “действие в будущем”, 4/ “соотнесённое с прошлым/ с настоящим”, и 5/ “действие непродолжительное / продолжительное”.

Дифференцирующая граммема 3/ “действие в будущем” в кыргызском татаал келер чак мотивировано морфологически: «Будущее сложное время (татаал келер чак) в кыргызском языке образуется аналитическим способом. Смысловой глагол стоит в форме деепричастия с аффиксами -ганы (-гени, -гону, -гөнү), -каны (-кени, -кону, -көнү). После него следуют вспомогательные глаголы *жат, тур, отур, жүр* в форме айкын келер чак (будущего определённого времени). Например: *Окуганы жатам. – Я собираюсь читать*» [13, с. 101].

Во всех наших примерах 5/ – 8/ представлена аналитическая форма татаал келер чак: деепричастие смыслового глагола + вспомогательные глаголы: 5/ *ажырашканы жатат*, 6/ *айтканы турасызбы*, 7/ *жыргатканы турасызбы*, и 8/ *иштегени жатам*.

Дифференцирующая граммема вариативного характера 5/ “действие непродолжительное/продолжительное”, аналогическая таковой в английском the Future Indefinite in the Past, проявляет собой вариант 5/ “действие непродолжительное” в примерах 5/ *ажырашканы жатат*, и 6/ *айтканы турасызбы*. Непродолжительность действия в татаал келер чак мотивирована внеязыковой ситуацией, также как и в английском соответствующем глагольном времени [13, с. 101].

Вариант дифференцирующей граммеы 5/ “действие продолжительное” реализуется в примерах 7/ *жыргатканы турасызбы*, и 8/ *иштегени жатам*. В этом случае можно наблюдать такую семантику глагольной формы, начальный этап которой уходит корнями в план прошедшего [33, с. 67].

Несколько отличной от соотнесённой английской оказывается кыргызская дифференцирующая граммема 4/ “соотнесённое с прошлым/ с настоящим”. Соотнесённая английская граммема 4/ “соотнесённое с прошлым” не имеет вариантов и всегда однозначно, в то время как кыргызская дифференцирующая граммема 4/ “соотнесённое с прошлым / с настоящим” имеет два варианта. Вариант 4/ “соотнесённое с прошлым” в кыргызском языке проявляется в семантике таких глаголов в татаал учур чак, которые могут «... выражать действие, имевшее место в прошлом, причём оно воспринимается в этом случае как результат деятельности говорящего или как нечто, совершенное другим лицом, но известное говорящему» [57, с. 290].

В наших примерах дифференцирующая граммема 4/ “соотнесённое с прошлым” проявляется в глагольных формах 5/ *ажырашканы жатат*, и 6/ *айтканы турасызбы*. Таким образом, только один вариант дифференцирующей граммеы 4/ “соотнесённое с прошлым” является функционально полностью

эквивалентной исходной английской дифференцирующей граммеме 4/ “соотнесённое с прошлым”.

Другой вариант кыргызской дифференцирующей граммы 4/ “соотнесённое с настоящим”, не имеющий аналога в английском the Future Indefinite in the Past можно наблюдать в категориально-семантических составах глагольных времён в кыргызских примерах: 7/ *жыргатканы турасызбы*, и 8/ *иштегени жатам*. В этом случае глагол «...обозначает действие, которое произойдёт в ...будущем или вообще произойдёт, но обязательно, так как это предопределено настоящим» [57, с. 289].

Сравним в контрастивном аспекте категориально-семантические структуры английских и кыргызских глагольных времён the Future Indefinite in the Past и татаал келер чак, можно убедиться, что они совпадают не полностью, в их структурах различаются дифференцирующие граммы 4/ “соотнесённое с прошлым” в the Future Indefinite in the Past и 4/ “соотнесённое с прошлым/ с настоящим” в татаал келер чак. Если английская граммема является однозначной, что таковая кыргызская – вариативной.

The Future Indefinite
in the Past Tense:

Архиграммы:

1/ “действие”

2/ “субъект”

Дифференцирующие граммы:

3/ “действие в будущем”

4/ “соотнесённое с прошлым”

5/ “действие непродолжительное/
продолжительное”

Татаал келер чак:

Архиграммы:

1/ “действие”

2/ “субъект”

Дифференцирующие граммы:

3/ “действие в будущем”

4/ “соотнесённое с прошлым/
с настоящим”

5/ “действие непродолжительное/
продолжительное”

В обоих сопоставляемых глагольных временах: the Future Indefinite in Past Tense и татаал келер чак – мы не наблюдаем их соотнесенности с моментом речи. Так, во всех проанализированных нами английских и кыргызских примерах

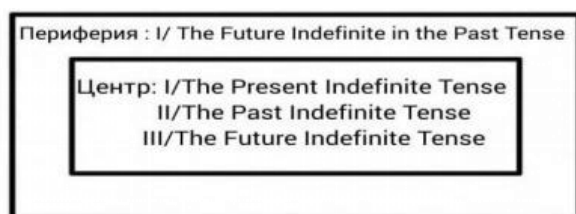
1/ – 8/ не имеется в смыслах предложений никакого семантического указания, намёка, на момент речи в модификациях: «теперь, сейчас, в момент речи», «до момента речи» или «после момента речи». Мы имеем здесь тот самый случай, который мы уже цитировали у З.К. Держишевой: «время для которого точкой отчёта является действие другого глагола, называется относительным» [71, с. 176].

В наших английских примерах будущее время указывается в связи со временем прошедшим, в наших кыргызских примерах наблюдается то же самое. Даже имеющаяся в кыргызской категориально семантической структуре дифференцирующая разновидность граммы 4/ «соотнесённое с настоящим» не выражает момента речи, поскольку действие, соотнесённое с настоящим, все же полностью нацелено на то, что «событие произойдёт в недалёком будущем» [57, с. 289].

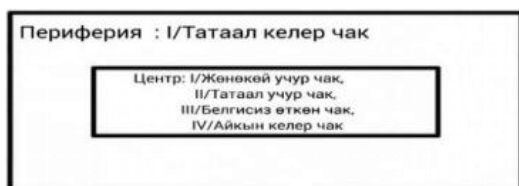
Мы уже ранее обговорили доказательно, что все глагольно-временные формы с относительными временными отношениями могут и должны принадлежать с позиций функциональной грамматики только к окраине, к периферии ФСП глагольных времён в обоих сравниваемых языках.

Добавим в уже представленную в начальной стадии экспликации ФСП английских и кыргызских глагольных времён проанализированные в настоящем разделе английское the Future Indefinite in the Past Tense и кыргызское татаал келер чак и отобразим это схематически.

ФСП глагольных времён в английском языке:

ФСП глагольных времён в кыргызском языке:

3.2. Английские глагольные времена группы Continuous Tense и соответствующие им времена в кыргызском языке

Английские глагольные времена группы Continuous Tenses употребляются для выражения действия, происходящего в какой-то отрезок времени в настоящем, прошедшем или будущем. При этом не имеет значения, сколько времени длится данное действие, важно лишь то, что действие рассматривается в развитии как процесс. Поэтому времена группы Continuous Tenses называют в теоретической грамматике немецкого языка как длительные времена [28, С. 94-95; 87, С. 58-59].

Релевантный признак длительности действия выражается в группе времён Continuous Tenses в логическом плане настоящего, логическом плане прошедшего (прошлого) и логическом плане будущего. В соответствии с этим во временной системе английского языка выделяют четыре глагольно-временные формы:

- 1/ The Present Continuous Tense – настоящее длительное время;
- 2/ The Past Continuous Tense – прошедшее длительное время;
- 3/ The Future Continuous Tense – будущее длительное время;
- 4/ The Future Continuous in the Past Tense – будущее длительное в прошедшем.

Однако не все английские глаголы могут быть употреблены со значением длительного действия во временах группы Continuous Tenses «следует иметь в виду, что некоторые глаголы не могут выражать действие и состояние как процесс, совершающийся в определённый момент и, следовательно, не могут употребляться во временах группы Continuous.

К таким глаголам относятся глаголы, выражающие чувство, восприятие посредством органов чувств, умственную деятельность, а также и некоторые другие. К числу наиболее употребительных из этих глаголов относятся: *to love* – любить, *to like* – нравиться, *to hate* – ненавидеть, *to want* – хотеть, *to wish, to desire* – желать, *to see* – видеть, *to hear* – слышать и др.» [99, с. 107].

Рассмотрим даже конкретно каждое из вышеуказанных английских глагольных времён и определим к ним соответствующие им функционально глагольно-временные формы из кыргызского языка.

3.2.1. Английское настоящее длительное время (The Present Continuous Tense) и функционально соответствующие ему кыргызские глагольные времена

Английская глагольно-временная форма the Present Continuous Tense обозначает действие субъекта из логического плана настоящего. При этом данное действие субъекта имеет процессуальный длительный характер и направлено на момент протекания, определяемый как: теперь и сейчас. The Present Continuous Tense представляет собой в логическом плане настоящего «...видо-временную форму, выражающую процессуальность действия. Определённый отрезок действия рассматривается в момент его протекания, в процессе его развёртывания, безотносительно к его началу или концу» [87, С. 57-58].

Однако приведём фактический материал на употребление the Present Continuous Tense и образцы его лингвистического анализа.

The Present Continuous Tense:

1/ *They are working in the garden* [Coller].

– *Они работают в саду (Алар бакта иштен жатышат).*

2/ *«This week we are starting work at ten o'clock», said uncle Gregory* [Coller].

«На этой неделе мы начнём временно работать в десять часов», – сказал дядя Грегор (Бул жумада биз убактылуу саат ондон баштап иштен турабыз).

3/ *Miss Carolann is reading a very interesting historical novel* [Coller].

– *Мисс Кэролайн читает очень интересный исторический роман (Мисс Кэролайн өтө кызыктуу тарыхый роман окуп жатат).*

4/ *That firm is carrying on negotiations for the purchase of ore* [Немыкина, Ракова].

– *Эта фирма ведёт переговоры о покупке руды (Ал ишкана кенди сатып алуу боюнча сүйлөшүүлөрдү жүргүзүп жатат).*

На примере вышеприведённых английских предложений можно констатировать наличие в категориально-семантической структуре the Present Continuous Tense двух архиграммем, обеих для всех глаголов всех английских временных групп: 1/ «действие», 2/ «субъект». И в самом деле во всех вышеприведённых английских примерах две означенные архиграммемы наличествуют в категориально-семантических структурах как глагольно-временной формы the Present Indefinite Tense, так и в таковых каждого из глаголов в примерах: 1/ *are working*, 2/ *are starting*, 3/ *is reading*, и 4/ *is carrying*.

В качестве дифференцирующих граммем в приведённых английских примерах, а именно, в их категориально-семантических составах, выделяются три категориально-семантических признака: 3/ «действие в настоящем», 4/ «соотнесённое с моментом речи» и 5/ «действие длительное».

Дифференцирующая граммема 3/ «действие в настоящем» мотивировано грамматически: «Present Continuous образуется при помощи вспомогательного глагола *to be* в настоящем времени (*am, is, are*) и форма причастия настоящего времени (Present Participle) смыслового глагола: *I am working, he is working, we are working*» [99, с. 118]. Во всех вышеприведённых английских примерах наблюдается такая грамматическая конструкция: 1/ *they are working*, 2/ *we are starting*, 3/ *Miss Carolann is reading*, и 4/ *that firm is carrying*.

Дифференцирующая граммема 4/ «соотнесённое с моментом речи» обусловлено содержанием вышеназванных грамматических конструкций: 1/ *they are working*, 2/ *we are starting*, 3/ *Miss Carolann is reading*, и 4/ *that firm is carrying*; именно сама «... форма времени указывает, что действие совершается в момент речи» [99, с. 119; 7, С. 163-164].

Релевантная экспликация данной дифференцирующей граммемы 4/ «соотнесённое с моментом речи» проявляется в том, что она учитывает не только собственно момент речи говорящего, но также и длительность действия субъекта высказывания. Уместно в этой связи привести соответствующую the Present Continuous Tense цитату из классического труда известного советского русского англиста А.И. Смирницкого, который предлагает понимать данное глагольное

время в широком смысле как широкое настоящее время: “поскольку любой момент данной речи в строгом смысле слова есть лишь один из моментов этой речи, которое, выделяя его в качестве “настоящего момента”, вместе с тем включает его в занимаемый ею отрезок времени, поскольку вполне естественным указывается более широкое понимание “настоящего времени”: это время легко может быть осмыслено как время, лишь включающее в себя момент данной речи, но по своей длительности неограниченное какими-либо установленными пределами” [145, с. 340].

Что же касается дифференцирующей граммы 5/ “действие длительное”, то таковая, присущая всему плану содержания the Present Continuous Tense, конкретизируется в каждом отдельном случае, а именно, в наших примерах: 1/ are working, 2/ are starting, 3/ is reading, и 4/ is carrying -, что обусловлено общим смыслом глагольного времени. “Present Continuous может означать действие в процессе его совершения, т.е. ещё не законченное действие” [122, с. 457].

Как показывает наше лингвистико-сопоставительное рассмотрение в кыргызской глагольно-временной системе английскому the Present Continuous Tense соответствует настоящее сложное время – татаал учур чак. Приведём некоторые предложения из кыргызского языка на татаал учур чак и образцы анализа данного фактического материала.

Татаал учур чак:

5/ *Жаанын огу жеткенин*

Көрүп турат Эр Төштүк [Эр Төштүк].

– *Видит Эр Төштүк,*

Как стрела достигает цели (The arrow is reaching the target).

6/ *Адам өлөр чөл басып, - Ойлонуп жатат Эр Төштүк* [Эр Төштүк].

– *Человек может погибнуть в степи, - думает Эр Төштүк (A person can die in the steppe, Er Toshtuk is thinking).*

7/ *Кадимки Көкдөө батырды*

Көрүп жатат Эр Төштүк [Эр Төштүк].

– *Самого батыра Кокдоо видит Эр Төштүк (Er Toshtuk sees batyr Kokdoo).*

8/ *Душмандардын үндөрүн*

Угун жатат Эр Төштүк [Эр Төштүк].

– голоса слышит Эр Төштүк (Er Toshtuk is listening to Enemies' voices).

В категориально-семантическом составе кыргызского татаал учур чак можно выделить две архиграммемы, свойственные, как мы уже показывали ранее, всем глагольно-временным формам обоих сравниваемых языков: английского и кыргызского 1/ “действие” и 2/ “субъект”.

Также мы выделили три дифференцирующие граммемы: 3/ “действие в настоящем”, 4/ “соотнесённое с моментом речи” и 5/ “действие продолжительное”.

Кыргызская дифференцирующая граммема 3/ “действие в настоящем”, также как и аналогичная в английском языке, мотивируется грамматически, а именно, аналитико-морфологическая граммема «Настоящее сложное время (Нагыз учур чак же татаал учур чак) образуется аналитическим способом, т.е. при помощи деепричастного аффикса -а (-е, -й), или -ып (-ип, -уп, -үп, -п), присоединяемого к основе смыслового глагола и вспомогательных глаголов жат (лежать), тур (стоять), отур (сидеть), жүр (идти) в спрягаемой форме настоящего-будущего времени: *Университетке бар+а жат+а+мын. – Я иду в университет. Сабактын баштагышы кут+үп тур+а+быз. – Ждем начала занятий*» [33, с. 229].

Во всех вышеприведённых кыргызских примерах имеет место аналитический способ образования татаал учур чак: 5/ *көрүп турат*, 6/ *ойлонуп жатат*, 7/ *көрүп жатат*, и 8/ *угун жатат*. Здесь однозначно эксплицируется категориально-семантический признак, указывающий на наличие действия в логическом плане настоящего.

Дифференцирующая граммема 4/ “соотнесённое с моментом речи” проявляется во всех вышеприведённых кыргызских примерах в том ракурсе, что она как бы соотносит и полагает друг на друга языковой (грамматический) момент речи и логический план настоящего времени [75, с. 46]. Во всех вышеприведённых кыргызских глагольных временах: 5/ *көрүп турат*, 6/ *ойлонуп*

жсатат, 7/ *көрүп жсатат*, и 8/ *угуп жсатат* момент речи говорящего и логико-грамматический план настоящего времени – как бы совмещаются и налагаются друг на друга.

Что же касается последней в этом категориально-семантическом составе дифференцирующей граммема 5/ “действие продолжительное”, то, как показывает наше контрастивное сравнение с таковой из английского языка, то оно представляется более долгим, т.е. более продолжительным, чем учур чак «... обозначает действие, начавшееся давно и продолжающееся в данный момент» [57, с. 276; 64, с. 393].

Напомним, что в английском языке “Present Continuous употребляется для выражения развёртывающегося действия, происходящего в данный момент в настоящем” [28, с. 95].

Таким образом, кыргызская дифференцирующая граммема 5/ “действие продолжительное”, реализуется в вышеназванных кыргызских предложениях 5/-8/, имеет более продолжительный характер, за счёт наращения времени действия в ретроспекции в прошедшем и дошедшим до настоящего, в то время как в английском языковом материале такой ярко выраженной ретроспективной направленности действия не наблюдается [157, С. 6-8; 67, С.16-17].

Итак, сравним в контрастивном порядке категориально-семантические составы анализируемых нами the Present Continuous Tense и татаал учур чак.

The Present Continuous Tense:

Архиграммема:

1/“действие”

2/ “субъект”

Дифференцирующие граммема:

3/ “действие в настоящем”

4/ “соотнесённое с моментом речи”

5/ “действие длительное”

Татаал учур чак:

Архиграммема:

1/“действие”

2/ “субъект”

Дифференцирующие граммема:

3/ “действие в настоящем”

4/“соотнесённое с моментом речи”

5/“действие продолжительное”

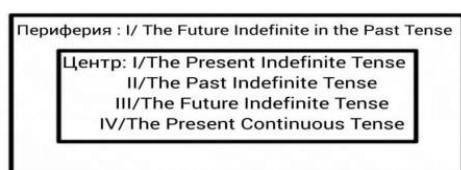
Как уже отмечалось категориально-семантические структуры английского глагольного времени the Present Continuous Tense и кыргызского татаал учур чак

совпадают в своей основе, кроме одной дифференцирующей граммемы 5/ “действие продолжительное” в кыргызском языке, отличающейся большей продолжительностью действия, нежели чем английская дифференцирующая грамма 5/ “действие продолжительное”, которое является все же ограниченным в плане настоящего.

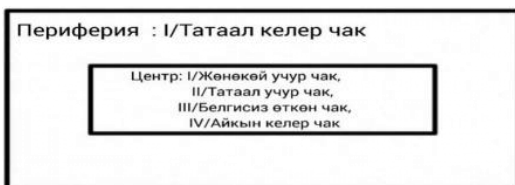
Дифференцирующая грамма 4/ “соотнесённое с моментом речи”, общая для английской и кыргызской категориально-семантической структуры сравниваемых глагольных времён, соотносит друг с другом два явления: 1/ явления момента речи в логическом плане настоящего и 2/ явление действия глагольно-временной формы в составе высказывания, и таким образом, относит оба глагольных времени: the Present Continuous Tense и татаал учур чак – к временным с абсолютным значением.

Добавим проанализированные нами в настоящем разделе работы английское the Present Continuous Tense и кыргызское татаал учур чак к ФСП глагольных времён в обоих языках находятся именно в центральной части, поскольку оба данных глагольных времени обладают абсолютным значением. Ранее нами в центре английского ФСП глагольных времён было выделено три глагольных времени с абсолютным значением, с учётом добавления последнего глагольного времени стало четыре. Если в центре ФСП кыргызских глагольных времён было выделено нами ранее четыре глагольно-временные формы с абсолютным временем, то с учётом последнего добавления их всё равно остаётся четыре, так как до этого мы уже отнесли кыргызскую глагольную форму татаал учур чак к центру ФСП кыргызских глагольно-временных времён как функциональный эквивалент английского the Present Indefinite Tense.

ФСП глагольных времён в английском языке:

ФСП глагольных времён в кыргызском языке:

3.2.2. Английское прошедшее длительное время (The Past Continuous Tense) и функционально соответствующие ему кыргызские глагольные времена

Приведём образцы лингвистического анализа английского the Past Continuous Tense и соответствующих ему функционально кыргызских глагольно-временных форм. Начнём с языкового материала исходного английского языка.

The Past Continuous Tense:

1/ *It was raining at noon* [Christie].

– В полдень шёл дождь (Түштө жамгыр жаап жатты).

2/ *She was opening the window when Laura entered the room* [Christie].

– Она открывала окно, когда Лаура вошла в комнату (Лаура бөлмөгө киргенде, ал терезени ачып жаткан эле).

3/ *It was ten o'clock in the morning, when Laura entered the office. Some visitors were waiting* [Christie].

– Было 10 часов утра, когда Лаура вошла в контору. Несколько посетителей ждали управляющего (Лаура кабинетке киргенде, саат 10 болчу. Бир нече киши башчыны күтүп жатышкан).

4/ *She was always talking at the lessons last term* [Кубарьков, Тимошук].

– В прошлом семестре она всё время болтала на уроках (Акыркы семестрде ал дайыма сабакта сүйлөп эле отурчу).

В приведённых выше английских примерах с употреблением the Past Continuous Tense во всех глагольно-временных формах наличествуют в их категориально-семантических составах архиграммемы 1/ “действие” и 2/ “субъект”, которые манифестируют не только содержательную сторону глагольно-временных форм, но и определённым образом соотносят их с реальными субъектами (в предложениях: 2/ *she* ↔ *was opening*; 3/ *some visitors*

↔ *were waiting?* 4/ *she* ↔ *was talking*), а также с субъектами формальными (как, например, в предложении 1/ *it* ↔ *was raining*) [145, с. 337].

Кроме двух вышеозначенных архиграммем в категориально-семантическую структуру глагольного времени the Past Continuous Tense, по нашим аналитическим данным, входят три дифференцирующие граммемы: 3/ “действие в прошлом”, 4/ “действие незавершённое” и 5/ “действие длительное”, которые проявляются в содержательной стороне примеров: 1/ *was raining*, 2/ *was opening*; 3/ *were waiting*; 4/ *was talking*.

Категориально-семантический признак 3/ “действие в прошлом” мотивируется морфологически, когда «Past Continuous образуется при помощи вспомогательного глагола to be в форме прошедшего времени (*was, were*) и формы причастия настоящего времени (Present Participle) смыслового глагола: *I was working, We were working*» [99, с. 121]. Все вышеприведённые глагольные формы в предложениях 1/ – 4/ образованы по грамматической формуле: *was, were* + Present Participle.

Категориально-семантические признаки 4/ “действие незавершённое” и 5/ “действие длительное” выделяются нами, исходя из противопоставления глагольных времён общих (Common) и глагольных времён длительных (Continuous). Данная корреляция глагольных времён общих противостоит во временной системе английского языка корреляции глагольных времён, различаемых как времена перфектные и неперфектные. «Уже одно то обстоятельство, что все эти “времена” неизбежно группируются в виде различных “настоящих”, различных “прошедших” и “будущих” и вместе с этим иначе как “времена” общие и длительные, перфектные и неперфектные, свидетельствуют о том, что здесь мы имеем дело с т р е м я различными грамматическими к а т е г о р и я м и, которые перекликаются и сочетаются друг с другом в определённых грамматических формах» [145, с. 335].

Две из трёх обозначенных А.И. Смирницким грамматических категорий мы выделяем в категориально-семантической структуре английского the Past Continuous Tense в качестве дифференцирующих граммем: 4/ “действие

незавершённое” и 5/ “действие длительное” [о третьей грамматической категории, выделяемой в связи с перфектного-неперфектного действия, мы выскажем далее].

Обе вышеназванные дифференцирующие граммы, таким образом, выделяются во всех вышеприведённых английских глагольно-временных формах: 1/ *was raining*, 2/ *was opening*, 3/ *were waiting*, 4/ *was talking*. При этом дифференцирующая граммма 4/ “действие незавершённое” мотивируется в содержательном аспекте тем, что “при употреблении Past Continuous подчёркивается п р о ц е с с протекания действия” [28, с. 98; 92, С. 19-20].

Что же касается дифференцирующей граммы 5/ “действие длительное”, то такая мотивируется содержанием языковой ситуации, « ... выражающей д л и т е л ь н о е действие, начавшееся до определённого момента в прошлом и всё ещё совершающегося в этот момент» [99, с. 122;].

Перейдём теперь к рассмотрению кыргызскоязычного материала. Контрастивное сравнение показывает, что в кыргызском языке функциональными соответствиями для английского прошедшего длительного времени (the Past Continuous Tense) выступают две глагольно-временные формы: А/ айкын өткөн чак (прошедшее определённое время) и Б/ адат өткөн чак (длительное или многократно прошедшее время). Приведём образцы фактического материала и лингвистического анализа из кыргызского языка.

Айкын өткөн чак:

5/ *Келе турган мезгил да ошентип келди* [Жакыпов].

– *Итак долгожданное время настало (So the long-awaited time came).*

6/ *Сен көп эле башкарманын баласындай болуп жүрдүң* [Жакыпов].

– *Ты долго ходил в любимчиках у председателя (You used to act like a son of the boss).*

Адат өткөн чак:

7/ *Биздин балдар өздөрүн өзү тейлөчү* [Жакыпов].

– *Наши дети убрались за собой сами (Our children had self service).*

8/ *Жаман иштегендердин кемчилигин айтып уялтчы* [Жакыпов].

– *Плохо работающих стыдили, говоря им об их недостатках (The lazy workers were shamed).*

В обоих кыргызских глагольно-временных формах в их плане содержания выделяются уже названные нами ранее архиграммемы: 1/ “действие” и 2/ “субъект”. Все приведённые глагольные времена указывают на субъект в примерах: 1/ *келди* → *мезгил*, 2/ *жүрдүң* → *сен*, и 3/ *тейлөчү* → *балдар*. В последнем примере 4/, которое является безличным, субъект при глагольной форме “*уялтчы*” подразумевается.

Дифференцирующая граммема 3/ “действие в прошлом” является общей не только для английского the Past Continuous Tense, но также и для обоих глагольно-временных форм в кыргызском языке: для айкын өткөн чак и для адат өткөн чак. В айкын өткөн чак данная дифференцирующая граммема 3/ “действие в прошлом” мотивируется морфологически: образуясь от основы глагола при помощи аффикса -ды (с вариантами) и личных аффиксов, «айкын өткөн чак употребляется в тех случаях, тогда действие совершалось ... в прошлом и говорящий является его участником или свидетелем» [13, с. 105]. Такую мотивированность и связь с понятием прошлого можно наблюдать в кыргызских примерах с айкын өткөн чак 5/ *келди*, и 6/ *жүрдүң*.

Аналогичным образом дифференцирующая граммема 3/ “действие в прошлом” мотивирована морфологически и в адат өткөн чак: «Адат өткөн чак обозначает действие, которое совершалось в прошлом длительно или многократно, и образуется от основы глагола при помощи аффиксов -чу, -чү (-чу, -үчү, -уучу, -үүчү). Например: *Володя төшөгүн өзү жыйначу. – Володя сам убирал постель*» [13, с. 111]. Морфологическую мотивированность дифференцирующей граммемы 3/ “действие в прошлом” можно наблюдать в примерах 7/ *тейлөөчү*, и 8/ *уялтчы*.

В категориально-семантическом плане кыргызские глагольно-временные формы айкын өткөн чак и адат өткөн чак различаются только одним категориально-семантическим компонентом, одной дифференцирующей граммемой 4/ “действие незавершённое” у айкын өткөн чак и 4/ “действие

многократное” у адат өткөн чак. И в самом деле, незавершённость действия актуализируется в айкын өткөн чак в примерах 5/ келди, и 6/ жүрдүң, поскольку “основным грамматическим значением прошедшего определённого времени является выражение действий, ... совершавшихся в прошлом” [57, с. 282].

Что же касается дифференцирующей граммемы 4/ “действие в содержании адат өткөн чак, то оно обуславливается характером действия”, «...которое совершалось в прошлом многократно на протяжении длительного периода...» [33, с. 233], как это наблюдается в кыргызских примерах 7/ *тейлөчү*, и 8/ *уялтчы*.

Сравним теперь в контрастивном аспекте категоривально-семантические структуры the Past Continuous Tense и двух кыргызских глагольных времён: айкын өткөн чак и адат өткөн чак.

The Past Continuous Tense:

Архиграммемы:

1/“действие”

2/ “субъект”

Дифференцирующие граммемы:

3/ “действие в прошлом”

4/“действие незавершённое”

5/“действие длительное”

Айкын өткөн чак:

Архиграммемы:

1/“действие”

2/ “субъект”

Дифференцирующие граммемы:

3/ “действие в прошлом”

4/“действие незавершённое”

Адат өткөн чак:

Архиграммемы:

1/“действие”

2/ “субъект”

Дифференцирующие граммемы:

3/ “действие в прошлом”

4/ “действие многократное”

Как можно убедиться, одна английская глагольно-временная форма the Past Continuous Tense имеет в кыргызском языке функциональные соответствия: А/ айкын өткөн чак и Б/ адат өткөн чак. Всё дело в том, что первая из них, айкын өткөн чак, более подходит для исходного английского the Past Continuous Tense в том случае, когда в категориально-семантической структуре последней актуализируется дифференцирующая грамма 4/ “действие незавершённое”, а вторая из них, адат өткөн чак, соотносится и соответствует исходному

английскому the Past Continuous Tense, когда в ее категориально-семантической структуре актуализируется дифференцирующая граммема 4/ “действие длительное”.

В этом случае мы имеем нижеследующее соотношение дифференцирующих граммем категориально-семантических составов сопоставляемых глагольных времён.

The Past Continuous Tense:

Дифференцирующие граммемы:

4/ “действие незавершённое”

5/ “действие длительное”

Айкын өткөн чак:

Дифференцирующие граммемы:

4/ “действие незавершённое”

Адат өткөн чак:

Дифференцирующие граммемы:

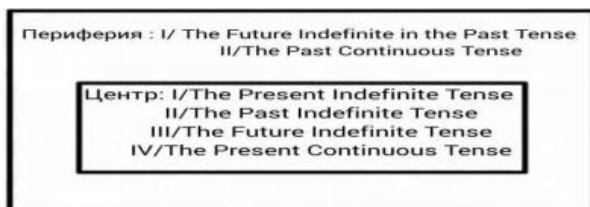
4/ “действие многократное”

Думается, что в случае с английским the Past Continuous Tense наличие среди дифференцирующих граммем двух категориально-семантических компонентов: 4/ “действие незавершённое” и 5/ “действие длительное” - способствует сдвигению момента речи куда-то в глубину логического плана прошедшего. Таким образом, здесь, в случае с the Past Continuous Tense, мы имеем относительные отношения внутри содержания глагольного времени.

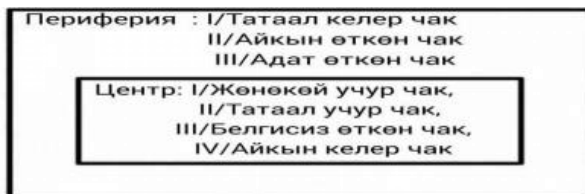
Точно такое же мнение можно высказать и о двух функциональных соответствиях the Past Continuous Tense в кыргызском языке айкын өткөн чак и адат өткөн чак, которые таким же образом показывают относительные временные отношения. И потому проанализированные в данном разделе работы кыргызские глагольные времена айкын өткөн чак и адат өткөн чак, равно как и исходное английское the Past Continuous Tense, с позиций функциональной грамматики можно отнести только к периферии ФСП глагольных времён.

Добавим их в конструируемой нами схеме ФСП английских и кыргызских глагольных времён в периферийную часть поля.

ФСП глагольных времён в английском языке

ФСП глагольных времён в кыргызском языке

3.2.3. Английское будущее длительное время (The Future Continuous Tense) и функционально соответствующие ему кыргызские глагольные времена

Английское будущее длительное время, также как и два предыдущих глагольных времени the Present Continuous и the Past Continuous, выражают будущее действие как незаконченное и продолжающееся в процессе его совершения. Однако приведём образцы анализа языкового материала на Future Continuous.

The Future Continuous Tense:

1/ *Mr. Jeffrey will be working when she returns* [Coppard].

– *Мистер Джеффри будет работать, когда она вернётся (Ал кайтып келгенде Жеффри мырза иштеп жаткан болот).*

2/ *“If you come after ten o’clock, I shall be sleeping”, said Michael Jeffrey* [Coppard].

– *“Если вы придёте после десяти часов, я буду спать”, - сказал Майкл Джеффри (“Эгер сен саат ондон кийин келсең, мен уктап жаткан болом”, - деди Майкл Жеффри).*

3/ *When he turns eastm the patrols will be searching the area where they lost him* [Lardner].

– *Когда он повернёт на восток, патрули будут обыскивать район, где они потеряли его из виду (Ал чыгышты карай бурулганда, патрулдар аны жоготкон жерден издеп жаткан болушат).*

4/ *They will be working at the mine from 2 p.m. till 8 p.m.* [Lardner].

– *Они будут работать в шахте с 2 часов дня до 8 вечера (Алар саат экиден бааштан сегизге чейин шахтада иштешет).*

В категориально-семантической структуре английского глагольного времени the Future Continuous Tense выделяется общие для всех глагольных времён обоих сопоставляемых языков: английского и кыргызского – архиграммема 1/ “действие”, 2/ “субъект”. Таковые наличествуют в примерах 1/ *wil be working*, 2/ *shall be sleeping*, 3/ *will be searching* и 4/ *will be working*.

В категориально-семантическом составе английского the Future Continuous Tense нами также выделяются на примере высказываний 1/ – 4/ три дифференцирующие граммема: 3/ “действие в будущем”, 4/ “действие длительное” и 5/ “действие возможное”.

Дифференцирующая граммема 3/ “действие в будущем” мотивировано морфологически: «Future Continuous образуется при помощи вспомогательного глагола to be в форме будущего времени (shall be, will be) и формы причастия настоящего времени (Present Participle) смыслового глагола: «*I shall be working, he will be working*» [99, с. 124; 21, С. 11-12]. Во всех вышеприведённых английских предложениях употреблены означенные конструкции: 1/, 4/ *will be working*, 2/ *shall be sleeping*, и 3/ *will be searching*.

Дифференцирующая граммема 4/ “действие длительное” в содержании означенного грамматического времени «... передаёт действие в его развитии, происходящее в какой-то момент в будущем; момент этот выражен или обстоятельством времени, или другим действием, передаваемым глаголом в Present Indefinite» [21, с. 14]. Все вышеперечисленные глагольные формы в английских примерах 1/ – 4/ обладают такой дифференцирующей граммемой.

Что же касается последней дифференцирующей граммема, выделенной нами в содержательной стороне the Future Continuous Tense и обозначенной как: 5/ “действие возможное”, то таковая мотивируется в английском языке на категории возможности с модальным оттенком [21, с. 15]. Данная дифференцирующая граммема, к примеру, во всех вышеприведённых

предложениях 1/ – 4/, на такое будущее действие, которое, в свою очередь, ориентируется « ... на какое-либо обстоятельство времени или другое будущее действие» [122, с. 500]. Именно данная граммема 5/ “действие возможное” относит актуальную глагольно-временную форму the Future Continuous Tense и временам с относительной функцией.

Перейдём теперь к рассмотрению кыргызскоязычного материала глагольного времени арсар келер чак (будущее сомнительное время), которое функционально соответствует английскому the Future Continuous Tense.

Арсар келер чак:

5/ *О, Элик, сени эртең көрбөстүрмүн* [Куттуу билим].

– *О, Элик, возможно, в будущем тебя я не увижу (Oh Elik, I will not see you in future).*

6/ *Келечек нурун чачын келер* [Куттуу билим].

– *Придёт ли счастливое будущее (Is happy future come).*

7/ *“Ал сөздөрдү бизге Элик айтар”* [Куттуу билим].

– *Вероятно, скажет нам эти слова Элик (Elik will be telling these words).*

8/ *“Дагы бир суроону угарсың”* [Куттуу билим].

– *Услышишь ты ещё один вопрос (You will be listening to one more question).*

Во-первых, в содержательной стороне всех глагольно-временных форм в кыргызских примерах 5/ – 8/ мы выделяем присущие всем рассматриваемым нами в сопоставительном аспекте кыргызским, а также английским глагольным временам архиграммема 1/ “действие” и 2/ “субъект”.

Во-вторых, мы выделяем в качестве дифференцирующих граммем в означенных выше глагольных временах кыргызского языка три категориально-семантических признака: 3/ “действие в будущем”, 4/ “действие незаконченное” и 5/ “действие предположительное”.

Дифференциальная граммема 3/ “действия в будущем” мотивированно морфологически: «в киргизском языке имеется особая форма простого будущего времени. Она образуется от основы глагола присоединением к ней аффикса -ар (

после согласного), -р – после гласного и личных аффиксов глагола (-мын, -сың и т.д.)» [13, с. 98; 112, с. 23].

В двух наших примерах мы имеем реализацию только одного аффикса -ар и -р: 6/: *келер*, 7/: *айтар*. В двух других примерах данные аффиксы употреблены вместе с личными аффиксами: 5/ *көрбөстүрмүн*, 8/ *угарсың*.

Дифференцирующая граммема 4/ “действие незаконченное” мотивировано коммуникативной интенцией говорящего о том, что данное будущее действие все же не будет закончено [64, с. 399; 33, с. 229].

Во всех вышеприведённых кыргызских примерах данная дифференцирующая граммема 4/ “действие незаконченное” исходит от глагольных форм: 5/ *көрбөстүрмүн*, 6/ *келер*, 7/ *айтар*, и 8/ *угарсың* и распространяется на всё предложение. Здесь именно тот самый случай, когда «в кыргызском языке в некоторых случаях переходные глаголы, наряду с винительным, управляют исходным и дательным падежами, оформляющими прямые дополнения» [129, с. 142].

И последняя дифференцирующая граммема 5/ “действие предположительное” мотивировано во всех вышеприведённых примерах 5/ – 8/, равно и в категориально-семантической структуре всего глагольного времени тем фактом, что семантика арсар келер чак, или “грамматическое знание будущего неопределённого времени заключается в выражении неуверенности, предположительности действия, которое может произойти в будущем, а может и не произойти” [57, с. 293; 95, С. 136-137].

Сравним теперь в контрастивном плане категориально-семантические структуры проанализированы нами в этом разделе английского будущего длительного времени и кыргызского будущего сомнительного (неопределённого) времени.

The Future Continuous Tense:

Архиграммемы:

1/ “действие”

2/ “субъект”

Арсар келер чак:

Архиграммемы:

1/ “действие”

2/ “субъект”

Дифференцирующие граммы:

3/ “действие в будущем”

4/“действие длительное”

5/“действие возможное”

Дифференцирующие граммы:

3/ “действие в будущем”

4/ “действие незаконченное”

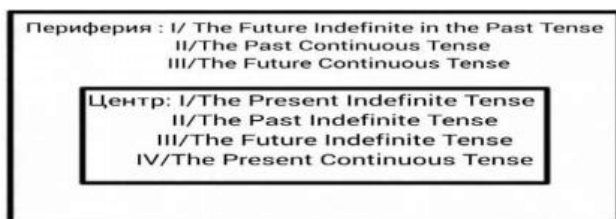
5/“действие предположительное”.

Как можно убедиться из такого контрастивного сравнения, сопоставляемые the Future Continuous Tense и арсар келер чак только несколькими, а именно только мельчайшими семантическими нюансами, отличаются друг от друга, но такие различия не имеют релевантного значения и никак не влияют на общее содержание категориально-семантических структур: англ.: 4/ “действие длительное” – кырг.: 4/ “действие незавершенное”; англ.: 5/: “действие возможное” – кырг.: 5/ “действие предположительное”.

И потому такие различия можно считать нерелевантными, не актуальными и неидентифицирующими языковые структуры, особенно в плане понятийно-смыслового содержания, и их можно не принимать во внимание в сопоставительно-лингвистическом анализе [27, С. 113-114; 89, С. 208-209].

В проанализированных выше в сопоставительном аспекте английском the Future Continuous Tense и кыргызском арсар келер чак не имеется в их содержательных сторонах никакой дифференцирующей граммы, указывающей на соотносённой с моментом речи в его вариантах: в, до или после момента речи и поэтому мы добавляем означенные глагольные времени the Future Continuous Tense и арсар келер чак с позиций функциональной грамматики в обоих языках к периферии ФСП глагольных времён.

ФСП глагольных времён в английском языке

ФСП глагольных времён в кыргызском языке

Периферия : I/Татаал келер чак II/Айкын өткөн чак III/Адат өткөн чак IV/Арсар келер чак
Центр: I/Жөнөкөй учур чак, II/Татаал учур чак, III/Белгисиз өткөн чак, IV/Айкын келер чак

3.2.4. Английское будущее длительное время в прошедшем (The Future Continuous in the Past Tense) и функционально соответствующие ему кыргызские глагольные времена

Английское глагольное время The Future Continuous in the Past Tense имеет нечастотное употребление в современном английском языке. Английское The Future Continuous in the Past Tense имеет специфическое значение: «Основным значением длительного разряда будущего времени является передача действия как процесса, который будет происходить в течение ограниченного времени в будущем... или передаёт действие, которое должно совершаться ранее определённого момента в будущем» [80, С. 104-105; 145, С. 354-355].

Приведём образцы лингвистического материала и анализа английского будущего длительного времени в прошедшем.

The Future Continuous in the Past Tense:

1/ *Miss Jane thought that he would be sleeping when she returned* [Mansfield].

– Мисс Джейн думала, что он будет спать, когда она вернётся (Мисс Жейн өзү келгенде ал уктап жаткан болот деп ойлоду).

2/ *Miss Jane said she would be giving an French lesson at ten o'clock* [Mansfield].

Мисс Джейн сказала, что она будет давать урок французского языка в десять часов (Мисс Жейн саат тогузда француз тили сабагын өтүп жаткан болот деп айтты).

3/ *He knew that at that time the patrols would be searching this area* [Londnerm].

– Он знал, что в это время патрули будут обыскивать этот район (Ал ушул убакта патрулдар шаарды кыдырып жүргөн болот деп билген).

4/ *He said that he would return tomorrow* [Londnerm].

– Он сказал, что вернётся завтра (Ал эртең кайтамын деп айтты).

В содержательной стороне данного глагольного времени, равно в категориально-семантической структуре глагольных форм в английских примерах 1/ – 4/ мы выделяем две общие архиграммы: 1/ “действие” и 2/ “субъект”.

В категориально-семантической структуре английского глагольного времени The Future Continuous in the Past Tense мы выделяем три дифференцирующие граммы: 3/ “действие в будущем”, 4/ “соотнесённое с прошлым” и 5/ “действие возможное”.

Дифференцирующая граммма 3/ “действие в будущем” мотивировано морфологически: Future Continuous in the Past Tense образуется при помощи вспомогательного глагола to be в форме будущего времени, но только вместо shall be и will be, и формы причастия настоящего времени (Present Participle) смыслового глагола. Во всех вышеприведённых английских примерах употреблена конструкция с would be. Поскольку субъекты в них эксплицируют и соотносятся с 3-лицом ед. числа: 1/: *he – would be sleeping*, 2/: *she – would be giving*, 3/: *the patrols – would be searching*, и 4/: *he – would return*.

Дифференцирующая граммма 4/ “соотнесённое с прошлым” мотивировано синтаксически: «Future Continuous in the Past заменяет Future Continuous в придаточных предложениях, когда сказуемое главного предложения выражено глаголом в прошедшем времени» [99, с. 128]. Суть такой мотивированности состоит в том, что главное предложение употребляется в логическом прошлом, в то время как придаточное – в логическом будущем. Это можно наблюдать во всех вышеприведённых примерах:

Логическое прошлое	Логическое будущее
1/: Miss Jane thought _____	that he would be sleeping when he returned;
2/: Miss Jane said _____	she would be giving an French lesson at ten o'clock;
3/: He knew _____	that at that time the patrols would be searching this area;

4/: He said _____ that he would return tomorrow.

При таком употреблении и смешении двух логических планов: логического прошлого в главной части предложения и логического будущего в придаточной части предложения в содержании глагольной формы the Future Continuous in the Past Tense возникает дифференцирующая граммема 4/ “соотнесённое с прошлым”.

И последняя граммема в the Future Continuous in the Past Tense 5/ “действие возможное” мотивировано тем фактом, “что условное наклонение и “будущее в прошедшем” внешне совпадают, а их значения не противоречат друг другу (хотя и не являются тождественными). Поэтому представляется возможным сделать вывод о том, что эти формы не следует разрывать. Можно с полным основанием сказать, что “будущее в прошедшем” не выделяется как особая форма времени, а включается в условное наклонение как частный случай употребления условного наклонения, возможность которого определяется его общим значением” [145, с. 357].

Добавим к этому, что условное наклонение, равно the Future Continuous in the Past Tense, эксплицирует семантический компонент возможного-невозможного, поскольку этот компонент представляет собой одно из оснований данного наклонения.

И поэтому во всех вышеприведённых английских примерах можно видеть данную дифференцирующую граммему 5/ “действие возможное”: 1/ *would be sleeping*, 2/ *would be giving*, 3/ *would be searching*, и 4/ *would return*.

Перейдём теперь к рассмотрению кыргызскоязычного материала, в котором функциональным соответствием для английского Future Continuous in the Past выступает будущее сложное время – татаал келер чак.

Татаал келер чак:

5/ *Нышанбай Жоошбайга айткан, поездге билет алганы жатам деп* [Жоошбаев].

– *Нышанбай сказал Жоошбаю, что собирается купить билеты на поезд* (Nyshanbai told Jooshbai that he was going to buy a ticket for the train).

6/ *Жуманаалы жылмайды Атамбектин келгени жатарын угуп* [Жоошбаев].

– *Жуманаалы усмехнулся, услышав, что собирается приехать Атамбек* (*Jumanaaly grinned when he heard that Atambek was going to come*).

7/ *Жапалдаш бойлуу алдына өтүп карап калды, кимиси сүйлөгөнү турат* [Жоошбаев].

– *Низкорослый прошёл вперёд и стал глядеть, кто же из них собирается говорить* (*The short one walked forward and began to see which of them was going to speak*).

8/ *Асты жагын карады,*

Арт жагынан карады,

Жаа атканы жатышат

жоокерлер деп, ойлоду [Эр Төштүк].

– *Он посмотрел вперёд,*

Посмотрел назад и

подумал, что воины

собираются стрелять из луков (*He looked forward, looked back and thought that the warriors were going to shoot with bows*).

В плане содержания кыргызского глагольного времени татаал келер чак, равно в категориально-семантических структурах всех глагольно-временных форм в примерах 5/ – 8/, можно выделить две общие архиграммы: 1/ “действие” и 2/ “субъект”.

Состав дифференцирующих граммем можно определить как: 3/ “действие в будущем”, 4/ “соотнесённое с прошлым”, 5/ “действие предположительное”.

Дифференцирующая граммема 3/ “действие в будущем” мотивировано морфологически. Как мы уже отмечали, татаал келер чак, образуясь аналитическим способом, употребляет смысловой глагол в деепричастной форме с аффиксами -ганы (-гени, -гону, -гөнү) вместе с одним из четырёх вспомогательных глаголов: *жат, тур, отур, жүр* в форме айкын келер чак [13, с. 101]. Во всех вышеприведённых кыргызских примерах реализуются наданные

конструкции: 1/ алганы жатат, 2/ келгени жатарын, 3/ сүйлөгөнү турат, и 4/ айтканы жатышат.

Дифференцирующая граммема 4/ “соотнесённое с прошлым” мотивировано, так же как и в английском языке, синтаксически – фронтативное соположение главного предложения с логическим планом прошедшего и придаточного с логическим планом будущего вызывают и констатируют содержания означенной граммемы. Например:

Логическое прошлое

Логическое будущее

5/: Нышанбай Жоошбайга айткан _____ поездге билет алганы жатам деп;

6/: Жуманаалы жылмайды _____ Атамбектин келгени жатарын угуп;

7/: Жапалдаш бойлуу алдына

өтүп карап калды _____ кимиси сүйлөгөнү турат;

8/: ... ойлоду _____ жаа атканы жатышат.

И последняя дифференцирующая граммема 5/ “действие предположительное” мотивировано тем, что в таких, синтаксически осложнённых, предложениях «...грамматическое знание будущего ... времени заключается в выражении неуверенности, предположительности действия, которое может произойти в будущем, а может и не произойти» [57, С. 291-292; 175, С. 464-465].

Во всех вышеприведённых кыргызских примерах 5/ – 8/ означенная дифференцирующая граммема 5/ “действие предположительное” содержится не только в категориальной структуре глагольного времени, но в смысле всего предложения – данная граммема, обладая мельчайшим семантическим оттенком модальности, распространяется за пределы глагольно-временной формы и накладывается на смысл всего предложения-высказывания.

Сравним в контрастивном аспекте сопоставляемые глагольно-временные формы.

The Future Continuous in the Past Tense:

Татаал келер чак:

Архиграммемы:

Архиграммемы:

1/ “действие”

1/ “действие”

2/ “субъект”

Дифференцирующие граммемы:

3/ “действие в будущем”

4/ “соотнесённое с прошлым”

5/ “действие возможное”

2/ “субъект”

Дифференцирующие граммемы:

3/ “действие в будущем”

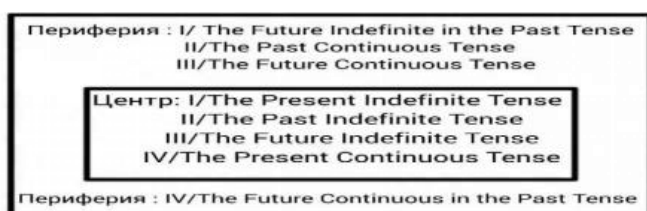
4/ “соотнесённое с прошлым”

5/ “действие предположительное”

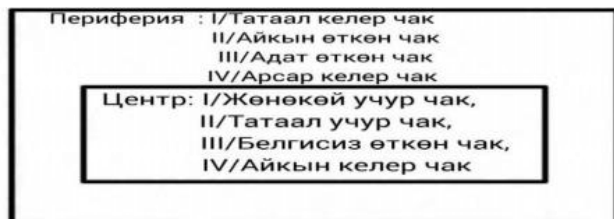
Нам могут указать, что в прошлом разделе нашей работы при сопоставлении the Future Indefinite in the Past и соответствующего ему функционально кыргызского татаал келер чак мы выделили в такой категориально-семантический состав граммем 3 кыргызские времени: архиграммем: 1/ “действие”, 2/ “субъект”; дифференцирующие граммемы: 3/ “действие в будущем”, 4/ “соотнесённое с прошлым/с настоящим”, 5/ “действие непродолжительное/продолжительное”. И приведённый состав граммем татаал келер чак, в качестве соответствия the Future Indefinite in the past, отличается от такового в качестве соответствия The Future Continuous in the Past Tense. Здесь не имеется никакого противоречия. Всё дело в том, что в последнем случае, когда татаал келер чак выступает в качестве функционального соответствия для the Future Continuous Tense, оно большей частью реализуется в осложнённых и сложных предложениях кыргызского языка. Отсюда и различие в граммемных составах.

Поскольку сопоставляемые нами the Future Indefinite in the Past и татаал келер чак не имеют соотнесенности с моментом речи, а указывают будущее время через время прошедшее, то поскольку мы относим их с позиций функциональной грамматики к глагольным временам с относительным значением и к периферии ФСП глагольных времён в английском и кыргызском языках.

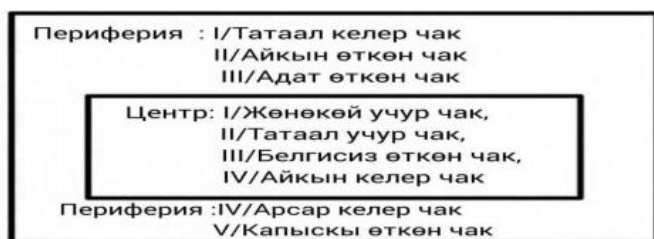
ФСП глагольных времён в английском языке

ФСП глагольных времён в кыргызском языке

P.S. Поскольку мы один раз уже отнесли татаал келер чак к периферии ФСП кыргызских глагольных времён, то поскольку второй раз мы уже этого делать не будем, даже в качестве соответствия для the Future Indefinite in the Past.

P.S. Поскольку кыргызское глагольное время было уже нами ранее, в процессе сопоставительного анализа при сравнении его с Future Indefinite и Future Continuous, причислено к периферии кыргызского ФСП глагольных времён, то поскольку ещё один раз вводить его в данный фрагмент ФСП не имеет никакого смысла.

3.3. Английские глагольные времена группы Perfect и соответствующие им времена в кыргызском языке

Английские глагольно-временные формы группы Perfect (совершенные времена) констатируются четырьмя глагольными временами: Present Perfect (настоящее совершенное время), Past Perfect (прошедшее совершенное время), Future Perfect (будущее совершенное время), Future Perfect in the Past (будущее совершенное время в прошедшем). Времена группы Perfect выражают действие, которое уже было совершено в логическом прошедшем и в логическом будущем времени.

Совершенство грамматического значения позволяет считать времена группы Perfect ретроспективным видом с семантикой результативности, в которых прослеживаются формы связи между различными временами:

настоящим и прошедшим, прошедшим и предпрошедшим, будущим и настоящим, будущим и прошедшим [28, с. 102; 87, С. 60-61].

Разберём каждое из вышеперечисленных английских глагольных времён группы Perfect по-отдельности и выявим для них функциональные соответствия в кыргызском языке.

3.3.1. Английское настоящее совершенное время (The Present Perfect Tense) и функционально соответствующие ему кыргызские глагольные времена

The Present Perfect Tense:

1/ *Mrs. Crowley has been ill for three month* [Craig].

– *Миссис Кровлей больна уже три месяца (Миссис Ковлей үч айдыр оору).*

2/ *“I have lived in London all my life”, said he* [Craig].

– *“Я всю жизнь живу в Лондоне”, – сказал он (Өмүр бою Лондондо жашадым”, – деди ал).*

3/ *“I have read that book twice”, answered Mrs. Crowley* [Craig].

– *“Я прочитал эту книгу дважды”, – отвечала миссис Кровлей (“Бул китепти эки жолу окудум”, – деди миссис Кровлей).*

4/ *I have been living in Moscow for five years* [Немыкина, Рогова].

– *Я живу в Москве пять лет (Мен Москвада беш жылдан бери жашаймын).*

Содержательная сторона английского глагольного времени The Present Perfect Tense включает в себя обязательно две архиграммемы, которые, как мы уже показали ранее, присущи всем без исключения глагольно-временным формам темпоральных систем обоих сопоставительных языков: английского и кыргызского: 1/ “действие” и 2/ “субъект”.

Состав дифференцирующих граммем в категориально-семантической структуре The Present Indefinite Tense мы определяем на примере приведённых английских примеров 1/ – 4/ как нижеследующими: 3/ “действие в настоящем”, 4/ “соотнесённое с моментом речи” и 5/ “действие результативное”.

Дифференцирующая граммема 3/ “действие в настоящем” мотивируется морфологически: «Present Perfect образуется при помощи вспомогательного

глагола to have в форме настоящего времени (have, has) и формы причастия прошедшего времени (Past participle) смыслового глагола: *I have worked, he has worked, we have worked*» [99, с. 128]. В наших примерах все глагольные формы образованы по данной грамматической конструкции: 1/: *has been ill*, 2/: *have lived*, 3/: *have read*, 4/: *have been living*, – и, следовательно, признак 3/ “действие в настоящем” мотивирован морфологически.

Дифференцирующая граммема 4/ “соотнесённое с моментом речи” мотивирована семантикой самого действия, которое было совершено к настоящему времени, но результат которого налицо именно к моменту речи в настоящем времени. «Present Perfect употребляется для выражения действия, законченного к настоящему моменту, но связано с настоящим. Результат действия, которое совершилось ранее, имеется налицо в данный момент» [28, с. 103]. Вне всякого сомнения, данная дифференцирующая граммема 4/ “соотнесённое с моментом речи” проявляется в вышеперечисленных глагольно-временных формах и распространяется на весь смысл английских предложений 1/ – 4/.

Что же касается дифференцирующей граммемы 5/ “действие результативное”, то она мотивирована фактом того, что действие уже совершилось: «При употреблении Present Perfect говорящий обращает внимание собеседника на р е з у л ь т а т, вытекающий из совершённого действия, а не на время его совершения. Наличие результата связывает совершившееся действие, выраженное Present Perfect, с настоящим: *I have broken my pencil*. Я сломал свой карандаш.

Говорящий имеет в виду сообщить о конкретном результате действия *have broken*, а именно, что карандаш сломан. Он мог бы это также выразить предложением: *My pencil is broken* – *Мой карандаш сломан*” [99, с. 129; 80, С. 106-107; 28, с. 103].

Можно добавить к вышеприведённой цитате, что английское предложение *I have broken my pencil* может быть переведено в русском языке как: “Я имею

сломанный карандаш”, и тогда граммема результативности эклицируется отчётливо.

Во всех вышеприведённых английских примерах наличие данной дифференцирующей граммемы 5/ “действие результативное” не вызывает сомнения: 1/: has been ill, 2/: have lived, 3/: have read ,и 4/: have been living.

Лингвистическое сопоставление показывает, что в кыргызском языке английской глагольно-временной форме the Present Perfect Tense функционально соответствуют две глагольные формы настоящего времени: настоящее простое время (жөнөкөй учур чак) и настоящее сложное время (татаал учур чак). Приведём образцы лингвистического анализа названных кыргызских глагольных времён.

Жөнөкөй учур чак:

5/ *Медер башын ылдый салып отургучта отурат* [Усубалиев].

– *Медер сидит на стуле, понуриив голову (Meder sits on a chair with his head bowed).*

6/ *Аласасы бар киши чыдай албайт* [Усубалиев].

– *Займодавец обычно не выдерживает такое (The lender usually cannot stand this).*

Татаал учур чак:

7/ *Демейде шамдагай жана өткүр сүйлөгөн бий катуу ойлонуп жатат* [Иманалиев].

– *Обычно расторопный, резкий в суждениях бий находится в глубоких размышлениях (Usually quick and sharp in his judgments, the biy is in deep thought).*

8/ *Жигит айылдан чыгып, атты шашпай бастырып, тоо жака бара жатат* [Иманалиев].

– *Джигит выехал из села, не спеша погоняя лошадь, и направляется в сторону гор (The man left the village, slowly riding his horse, and headed towards the mountains).*

В содержательной стороне кыргызских глагольно-временных форм жөнөкөй учур чак и татаал учур чак можно выделить на материале

вышеприведённых кыргызских примеров 5/ – 8/ две общие архиграммемы: 1/ “действие” и 2/ “субъект”.

Дифференцирующая сема 3/ “действие в настоящем”, являясь общей для жөнөкөй учур чак и татаал учур чак, мотивируется в обоих случаях грамматики. Категориально-семантический признак действия в настоящем у жөнөкөй учур чак, как функционального соответствия английского the Present Perfect Tense, мотивируется двояко: А/ с одной стороны, «простое настоящее время образуется так же как и жөнөкөй келер чак (простое будущее время), т.е. при помощи аффиксов -ай + личные аффиксы» [13, с. 102]; Б/ с другой стороны, для «... образования жөнөкөй учур чак употребляется имя действия (с аффиксами -оо, -өө, -уу, -үү) в форме местного падежа» [13, с. 103].

Однако в нашем случае более адекватным соответствием для английского the Present Perfect Tense и более предпочтительным является чисто формальный способ, как это можно видеть в примерах 5/ отурат, и 6/ чыдай албай.

Категориально-семантический признак действия в настоящем у татаал учур чак мотивируется грамматически, когда сложная форма настоящего времени образуется при помощи одного из четырёх вспомогательных глаголов: *жат, тур, отур, жүр*. Данные глаголы стоят в спрягаемой форме настоящего простого времени и следуют после смыслового глагола, который употребляется в деепричастной форме с аффиксом -п (после гласной основы), и -ып, -ип, -уп, -үп (после согласной основы) [392].

В кыргызских примерах: 7/: *ойлонуп жатат*, и 8/: *бара жатат* – употреблены означенные грамматические конструкции.

В обоих кыргызских глагольно-временных формах: жөнөкөй учур чак и татаал учур чак – наличествует дифференцирующая граммема 4/ “соотнесённое с моментом речи”. «В настоящем времени глагол обозначает действие или состояние, относящееся к моменту речи» [57, с. 273; 33, с. 229].

Во всех кыргызскоязычных примерах с жөнөкөй учур чак 5/ *отурат*, и 6/ *чыдай албай* и татаал учур чак 7/ *ойлонуп жатат*, и 8/ *бара жатат*

эксплицируется данная дифференцирующая граммема 4/ “соотнесённое с моментом речи”.

Как мы показываем в нашем категориально-семантическом анализе, кыргызские глагольно-временные формы жөнөкөй учур чак и татаал учур чак различаются не грамматической мотивированностью семантики, но и одной дифференцирующей граммемой: 5/ “действие непродолжительное” у жөнөкөй учур чак и 5/ “действие продолжительное” у татаал учур чак. Для объяснения данного факта приведём нижеследующее пространное разъяснение: «Соотнесенность действия с моментом речи понимается как определённый процесс, тянущийся во времени, причём он может предшествовать речи, продолжаться во время её течения и завершаться (или не завершаться вообще) за её пределами. Иными словами, формы настоящего времени обозначают как кратковременное сиюминутное действие, так и действие длительное, постоянное, непрекращающееся, у которого с моментом речи совпадает лишь какая-то часть его протяжённости: *Ал курулушта иштеп жатат. 'Он работает на строительстве' (и сейчас, и раньше, и потом будет работать, причем в данный момент может и не работать). Университеттин биринчи курсунда окуп жатат. 'Учится на первом курсе университета' (в течение всего года учился и будет учиться)» [57, с. 273].*

Дифференцирующая граммема 5/ “действие продолжительное”, присущее татаал учур чак, мотивируется семантикой вспомогательных глаголов: *жат, тур, отур, жур*; например, в предложениях 7/ *ойлонуп жатат*, и 8/ *бара жатат*. Дифференцирующая же граммема 5/ “действие непродолжительное”, напротив, характерна для глагольной формы жөнөкөй учур чак; как например, в наших примерах 5/ *отурат*, и 6/ *чыдай албай*.

Сравним в контрастивном плане категориально-семантические составы сопоставляемых глагольных времён английского и кыргызского языков. Можно видеть, что одной английской граммеме 5/ “действие результативное” соответствуют две кыргызские: 5/ “действие непродолжительное” в жөнөкөй учур чак и 5/ “действие предположительное” в татаал учур чак.

The Present Perfect Tense:

Архиграммемы:

1/ “действие”

2/ “субъект”

Дифференцирующие граммемы:

3/ “действие в настоящем”

4/ “соотнесённое с моментом речи”

5/ “действие результативное”

Жөнөкөй учур чак:

Архиграммемы:

1/ “действие”

2/ “субъект”

Дифференцирующие граммемы:

3/ “действие в настоящем”

4/ “соотнесённое с моментом речи”

5/ “действие непродолжительное”

Татаал учур чак:

Архиграммемы:

1/ “действие”

2/ “субъект”

Дифференцирующие граммемы:

3/ “действие в настоящем”

4/ “соотнесённое с моментом речи”

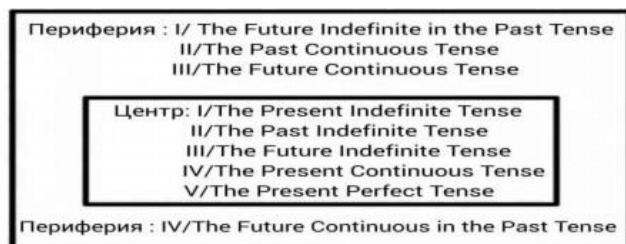
5/ “действие продолжительное”

Наличие во всех трёх глагольно-временных формах английского и кыргызского языков, в их категориально-семантических составах дифференцирующей граммемы 4/ “соотнесённое с моментом речи” позволяет отнести их к глагольным временам с абсолютным значением. Здесь во всех трёх глагольно-временных формах: the Present Perfect Tense, жөнөкөй учур чак и татаал учур чак – мы имеем такую реализацию глагольной семантики, которая ориентирована на момент речи, и, следовательно, значение глагольного времени может считаться абсолютным «Исходным моментом, нулём» при грамматическом обозначении времени является момент данной речи, который есть не что иное, как определённый момент объективного времени» [145, с. 330; 71, с. 176; 120, С. 8-9].

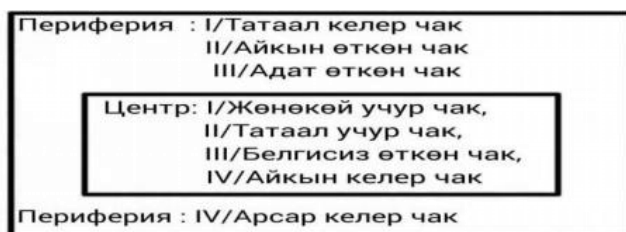
А поскольку глагольная форма с абсолютным временем выражает темпоральную категорию однозначно, специализировано и адекватно, то

поскольку с позиции функциональной грамматики все три вышеуказанных глагольных времени с абсолютным значением должны быть отнесены к центру ФСП глагольных времён в английском и кыргызском языках. Мы добавляем в нашу схему только английское глагольное время, поскольку оба кыргызских: жөнөкөй учур чак и татаал учур чак уже были распределены нами ранее в ФСП кыргызских глагольных времён.

ФСП глагольных времён в английском языке

ФСП глагольных времён в кыргызском языке

3.3.2. Английское прошедшее совершенное время (The Past Perfect Tense) и функционально соответствующие ему кыргызские глагольные времена

Английское глагольное время Past Perfect употребляется для обозначения прошедшего действия, которое имело место до некоторого временного ориентира в прошлом. Для более достаточного пояснения структуры, семантики и употребления данной глагольной формы приведём некоторые примеры из англоязычного материала.

The Past Perfect Tense:

1/ *He bought a new watch yesterday as he had lost his old one* [Forster].

– Он вчера купил новые часы, так как потерял свои старые (Ал кечээ жаңы саат сатып алды, анткени ал саатын жоготуп алган эле).

2/ *By the end of the year Douglas Smith had learnt to speak French* [Mansfield].

– К концу года Дуглас Смит уже научился говорить по-французски (Жылдын аягында Дуглас Смит французча сүйлөгөндү үйрөнүп калган эле).

3/ *We looked through the catalogues which they had sent us.*

– Мы просмотрели каталоги, которые они нам прислали (Алар бизге жиберген каталогдорду карап чыктык).

4/ *Douglas Smith received a letter from his brother yesterday. He had not heard from him for a long time* [Mansfield].

– Дуглас Смит получил письмо от брата. Он долгое время не получал от него известий (Дуглас Смит кечээ инисинен кат алды. Ал көптөн бери андан кабар ала элек болчу).

Наличие в категориально-семантическом составе the Past Perfect Tense, равно в категориально-семантических структурах английских глагольно-временных форм в примерах 1/ – 4/, двух наиболее общих архиграммем 1/ “действие”, и 2/ “субъект” является, как мы полагаем, уже доказанным фактом.

Мы выделяем в категориально-семантическом составе английского the Past Perfect Tense, базируясь на соответствующем англоязычном фактическом материале, три дифференцирующие граммемы: 3/ “действие в прошлом”, 4/ “соотнесённое с прошедшим” и 5/ “действие завершённое”.

Дифференцирующая граммема 3/ “действие в прошлом” мотивировано морфологически: «Past Perfect образуется с помощью вспомогательного глагола to have в форме Past Indefinite (had для всех лиц) и причастия II смыслового глагола» [28, с. 106]. Во всех вышеприведённых глагольных временах употреблена означенная грамматическая конструкция: 1/ *had lost*, 2/ *had learnt*, 2/ *had sent*, и 4/ *had not heard*.

Дифференцирующая граммема 4/ “соотнесённое с прошедшим” также имеет морфологическую мотивированность, но только отчасти; большей частью данная граммема мотивирована ситуативно общим смыслом сообщения, заложенного в предложение. «Past Perfect представляет собой “прошедшее время”, поскольку она выражает прошедшее действие по отношению к моменту, также являющемуся прошедшим» [99, с. 134]. Данная граммема содержится не

только в категориально-семантической структуре глагольно-временной формы, но и реализуется в смысле всего предложения, как, например, это можно наблюдать в приведённых выше англоязычных примерах 1/ – /4.

Дифференцирующая граммема 5/ “действие завершённое” мотивировано семантикой законченности процесса, которая является основной у перфектных единиц. В этой связи небезынтересно нижеследующее суждение о семантике английского Past Perfect: «Глагол, передающий точку отсчёта, стоит в форме претерита основного разряда ... видовое и временное значения – завершённость и предшествование – настолько переплетены в перфекте прошедшего времени, что трудно определить, которое из них преобладает; значение завершённости – функция предельных глаголов» [87, С. 63-64].

Означенная граммема 5/ “действие завершённое” содержится, как и предыдущая дифференцирующая граммема 4/ “соотнесённое с прошедшим” не только в структуре и значении собственного глагольного времени, но и во всём предложении, как это можно наблюдать в англоязычных примерах 1/ – 4/.

Как показывает сопоставительно-лингвистический анализ the Past Perfect Tense, кыргызской глагольно-временной системе соответствуют функционально две глагольные формы из логического плана прошедшего: А/ прошедшее неожиданное время (капыскы өткөн чак) и Б/ прошедшее определённое время (айкын өткөн чак). Приведём образцы примеров и лингвистического анализа кыргызскоязычного материала.

Капыскы өткөн чак:

5/ *Кычан мектептен эрте келиптир* [Повесттер жана аңгемелер].

– *Кычан пришёл из школы рано (Kuchan came home from school early).*

6/ *Чотур шашып кетти: “Андай окуя болботтур!”* [Повесттер жана аңгемелер].

Чотур онешил: “Такого случая не было!” (Chotur was taken aback: “There never was such a case”)!

Айкын өткөн чак:

7/ “Кычан конькисин чечпестен, меш жактагы дубалдын боорундагы текчеге портфелин коюп, эки-үч жолу курсунуп кур жөтөлдү” [Повесттер жана аңгемелер].

– Не снимая коньков, Кычан кладёт портфель на полку у печки, вздыхает и два-три раза громко кашляет (*Without taking off his skates, Kychan puts the briefcase on the shelf by the stove, sighs and coughs loudly two or three times*).

8/ *Ошентип, күткөндөр келди* [Куттуу Билим].

– *Итак, ожидаемое пришло* (*So expected things happen*).

В категориально-семантических составах обоих кыргызских глагольных времён, равно в категориально-семантических структурах кыргызкоязычных примеров 5/ – 8/, можно выделить две наиболее общие архиграммы: 1/ “действие” и 2/ “субъект”.

В содержательных составах обоих кыргызских глагольных времён: *капыскы өткөн чак* и *айкын өткөн чак* – мы выделяем общую для них дифференцирующую грамму 3/ “действие в прошлом”. Но только морфологическая мотивированность у одной и той же дифференцирующей граммы в двух глагольных временах кыргызского плана прошедшего различная.

Данная граммема 3/ “действие в прошлом” мотивировано в прошедшем неожиданном времени так: «Капыскы өткөн чак образуется от основы глагола при помощи аффикса: -ып, -ыптыр (или -ыпыр)” [13, с. 109]. В наших примерах мы имеем *капыскы өткөн чак* в предложении 5/ *келиптир* и 6/ *болбоптур*.

Данная же граммема 3/ “действие в прошлом” мотивируется в прошедшем определённом времени по-другому: «Эта форма образуется от основы глагола присоединением к ней аффикса -ды (-ди, -ду, -дү), если основа оканчивается на гласную или звонкую согласную, и -ты (-ти, -ту, -тү), если основа оканчивается на глухую согласную, затем следует личный аффикс» [33, с. 230]. Такую мотивированность можно наблюдать в кыргызских примерах 7/ *жөтөлдү*, и 8/ *келди*.

Обе означенные кыргызские глагольно-временные формы отличаются друг от друга, в нашем толковании, только одной дифференцирующей граммемой – у капыскы өткөн чак это 4/ “действие однократное” (ведь неожиданное происходит не только внезапно, но и один раз), а у айкын өткөн чак – это 4/ “действие завершённое”, поскольку «...айкын өткөн чак используется для выражения действия уже совершенного или совершавшегося в прошлом... и в удостоверенности которого нет никаких сомнений» [33, с. 230]. Наличие данной дифференцирующей граммемы в наших примерах 7/ *жөтөлдү*, и 8/ *келди* не вызывает никакого сомнения.

Сравним в контрастивном аспекте категориально-семантические структуры английского the Past Perfect Tense и соответствующих ему функционально кыргызских капыскы өткөн чак и айкын өткөн чак.

The Pastt Perfect Tense:	Капыскы өткөн чак:
Архиграммемы:	Архиграммемы:
1/“действие”	1/ “действие”
2/ “субъект”	2/ “субъект”
Дифференцирующие граммемы:	Дифференцирующие граммемы:
3/ “действие в прошлом”	3/ “действие в прошлом”
4/ “соотнесённое с предпрошедшим ”	4/ “действие однократное”
5/ “действие завершённое”	
	Айкын өткөн чак:
	Архиграммемы:
	1/ “действие”
	2/ “субъект”
	Дифференцирующие граммемы:
	3/ “действие в прошлом”
	4/ “действие завершённое”

Как можно видеть при сопоставлении категориально-семантических структур исходного английского the Past Perfect Tense и сравниваемых кыргызских капыскы өткөн чак и айкын өткөн чак, их содержательные стороны

в основном совпадает, за исключением двух моментов. Во-первых, в английской категориально-семантической структуре у Past Perfect наличествует дифференцирующая граммема 4/ “соотнесённое с предпрошедшим”, которая отсутствует в содержании кыргызских капыскы өткөн чак и айкын өткөн чак. Но в семантике кыргызских глагольных времён данный категориально-семантический признак наличествует имплицитно и слился с дифференцирующей граммемой 3/ “действие в прошлом”.

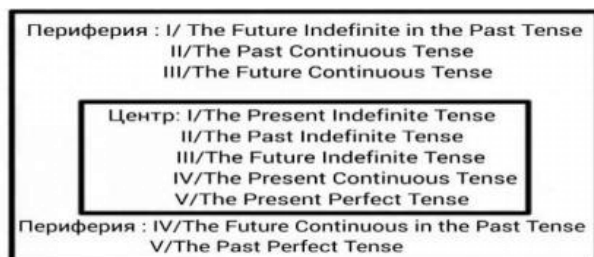
Во-вторых, при полном совпадении дифференцирующих граммем “действие завершённое” в содержании Past Perfect и айкын өткөн чак мы имеем несколько отличную граммему в содержании капыскы өткөн чак 4/ “действие однократное”. Кыргызское прошедшее неожиданное время предполагает наличие однократного категориально-семантического признака, который начинается и сразу же заканчивается [64, с. 409]. Таким образом, категориально-семантический признак завершённости действия наличествует здесь имплицитно в составе вышеозначенной граммемы 4/ “действие однократное”.

Также в связи с айкын өткөн чак отметим, что её категориально-семантическая структура при экспликации дифференцирующей граммемы 4/ “действие завершённое” может проявлять вариативный характер – ранее в разделе нашей работы II.3.2. при выявлении кыргызских функциональных соответствий для английского the Past Continuous Tense мы выделили у кыргызского айкын өткөн чак в его содержании дифференцирующую граммему 4/ “действие незавершённое”. Следовательно, данная дифференцирующая граммема может толковаться как вариативная единица 4/ “действие завершённое / незавершённое”.

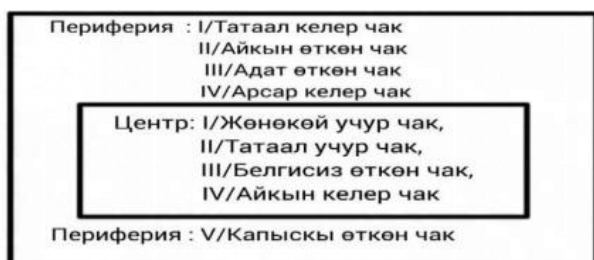
Как показывает наше сопоставительное изучение категориально-семантических составов Past Perfect и капыскы өткөн чак и айкын өткөн чак, они не показывают в своих содержаниях никакой соотнесенности с моментом речи, а даже более того, Past Perfect сдвигает отсчёт времени даже в логический план предпрошедшего. И следовательно, с позиций функциональной грамматики все

вышеназванные глагольные времена должны быть отнесены к периферии ФСП глагольных времён в изучаемых английском и кыргызском языках.

ФСП глагольных времён в английском языке

ФСП глагольных времён в кыргызском языке

P.S. Поскольку ранее при сопоставлении английского Past Continuous кыргызского айкын өткөн чак мы уже отнесли последние к периферии ФСП кыргызских глагольных времён, постольку на этот раз мы не будем его больше добавлять в наше ФСП.

3.3.3. Английское будущее совершенное время (The Future Perfect Tense) и функционально соответствующие ему кыргызские глагольные времена

Основное значение английского the Future Perfect Tense заключается в выражении будущего действия, которое совершится до определённого времени ориентира в будущем [122, с. 501; 99, с. 140].

Проведём образцы лингвистического анализа языкового материала на употребление английского the Future Perfect Tense.

The Future Perfect Tense:

1/ *Mr. Mc Cauley will have finished his work by Monday* [Thurber].

– *Мистер Мак Кевли закончит свою работу к понедельнику* (Мырза Мак Кевли өз ишин дүйшөмбүгө чейин бүтүрөт).

2/ *Ben Mc Cauley thought, "By the end of the fortnight we shall have spent all our money. Bu by that time, perhaps, I shall have found another job"* [Thurber].

– Бен Мак Кевли думал: “Через две недели мы потратим все наши деньги. Но, может быть, к этому времени я найду другую работу” (Бен Мак Кевли мындай деп ойлоду: «Эки жумадан кийин биздин акчабыз калбайт. Бирок, балким, ушул убакка чейин башка жумуш таап алган болом»).

3/ *The train will have left by the time we get to the station* [Craig].

– Поезд уже уйдёт к тому времени, как мы приедем на вокзал (Биз станцияга жеткенче поезд кетип калат).

4/ *We shall have painted the fence by six o'clock in the evening morning* [Castle].

– К 6 часам вечера завтра мы закончим окраску забора, и он будет иметь другой вид (Кечки саат алтыга чейин тосмону сырдап бүтөбүз).

Сразу оговорим, что в категориально-семантических составах английского the Future Perfect Tense и, соответственно, англоязычных примеров 1/ – 4/ мы выделяем две архиграммемы: 1/ “действие” и 2/ “субъект”.

В содержательной стороне Future Perfect, равно в англоязычных примерах 1/-4/ также можно выделить три дифференцирующих граммемы: 3/ “действие в будущем”, 4/ “действие, ограниченное во времени” и 5/ “действие завершённое”.

Дифференцирующая граммема 3/ “действие в будущем” мотивируется морфологически: «Future Perfect образуется при помощи вспомогательного глагола to have в форме будущего времени (shall have, will have) и формы причастия прошедшего времени (Past Participle) смыслового глагола: I shall have worked, he will have worked, we shall have worked» [99, с. 140].

Означенная грамматическая конструкция, мотивирующая семантический компонент действия в будущем, употреблена во всех вышеприведённых английских предложениях: 1/: *will have finished*, 2/: *shall have spent; shall have found*, 3/: *will have left*, и 4/: *shall have painted*.

Дифференцирующая граммема 4/ “действие, ограниченное во времени” в категориально-семантических составах всех вышеприведённых английских примеров 1/ – 4/ мотивирована тем фактом, что здесь эксплицируется

внеязыковой ситуативный признак «... выражения будущего действия, которое совершится к данному моменту в будущем» [28, с. 109; 30, С. 180-181].

Отметим, что данная дифференцирующая граммема 4/ “действие, ограниченное во времени” наличествует не только в вышеназванных глагольно-временных формах в английских примерах 1/ – 4/, но и распространяется на весь семантический состав и на всю грамматическую структуру предложения, в которых они задействованы.

Последняя дифференцирующая граммема 5/ “действие завершённое” мотивировано тем, что ситуативно означенные глагольно-временные формы употребляются «... для выражения будущего действия, которые совершатся ранее другого будущего действия» [28, с. 109]. И в самом деле, во всех вышеприведённых английских примерах установлен некий временной предел действия 1/ *will have finished – by Monday*, 2/: *shall have spent – by the end of the tonight; shall have found - by that time*, 3/: *will hve left – by the time*, 4/: *shall have painted – by six o'clock*.

В кыргызском языке, как показывает наше сопоставительное рассмотрение, в качестве функционального соответствия для английского the Future Perfect Tense выступает будущее сложное время, татаал келер чак. Приведём, однако, конкретные кыргызскоязычные примеры.

Татаал келер чак:

5/ “Биз эртеңкиге чейин ал ишти бүтүргөнү турабыз”, - деди Шабдан [Касым-бек].

– “Мы намереваемся завершить эту работу да завтра”, - сказал Шабдан (*We will have finished the work tomorrow,* said Shabdan).

6/ “Силер көргүлүктү көргөнү турасыңар”, - деп Шабдан жылмайып койду [Касым-бек].

– “Вы хотите получить неприятности”, - умехнулся Шабдан (“*You don't want to get in trouble*”, - Shabdan tried).

7/ “Сен уттурганы турасың”, - деди түз карап Арзымат [Касым-бек].

– “Ты хочешь проиграть”, - с уверенным взглядом сказал Арзымат (“*You may have lost,*” - said Arzymat, looking directly at him)

8/ *Ал ойлорду кагаздын бетине түшүргөнү жатам* [Токомбаев].

– *Эти мысли я намереваюсь изложить на бумаге* (*I'm going to put those thoughts down on paper*).

Сразу отметим наличие в категориально-семантических составах кыргызского татаал келер чак равно в таковых кыргызскоязычных примерах 5/ – 8/, общих для всех временных форм кыргызского, а также английского языка, архиграммем: 1/ “действие ” и 2/ “субъект”.

Две дифференцирующие семы, присущие кыргызскому татаал келер чак, определяются нами как: 3/ “действие в будущем” и 4/ “действие непродолжительное”.

Граммема 3/ “действие в будущем” мотивируется в кыргызском языке, также как и в английском, морфологически: смысловой глагол употребляется в деепричастной форме с аффиксами -ганы (-гени, -гону,-гөнү), -каны (-кени, -кону, -көнү) совместно с одним из четырёх вспомогательных глаголов: жат, тур, отур, жүр; при этом последние употребляются в форме будущего определённого времени (айкын келер чак) [13, с. 101]. Во всех вышеприведённых кыргызских примерах употреблена такая грамматическая конструкция: 5/: *бүтүргөнү турабыз* 6/: *көргөнү турасыңар*, 7/: *уттурганы турасың*, и 8/: *түшүргөнү жатам*.

Дифференцирующая граммема 4/ “действие непродолжительное” мотивируется тем, что ситуативная семантика татаал келер чак обозначает действие, начальный этап которого может наблюдаться в момент речи, а конец действия предвидится в скором будущем. Этому способствует также тот факт, что «вспомогательные глаголы теряют своё лексическое значение и выражают только грамматические (время, лицо, число) значения» [33, с. 229; 15, с. 325].

Именно такое проявление семантики глагольных времён мы наблюдаем в вышеприведённых кыргызских предложениях 5/ – 8/. Во всех примерах вспомогательные глаголы утратили лексическое значение и являются

только показателями грамматических признаков лица, числа, времени, и даже отчасти залога, эксплицируя семантические нюансы понудительного залога (аркылуу мамиле): 5/ *бүтүргөнү турабыз*; 6/ *көргөнү турасыңар*; 7/ *уттурганы турасың*, и 8/ *түшүргөнү жатам*.

Сравним в контрастивном плане категориально-семантические составы английского будущего совершенного времени и кыргызского будущего сложного времени. Отметим сразу преобладание в английском языковом материале одной дифференцирующей граммемы 4/ “действие ограниченное во времени”, являются специфической в английской глагольно-временной системе, например, в сравнении с таковой кыргызской.

The Future Perfect Tense:

Архиграммемы:

1/ “действие”

2/ “субъект”

Дифференцирующие граммемы:

3/ “действие в будущем”

4/ “действие,ограниченное во времени”

5/“действие завершённое”

Татаал келер чак:

Архиграммемы:

1/ “действие”

2/ “субъект”

Дифференцирующие граммемы:

3/ “действие в будущем”

4/ “действие

непродолжительное”

Отметим также, что функциональное соответствие английского the Future Perfect Tense и кыргызского татаал келер чак обуславливается дифференцирующими граммемами 3/ “действие в будущем”, общей для английского и кыргызского глагольного времени, и английской граммемой 5/ “действие завершённое” и кыргызской 4/ “действие непродолжительное”.

В кыргызском категориально-семантическом составе татаал келер чак данный признак непродолжительности действия воспринимается с оттенком его завершённости, на что указывает наличествующая в его составе деепричастная форма глагола [177, С. 90-91; 15, с. 325].

Также заметим, что кыргызская дифференцирующая граммема 4/ “действие непродолжительное” представляется нами как вариативная, поскольку

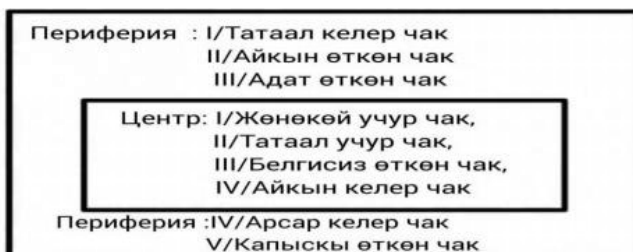
ранее, в случае его идентифицирующим как функционального соответствия для английского the Future Indefinite-in-the Past Tense, мы выделили в его содержании дифференцирующую граммему “действие непродолжительное / продолжительное”, а в случае его идентификации как функционального соответствия для английского the Future Continuous in the Past Tense мы выделили в его содержании дифференцирующую граммему “действие предположительное”.

В обоих категориально-содержательных составах не имеется категориально-семантических признаков, непосредственно соотносящихся с моментом речи ни в каком его проявлении: “до момента речи, в момент речи, после момента речи”, и поэтому оба проанализированных в данном разделе глагольных времени – the Future Perfect Tense и татаал келер чак – конечно же, могут быть отнесены к глагольным временам с относительным значением, а с позиции функциональной грамматики – причислены к периферии ФСП глагольных времён в английском и кыргызском языках.

ФСП глагольных времён в английском языке

ФСП глагольных времён в кыргызском языке

P.S. Поскольку кыргызское глагольное время было уже нами ранее, в процессе сопоставительного анализа при сравнении его с Future Indefinite и Future Continuous, причислено к периферии кыргызского ФСП глагольных

времен, постольку ещё один раз вводить его в данный фрагмент ФСП не имеет никакого смысла.

3.3.4. Английское будущее совершенное время в прошедшем (The Future Perfect in the Past Tense) и функционально соответствующие ему кыргызские глагольные времена

Английское глагольное время the Future Perfect in the Past Tense имеет своеобразный характер, оно заменяет Future Perfect в придаточных предложениях, когда сказуемое главного предложения выражено глаголом в прошедшем времени согласно правилу последовательности английских времён [99, с. 155]. Однако приведём конкретные примеры из англоязычного фактического материала на употребление Future Perfect in the Past.

The Future Perfect in the Past Tense:

1/ *Ben thought that by the end of the tonight that they would have spent all their money* [Thurber].

– *Бен думал, что до завтрашнего утра они истратят свои деньги (Бен эртеңкиге чейин акчасынын баарын сарпташат деп ойлоду).*

2/ *Miss Pamela said that she should have copied the text by five o'clock* [Castle].

– *Мисс Памела сказала, что она уже переписает текст к пяти часам (Мисс Памела текстти саат бешке чейин көчүрүп бүтүш керек деди).*

3/ *She said that she that she would have taken his examinations by the first of July* [Castle].

– *Она сказала, что она сдает экзамены уже к первому июлю (Ал 1-июлга чейин экзамендерин тапшырып бүтө турганын айтты).*

4/ *I said that I should have written the letter by 7 o'clock* [Fitzgerald].

– *Я сказал, что я уже напишу письмо к пяти часам (Мен катты саат 7ге чейин жазып бүтүш керек дедим).*

Сразу отметим факт наличия в категориально-семантических составах Future Perfect, равно во всех вышеприведённых англоязычных примерах 1/– 4/

двух больших архиграммем 1/ “действие” и 2/ “субъект”, свойственных всем без исключения английским и кыргызским глагольным временам.

В категориально-семантической структуре английского Future Perfect in the Past можно выделить три дифференцирующие граммемы: 3/ “действие в будущем”, 4/ “соотнесённое с прошлым” и 5/ “действие завершённое”. Только одна дифференцирующая граммема отличает рассматриваемое нами в данном разделе Future Perfect in the Past от другого английского времени Future Perfect, рассмотренного нами в предыдущем разделе работы. В Future Perfect in the Past – граммема 4/ “соотнесённое с прошлым”, в то время как в Future Perfect – это 4/ “действие, ограниченное во времени”. Это обусловлено тем, что «Future Perfect in the Past употребляется по тем же правилам, что и Future Perfect в придаточных дополнительных предложениях, подчинённых главному глаголу, который стоит в одном из прошедших времён» [28, с. 110]; и в этом случае, «если глагол-сказуемое главного предложения стоит в прошедшем времени, Future Perfect in the Past употребляется для выражения действия, которое является будущим и по отношению к моменту речи» [99, с. 155].

Во всех вышеприведённых англоязычных предложениях можно, таким образом, выделить дифференцирующие семы, свойственные английскому глагольному времени the Future Perfect in the Past: 3/ “действие в будущем”, 4/ “соотнесённое с прошлым” и 5/ “действие завершённое” – 1/: would have spent, 2/: should have copied, 3/: would have taken и 5/: should have written.

Лингвистическое сопоставление показывает, что английскому Future Perfect in the Past в кыргызской глагольно-временной системе функционально соответствует глагольное время логического плана будущего татаал келер чак. Приведём некоторые кыргызскоязычные примеры.

Татаал келер чак :

5/ Мен айткам Талипке, биз кеткени жатабыз деп [Кушубеков].

– Я сказал Талипу, что мы собираемся уезжать (I told Talip that we were going to leave).

6/ Бийик Пётр самолёт менен учканы жатат деп, биз угуп калдык [Кушубеков].

– *Мы прослышали, что святой Пётр собирается лететь на самолёте (We heard that St. Peter is going to fly by plane).*

7/ *Мен ойлонуп калдым, алар Нарботону торго түшүргөнү турабы деп* [Кушубеков].

– *Я задумался, уж не собираются ли они заманить Нарбото в свои сети (I wondered if they were going to trap Narboto).*

8/ *“Мен түшүнүп жүрөм, сен куураганы турасың”, – деди Жолоочу* [Жоошбаев].

– *“Я знаю, ты хочешь пропасть”, - сказал Жолоочу (“I understand, you are going to lose everything,” said Joloochu).*

Кроме отличительных и общих для всех глагольно-временных форм английского и кыргызского языков архиграммем 1/ “действие” и 2/ “субъекта”, мы выделяем в категориально-семантическом составе кыргызского татаал келер чак дифференцирующие граммемы: 3/ “действие в будущем”, 4/ “соотнесённое с прошлым” и 5/ “действие продолжительное”. Данный категориально-семантический состав кыргызского татаал келер чак отличается от такового татаал келер чак как функционального соответствия английского Future Perfect двумя дифференцирующими граммемами: во-первых, граммемой 4/ “соотнесённое с прошлым”, которой нет у татаал келер чак как у функционального соответствия Future Perfect, а, во-вторых, дифференцирующей граммемой 5/ “действие предположительное” (против “действия непродолжительного”).

Во всех вышеприведённых кыргызских примерах наличествуют данные дифференцирующие граммемы в содержательных структурах глагольных времён: 5/: *кеткени жатабыз*, 6/: *учканы жатат*, 7/: *түшүргөнү турабы*, и 8/: *куураганы турасың*.

Контрастивное сравнение категориально-семантических составов сопоставляемых в данном разделе глагольных времён даёт такую картину:

The Future Perfect in the Past Tense:

Татаал келер чак:

Архиграммемы:

Архиграммемы:

1/ “действие”

1/ “действие”

2/ “субъект”

Дифференцирующие граммы:

3/ “действие в будущем”

4/ “соотнесённое с прошлым”

5/ “действие завершённое”

2/ “субъект”

Дифференцирующие граммы:

3/ “действие в будущем”

4/ “соотнесённое с прошлым”

5/ “действие предположительное”

Выявляется, что время татаал келер чак, имеющее вариативный состав дифференцирующих граммем, реализует в данном разделе нашей работы, в качестве функционального соответствия Future Perfect in the Past, такой же вариативный набор граммем, как и в случае его соответствия английскому Future Continuous in the Past. В то время как содержательные составы Future Perfect и Future Continuous не совпадают: первый эксплицирует действия совершенные, а второй – действия длительные.

Вариативный характер кыргызского татаал келер чак, как функционального соответствия английского Future Perfect in the Past, обусловлен тем, что в этом случае кыргызские глагольно-временные формы употребляются в сложноподчинённых предложениях.

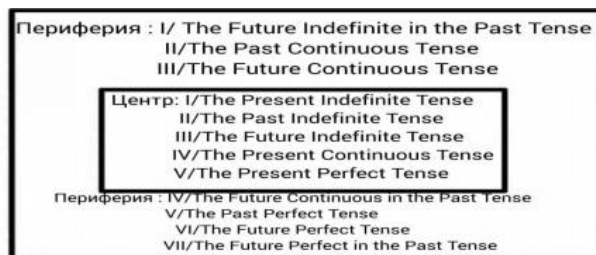
Среди категориальных грамматических граммем в содержательных составах Future Perfect in the Past и его функционального соответствия татаал келер чак мы не наблюдаем никакого категориально-семантического признака, указывающего на соотнесенность с временным центром, моментом речи. Напротив, мы имеем в обоих глагольных временах – английском и кыргызском – дифференцирующую грамму, отодвигающую момент речи в неопределённое прошлое 4/ “соотнесённое с прошлым”.

И поэтому мы определяли сопоставляемые нами глагольно-временные формы: Future Perfect in the Past и татаал келер чак – как единицы с относительными значениями. А таковые, т.е. единицы с относительными значениями, уже являются принадлежностью периферии ФСП глагольных времён в обоих сравниваемых языках, поскольку они не выражают время однозначно, не показывают прямого соотнесения с временным моментом речи и не проявляют частотой регулярности; например, в английском языке Future

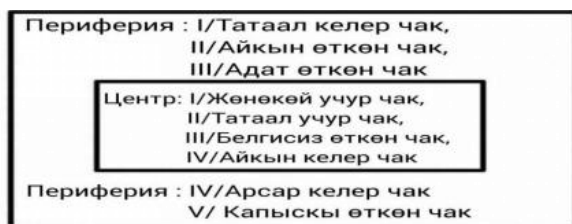
Perfect in the Past редко употребляется в простом распространённом предложении, а большей частью в сложном предложении [80, с. 105].

Поскольку кыргызское глагольное время татаал келер чак уже было отнесено нами ранее к периферии ФСП глагольных времён в кыргызском языке, поскольку мы добавим к периферии ФСП глагольных времён в английском языке the Future Perfect in the Past Tense.

ФСП глагольных времён в английском языке

ФСП глагольных времён в кыргызском языке

Выводы по главе 3

3.1.1. Сопоставительное исследование фактического материала английского настоящего неопределённого времени (The Present Indefinite Tense) и соответствующих ему функционально кыргызских простого настоящего времени (жөнөкөй учур чак) и сложного настоящего времени (татаал учур чак) показано, что все три данных глагольно-временных грамматических форм обладают категориально-семантическим признаком соотнесенности с моментом речи в значении логического плана настоящего “теперь, сейчас, в” и, следовательно с позиций функциональной грамматики являются принадлежностью центра ФСП глагольных времён в обоих сопоставляемых языках: английском и кыргызском. Именно категориальный признак соотнесенности с моментом речи, в значении “в момент речи”, обуславливает абсолютный характер временного значения трёх вышеназванных грамматических форм: глагольно-временные формы с абсолютным временем

всегда принадлежат центру ФСП глагольных времён, поскольку в обоих языках они манифестируют грамматическую категорию времени однозначно, чётко и специфично.

3.1.2. Сопоставительное исследование английского прошедшего неопределённого времени (The Past Indefinite Tense) и соответствующего ему функционально кыргызского неопределённого (недатированного) времени показывают, что они обладают сходными категориально-семантическими структурами, конституируемыми одними и теми же архи- и дифференцирующими граммемами. Наиболее значимой представляется в содержательных составах обоих глагольных времён дифференцирующая граммема “до момента речи”, которая соотносит напрямую момент речи, правда, в его уточнении “до”, с содержанием высказывания и значением глагольно-временной формы как в английском, так и в кыргызском языках. Именно данная граммема способствует тому, что в обоих сравниваемых языках обе означенные глагольно-временные формы плана прошедшего с позиций функциональной грамматики могут быть причислены к центру ФСП глагольных времён.

3.1.3. Сопоставительное изучение фактического материала английского будущего неопределённого времени (The Future Indefinite Tense) и соответствующих ему функционально кыргызских глагольных времён будущего определённого времени (айкын келер чак) показывает, что в процессе речи, в контексте категориально-семантические их составы сближаются содержательно, не смотря на неопределённый характер английского the Future Indefinite Tense и определённый кыргызского айкин келер чак. В категориально-семантических составах одна дифференцирующая граммема “после момента речи” эксплицирует абсолютный характер глагольно-временных форм. И в соответствии с наличием у данных глагольно-временных форм английского the Future Indefinite Tense и кыргызского айкин келер чак категориально-семантического признака, показывающего соотносительность глагольных форм с моментом речи “после”, мы относим означенные глагольные времена к центральной части одноимённого ФСП.

3.1.4. Сопоставительный анализ английского будущего неопределенного времени в прошедшем (The Future Indefinite in the Past) и соответствующего ему функционально кыргызского сложного будущего времени (татаал келер чак) показывает их схожесть в подавляющем большинстве моментов, кроме одного: если английское будущее соотносится только с прошедшим, то кыргызское татаал келер чак может соотноситься как с прошедшим (прошлым), так и с настоящим. Однако оба сопоставляемых глагольных времени эксплицируют одну сходную сущность – они оба проявляют в своей семантике только относительную функцию, поскольку выражают будущее время через его проекцию на логический план другого времени: the Future Indefinite in the Past, а также прошлого и настоящего у татаал келер чак. И потому, вследствие отсутствия означенных глагольных форм функции абсолютного времени и наличия у них относительных временных отношений, они оба причислены нами с позиций функциональной грамматики к периферии ФСП глагольных времён в обоих языках.

3.2.1. Сопоставительное изучение английского настоящего длительного времени (The Present Continuous Tense) и соответствующего ему функционально кыргызского настоящего сложного времени (татаал учур чак) показано, что их категориально-семантические составы в основном совпадают, кроме одной дифференцирующей граммы, которая выражает более продолжительное действие в кыргызском, нежели чем в английском. Оба сопоставляемых времени выражают соотнесенность глагольного действия с моментом речи в плане реализации логического настоящего и, следовательно, являются глагольными временами с абсолютным значением и потому принадлежат с позиций функциональной грамматики к центральной части ФСП глагольных времён в обоих сравниваемых языках.

3.2.2. Сопоставительный анализ английского прошедшего длительного времени (The Past Continuous Tense) и соответствующих ему функционально прошедшего определённого времени (айкын өткөн чак) и прошедшего длительного времени (адат өткөн чак) показывает, что их категориально-

семантические составы в основном совпадают, за исключением двух дифференцирующих граммем в английском глагольном времени. В английском the Past Continuous Tense среди дифференцирующих категориально-семантических граммем выделяются и актуализируются два таких понятийных признака: “незавершённость действия” и “длительность действия”. Данные признаки имеют в кыргызском языке вариативные соответствия. Первая дифференцирующая граммема в качестве понятийного признака “действие незавершённое” реализуется в глагольной форме айкын өткөн чак, а “длительность действия” – в адат өткөн чак. \

Поскольку все три сравниваемые глагольные формы, английская the Past Continuous Tense и две кыргызские: айкын өткөн чак и адат өткөн чак – не показывают соотносённости с моментом речи и эксплицируют относительное время, то они отнесены нами с позиций функциональной грамматики к периферии ФСП глагольных времён.

3.2.3. Сопоставительное изучение английского будущего длительного времени (The Future Continuous Tense) и соответствующего ему функционально кыргызского будущего сомнительного (неопределённого) времени (арсар келер чак) показано, что они оба обладают сходными категориально-семантическими составами. Хотя они и эксплицируют некоторые незначительные семантические различия в двух дифференцирующих граммемах, но таковые не позволяют отрицать их функциональное сходство друг с другом. Также оба сравниваемых глагольных времени – the Future Continuous Tense и арсар келер чак – не эксплицирует в своём плане содержания никакой соотносённости с моментом речи, и потому они отнесены нами с позиций функциональной грамматики к периферии ФСП глагольных времён в обоих языках.

3.2.4. Сопоставительный анализ английского будущего длительного времени в прошедшем (The Future Continuous in the Past Tense) и соответствующего ему функционально кыргызского будущего сложного времени (татаал келер чак) показывает, что они оба обладают приблизительно сходной категориально-семантической структурой, различаясь семантическим

признаком в одной дифференцирующей граммеме. Также сходство в обоих глагольных временах проявляется и на уровне синтаксиса – оба данных глагольных времени реализуются только на уровне осложнённого или сложного предложения. В обоих случаях будущее логическое время сравнивается с прошедшим логическим временем, т.е. момент речи смещается в прошлое и более того затушёвывается. И потому в обоих случаях мы относим английское the Future Continuous in the Past Tense и кыргызское татаал келер чак, в качестве его функционально-синтаксического соответствия, к периферии ФСП глагольных времён.

3.3.1. Сопоставительное изучение английского настоящего совершенного времени (The Present Perfect Tense) и соответствующих ему функционально двух кыргызских глагольных времён логического плана настоящего: настоящего простого времени (жөнөкөй учур чак) и настоящего сложного времени (татаал учур чак) – показывает, что последние в несколько иных ракурсах соотносятся с первым. Такое соотношение проявляется в том, что дифференцирующая граммема 5/ “действие непродолжительное” у жөнөкөй учур чак и дифференцирующая граммема 5/ “действие продолжительное” у татаал учур чак функционально соответствуют в речи, в контексте, дифференцирующей граммеме 5/ “действие результативное” у the Present Perfect Tense. Дифференцирующая же граммема 4/ “соотнесённое с моментом речи”, общая для всех сопоставляемых глагольно-временных форм, позволяет считать их глагольными временами с абсолютным значением, а следовательно, позволяет тоже причислить их к центру ФСП глагольных времён в английском и кыргызском языках.

3.3.2. Сопоставительное изучение английского прошедшего совершенного времени (The Past Perfect Tense) и соответствующих ему функционально кыргызских глагольных времён прошедшего определённого (айкын өткөн чак) и прошедшего неожиданного (капыскы өткөн чак) показывает, что их планы содержания в основном совпадают, если не учитывать английской дифференцирующей граммеы 4/ “соотнесённое с предпрошедшим”, которая

позволяет отнести все английские глагольные времена с позиций функциональной грамматики к периферии ФСП английских глагольных времён. Данный категориально-семантический признак наличествует в содержательной стороне соответствующих кыргызских глагольных времён имплицитно, и этот факт также позволяет отнести кыргызские капыскы өткөн чак и айкын өткөн чак к периферии кыргызского ФСП глагольных времён.

3.3.3. Сопоставительное изучение английского будущего совершенного времени (The Future Perfect Tense) и соответствующего ему функционально кыргызского будущего сложного времени (татаал келер чак) показано, что их содержательные стороны в основном совпадают, за исключением наличия в исходном английском Future Perfect одной лишней дифференцирующей граммы, отображающей ограниченность действия во времени. Но наличие такой лишней граммы в исходном Future Perfect нивелируется приблизительной соотнесенностью в обоих сравниваемых языках подобных дифференцирующих граммем в английском глагольном времени 5/ “действие завершённое” против кыргызского 4/ “действие непродолжительное”. Оба сопоставляемых глагольных времени – Future Perfect и татаал келер чак – относятся к периферии ФСП глагольных времён, поскольку они не эксплицируют никакой соотнесенности с моментом речи и проявляют относительное значение.

3.3.4. Сопоставительное изучение английского будущего совершенного времени (The Future Perfect in the Past Tense) и соответствующего ему функционально кыргызского будущего сложного времени (татаал келер чак) показывает, что они обладают примерно сходными категориально-семантическими составами. Они отличаются только одной дифференцирующей граммемой: “действие завершённое” в Future Perfect in the Past против “действие предположительное” в татаал келер чак. Но данное различие затушёвывается совпадением дифференцирующей граммы “соотнесённое с прошлым” в содержании обоих глагольных времён. Данная граммема «соотнесённое с прошлым» не только придаёт обоим сравниваемым глагольным временам

относительное значение, но и относит их с позиций функциональной грамматики к периферии глагольных времён в обоих сопоставляемых языках.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, как показано в нашем сопоставительном исследовании английских и кыргызских глагольных времён плодотворность такого изыскания обусловлена как фактором актуальности изучаемой темы, так и фактором необходимости такого изучения. Можно полагать, что наше исследование достигло своей цели – изучена категория времени глагола в английском и кыргызском языках, также нами были последовательно разрешены все поставленные в работе задачи.

Во-первых, в научно-теоретическом аспекте были изучены в сопоставительном языкознании многие грамматические проблемы, касающиеся вопросов сравнения глагольных систем с позиции функциональной грамматики. В работе была использована вербоцентрическая теория приложения, предусматривающая превалирующую роль глагола-сказуемого в структуре предложения-высказывания. Разработанная известными французскими лингвистами Б. Потье и Л. Теньером и поддержанная российскими учёными Б.А. Абрамовым, В.Г. Гак и М.Д. Степановой, данная вербоцентрическая теория выдвигает в синтаксической структуре предложения во главу угла глагольную форму в позиции предиката, и при образовании глагольно-временных форм сущность глагола играет доминирующую роль при выражении действия субъекта, взятого в логическом плане прошедшего, настоящего и будущего.

Во-вторых, в научно-теоретическом аспекте были изучены проблемы функциональной грамматики, касающиеся сущности и лингвистической природы глагольной категории. Было определено, что глагольные времена могут быть проанализированы в аспекте функциональной грамматики, основы теории которой были разработаны в совершенном языкознании такими учёными как А.В. Бондарко, М.Я. Слюсаревой, М.Н. Лазариди, М.К. Иссаевым и др. При распределении глагольно-временных форм по ФСП глагольных времён был избран критерий соотнесённости глагольного действия с моментом речи (абсолютное время, абсолютное значение).

В-третьих, в функционально-сопоставительном аспекте были изучены английские и кыргызские глагольные времена плана прошедшего. В центре ФСП английских и кыргызских глагольных времён были зачислены только по одной английской и кыргызской глагольно-временной форме Past Indefinite и белгисиз өткөн чак, которые обладают абсолютным значением соотнесённости с моментом речи. К периферии английского ФСП глагольных времён было отнесено три английских временных форм: Past Continuous, Past Perfect и Past Perfect Continuous – которые показывают относительное временное значение. В кыргызском языке к периферии ФСП глагольных времён мы причислили также три глагольно-временные формы: айкын өткөн чак, адат өткөн чак и капыскы өткөн чак.

В-четвёртых, в функционально-сопоставительном аспекте были изучены английские и кыргызские глагольные времена плана настоящего. В центр ФСП английских глагольных времён были отнесены четыре глагольно-временные формы: Present Indefinite, Present Continuous, Present Perfect и Present Perfect Continuous; в то время как в кыргызском языке в центр ФСП глагольных времён были отнесены только две соответствующие глагольно-временные формы: жөнөкөй учур чак и татаал учур чак. Все означенные глагольно-временные формы проявляют абсолютное значение, поскольку указывают в своих действиях на момент речи говорящего.

В-пятых, в функционально-сопоставительном аспекте были изучены английские и кыргызские глагольные времена плана будущего. К центру ФСП глагольных времён обоих языках нами были отнесены две глагольно-временные формы с абсолютным значением: Future Indefinite и айкын келер чак. В то же самое время в английском языке семь глагольно-временных форм имеют относительное значение: Future Indefinite in the Past, Future Continuous, Future Continuous in the Past, Future Perfect, Future Perfect in the Past, Future Perfect Continuous, Future Perfect Continuous in the Past – они отнесены нами к периферии английского ФСП глагольных времён. В кыргызском же языке к периферии ФСП

глагольных времён относятся только две глагольно-временные формы плана будущего с относительным значением: татаал келер чак и арсар келер чак.

В-шестых, были выработаны некоторые лингвометодические рекомендации для эффективного преподавания английских глагольно-временных форм в кыргызскоязычной аудитории. При обучении английских глагольных времён, в первую очередь, необходимо обратить внимание кыргызскоязычных школьников и студентов на семантику данных времён, которые классифицируются в зависимости от значений как времена неопределённые Indefinite, времена длительные Continuous, времена совершенные Perfect и времена совершенные и длительные Perfect Continuous. Такая классификация английских времён, включающая в каждую группу по три логических временных плана: прошедшего, настоящего и будущего –, не совпадает с классификацией кыргызских глагольных времён, в последнем случае действует только логический план подразделения по трём логическим планам. Теоретико-лингвометодические изыскания, а также личный многолетний опыт преподавания автора английского языка в кыргызской аудитории показывает, что в этом случае надо исходить из кыргызской классификации глагольно-временных форм – английские глагольные времена более лучше изучаются и постигаются с такой опорой на родной язык обучаемых.

Сходства глагольно-временных форм английского и кыргызского языков проявляются, в основном, в реализации их семантики, при этом наибольшую функциональную соотнесенность и адекватность показывают шесть английских и четыре кыргызских глагольно-временных форм, относящихся к центру ФСП глагольных времён. Логические времена плана настоящего, английские Present Indefinite, Present Continuous, Present Perfect и Present Perfect Continuous и кыргызские жөнөкөй учур чак и татаал учур чак, обладают абсолютным значением и соотносят глагольные действия с моментом речи в настоящем.

Логические времена плана прошедшего, английское Past Indefinite и кыргызское белгисиз өткөн чак, соотносят глагольные действия с моментом речи в прошлом. А логические времена плана будущего, английское Future Indefinite

и кыргызское айкын келер чак, соотносят глагольные действия с моментом речи в будущем. Таким образом, все вышеобозначенные английские и кыргызские глагольные времена, относящихся к центру ФСП глагольных времён эксплицируют функциональное сходство между собой при выражении временных отношений.

Различие между английскими и кыргызскими глагольными временами заключается в тех глагольно-временных формах, которые относятся к периферии ФСП глагольных времён. Можно наблюдать, английские глагольно-временные формы расположены в более отдалённых точках периферии ФСП глагольных времён, нежели чем их кыргызские соответствия. Это обусловлено аналитическим типом английского языка, когда в одном и том же осложнённом или сложном предложении глагольное действие соотносится с моментом речи через указание на другое глагольное действие, последнее при этом стоит совсем в другом глагольном времени. То есть в этом случае соотнесение с моментом речи оказывается не непосредственным, а опосредованным, а значение всего глагольного действия оказывается относительным. Особенно наглядно такое опосредованное относительное значение глагольно-временных форм проявляется в таких глагольных временах как: Future Indefinite in the Past, Future Continuous in the Past, Future Perfect in the Past и Future Perfect Continuous in the Past.

Кыргызские же глагольные времена, расположенные на периферии ФСП глагольных времён, находятся более ближе к центру, нежели их английские соответствия, поскольку они проявляют относительные значения более имплицитно и без указания на другие глагольные действия, стоящие в других глагольно-временных формах.

Все три теоретических положения, вынесенных на публичную защиту нашли своё подтверждение.

Во-первых, была акцентирована лингвистическая сущность глагола, равна глагольному действию, релевантного для выражения дискретности глагольно-

временных форм в аналитическом английском и агглютинативном кыргызском языках.

Во-вторых, было выявлено, что общие объёмы плана содержания ФСП глагольных времён, несмотря на выражение его в английской глагольно-временной системе 16 глагольными формами, а в кыргызской – 9 глагольными формами.

В-третьих, планы выражения английских и кыргызских глагольных форм никак не влияют на содержательную сторону ФСП глагольных времён в обоих языках, английском и кыргызском, поскольку дискретность глагольного действия как бы нивелирует содержание глагольно-временных форм в обоих языках.

В-четвертых, все выявленные соответствий и несоответствий общих и отличительных признаков форм глагольного времени в двух сопоставляемых языках позволит рационально организовать процесс обучения категории времени английского глагола в кыргызской аудитории.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдувалиев, И. Кыргыз тилинин морфологиясы: «Кыргыз тили жана адабияты» адистиги боюнча жогоркуу окуу жайлардин студенттери учун окуу китеби – [Текст] / И. Абдувалиев – Бишкек, 2008 – 284 б.
2. Абдувалиев, И. Азыркы кыргыз тили: морфология. Жогорку окуу жыйлардын филол. фак. студенттери үчүн окуу китеп [Текст] / И. Абдувалиев, Т. Садыков. – Бишкек: «Айбек» фирмасы, 1997 – 296 б.
3. Абрамов, Б.А. Теоретическая грамматика немецкого языка. Сопоставительная типология немецкого и русского языков Учеб. для студ. вузов [Текст] / Б.А. Абрамов – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001 – 288 с.
4. Абрамов, Б.А. Функционально-семантический подход при сопоставительно-типологическом изучении грамматических категорий глагола [Текст] / Б.А. Абрамов // Сопоставительная лингвистика и обучение неродному языку / Отв. ред. В. Н. Ярцева. - М.: Наука,– 1987.– С. 113-122.
5. Абрамов, Б.А. Теоретическая грамматика немецкого языка. Сопоставительная типология немецкого и русского языков: [Учебник для вузов][Текст] / Б.А. Абрамов [Под общ. ред. Н.Н. Семенюк] – М. : Владос, 2001. – 286 с.
6. Авдеевич, Н.В. Когнитивно-дискурсивные особенности многозначных фразовых глаголов в современном английском языке: на материале фразовых глаголов действия с частицами on / off: [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Н.В. Авдеевич. – Москва, 2007. – 27 с.
7. Адмони, В.Г. Регенерация морфологических форм в германских языках [Текст] / В.Г. Адмони // Историко-типологические исследования морфологического строя германских языков / Отв. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Наука. – 1972. – С.158-171.
8. Адмони, В.Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики[Текст] / В.Г. Адмони. – Ленинград: Наука, 1988. – 238 с.
9. Азизов, О.А. Сопоставительная грамматика русского и узбекского языков. Морфология [Текст] / О.А. Азизов – Ташкент, 1983.

10. Азыркы кыргыз адабий тили: фонетика, лексикология, лексикография, фразеология, морфология, синтаксис, стилистика, текст таануу, лингвопоэтика [Текст] / [Б.О. Орузбаева, ж.б.] – Бишкек: Аврася, 2009. – 928 с.
11. Азыркы кыргыз тили: фонетика, лексико-логия, морфология, синтаксис[Текст] / [К. Токтоналиев, Ж. Мамытов, И. Абдувалиев, Г. Жаманкулова] . – Бишкек: [б.и.], 2015. – 518 с.
12. Акетина, О.С. Антропоцентризм восприятия пространственно-временных отношений [Текст] / О.С. Акетина // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение, 2013.– № 4 (128).– С.10-14.
13. Акматов, Т.К. Киргизский язык. Учебн. для русск. групп вузов Кирг. ССР. [Текст] / Т.К. Акматов, С. А. Давлетов, Ш. Ж. Жапаров, О. В. Захарова. – Фрунзе: Мектеп, 1975.–302 с.
14. Alatis, J. Contrastive linguistics and its Pedagogical Implications [Текст] / J. Alatis // Monograph Series of Languages and Linguistics. – Washington: Georgetown University Press, 1968. – vol. 21. – P. 16-26.
15. Андерхилл, Р. Причастия в турецком языке [Текст] / Р.Андерхилл // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIX. Проблемы современной тюркологии. – М.: Прогресс,– 1987. – №19. – С. 324–339.
16. Аракин, В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков [Текст]: учебное пособие для студентов пед. институтов по специальности «Иностранные языки» / В. Д. Аракин – 2-е изд.– Москва: Просвещение, 1989. – 254 с.
17. Арсеньева, М.Г. Введение в германскую филологию. Учебник для 1-2 курсов филологических факультетов [Текст] / М.Г. Арсеньева, С.П. Балашова. – Москва: Высшая школа, 1980.–319 с.
18. Ахманова, О.С. Современные синтаксические теории [Текст] / О.С. Ахманова, Г.Б. Микаэлян. – 3-е изд. – Москва : Либроком, 2008.– 168 с.

19. Киргизский язык [Текст]: учеб. для русс. групп вузов Киргизской Республики / [Т.К. Ахматов, С.А. Давлетов, Ш.Ж. Жапаров, О.В. Захарова]. – Ф.: Мектеп, 1975.– 302 с.
20. Ахметова, С.Г. Некоторые вопросы преподавания грамматики английского языка[Текст] / С.Г. Ахметова. – Алматы : Мектеп, 1977. – 184 с.
21. Байгонысова, К. О. Когнитивно-функциональные особенности категории будущего времени в современном английском языке (на материале англоязычной прессы) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.22/ К.О. Байгонысова. – Алматы, 2010. – 20 с.
22. Баракова, М.Я. Учебник английского языка для технических вузов (горно-геологического профиля) [Текст]: учеб. для неяз. вузов / М.Я. Баракова. – Москва : Высш. школа, 1977. – 272 с.
23. Бархударов, Л.С. Очерки по морфологии современного английского языка [Текст] / Л.С. Бархударов – М.: Высшая школа, 1975.– 156 с.
24. Баскаков, Н.А. Историко-типологическая фонология тюркских языков.[Текст] / Н.А. Баскаков – М:[б.и.]. – 1988.
25. Баскаков, Н.А. Тюркские языки [Текст] / Н.А. Баскаков. – 4-е изд. – Москва : Либроком, 2010.– 248 с.
26. Баскаков, Н.А. Сопоставительная грамматика русского и казахского языков [Текст] / Н.А. Баскаков. – Алматы : Гылым, 1966.– 458 с.
27. Бекбалаев, А.А. Вопросы истории и теории синтаксической номинации (на материале немецкого и кыргызского языков) [Текст] / А.А. Бекбалаев. –Бишкек : Илим, 1991. – 162 с.
28. Беляева, М.А. Грамматика английского языка [Текст]: учеб. пос. / М.А. Беляева. – Москва : Высш. школа, 1977. – 333 с.
29. Бенвенист, Э. Общая лингвистика [Текст] / Э. Бенвенист. - М.: Едиториал УРСС, 2002. – Изд. 2-е,– 448 с.
30. Березин, Ф.М. История лингвистических учений [Текст]: учеб. пос. для филол. спец. ун-тов и пед. ин-тов./ Ф.М. Березин. –Москва: Высш. школа, 1975. – 304 с.

31. Березин, Ф.М. Общее языкознание [Текст]: учеб. пос. для студ. пед. ин-тов по специальности/ Ф.М. Березин, Б.Н. Головин.– Москва: Просвещение, 1979. – 416 с.
32. Бим, И.Л. Подход к проблеме упражнений с позиции иерархии целей и задач [Текст] / И.Л. Бим // Общая методика обучения иностранным языкам: Хрестоматия. – М.: Русский язык. – 1991.
33. Биялиев, К.А. Кыргызский язык: Учеб. пос [Текст] / К. А. Биялиев. – Бишкек: Раритет–инфо, 2003. – 128 с.
34. Блох, М.Я. Теоретические основы грамматики [Текст] / М. Я. Блох. – М. : Высшая школа, 1986. – 160 с.
35. Блох, М.Я. Всеобщее и особенное при сопоставительном изучении языков [Текст] / М.Я. Блох // Сопоставительная лингвистика и обучение не родному языку / Отв. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Наука, 1987. – С. 73-83.
36. Бондарко, А.В. Анализ глагольных категорий в системе функциональной грамматики [Текст] / А.В. Бондарко // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований – 2015. – № 9. – С. 25-40.
37. Бондарко, А.В. Функциональная грамматика [Текст] / А.В. Бондарко // Лингвистический энциклопедический словарь. – 1990. – С. 565–566.
38. Бондарко, А.В. Основы функциональной грамматики: языковая интерпретация и идеи времени [Текст] / А.В. Бондарко // С. -Петерб. Гос. Ун-т. СПб. : Изд-во С. -Петерб. Ун-та.– 1999. – 257 с.
39. Бондарко, А.В. Грамматическая категория и контекст [Текст] / А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1971. – С. 115.
40. Бондарко, А.В. Грамматическое значение и смысл [Текст] / А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1978. – С. 176.
41. Бондарко, А.В. Семантические категории в аспекте сопоставительных исследований [Текст] / А.В. Бондарко // Сопоставительная лингвистика и обучение неродному языку.– М.: Наука, 1987. – С. 26-36.
42. Бондарко, А.В. Функциональный анализ категорий грамматики: предмет и метод [Текст] / А.В. Бондарко // Проблемы функциональной грамматики.

Категории морфологии и синтаксиса в высказывании. – СПб.: Наука, 2000. – С. 9-35.

43. Обучение иностранному языку как специальности (для ин-тов и фак. иностр. яз.) [Текст]: учеб. пособие / [М.К. Бородулина, А.Л. Карлин, А.С. Лурье, Н.М. Минина].– М.: Высшая школа, 1982. – 264 с.

44. Буранов, Дж. Сравнительная типология английского и тюркских языков [Текст] / Дж. Буранов. – М.: Высш. шк., 1983. – 268 с.

45. Венцкович, Р. М. История языкознания [Текст] : Пособие для студ.-заочн. / Венцкович, Р. М., Шайкевич, А. Я. — М. : Б.и., 1974. – 113 с.

46. Виноградов, В.А. Интерференция [Текст] /В. А. Виноградов // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.

47. Гак, В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков [Text] / В.Г. Гак.– Ленинград: Просвещение, 1976. – 286 с.

48. Гак, В.Г. Теоретическая грамматика французского языка [Text] / В.Г. Гак. – М., 1981.

49. Гак, В.Г. О контрастивной лингвистике [Text] / В.Г. Гак //Новое в зарубежной лингвистике. Контрастивная лингвистика. – 1989. – №25.

50. Гатиатуллина, З.З. Сравнительная типология родного (татарского) и английского языков : Курс лекций [Text] / З.З. Гатиатуллина. – Казань : КГПИ, 1979. – 109 с.

51. Методика обучения иностранным языкам в средней школе: [Text] / [Н. И. Гез, М.В. Ляховицкий, А. А.Миролубов и др]. – М.: Высш. школа, 1982. – 373 с.

52. Гинзбург, Р.С. Глагольные словосочетания в современном английском языке [Текст] / Р. С. Гинзбург. – М.: Просвещение, 1975. – 302 с.

53. Лингвистика текста и обучению ознакомительному чтению: [Text] / М.Д. Городникова, Н.И. Супрун, Э.Б. Фитони и др.: пос. для учит. – М.: Просвещение, 1987. – 160 с.

54. Горохова, И.М. Пособие по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков [Text] / И. М.Горохова, Н. А. Фелиппова. – М.: Высшая школа, 1985. – 191 с.
55. Гордон, Е.М., Крылова, И.П. Грамматика современного английского языка [Text] / Е.М. Гордон, И.П. Крылова: учебник для ин-тов и фак. иностр.яз. – 12.-изд. – М.: КДУ, 2006. – 448 с.
56. Грамматика киргизского литературного языка. Ч. 1. Фонетика и морфология [Text] /Мамлекеттик тил – Государственный язык: Ч. 1: первый уровень. – Б., 2005. – 308 с.
57. Грамматика киргизского литературного языка. Ч.1, Фонетика и морфология [Text] / Отв. ред. О.В. Захарова. – Фрунзе: Илим, 1987.– 399 с.
58. Гринберг, Дж. Антропологическая лингвистика. Вводный курс ; пер. с англ. [Text] / Дж. Гринберг. – Москва : Едиториал УРСС, 2004. – 224 – с. 44.
59. Гринберг, Дж. Квантитативный подход к морфологической типологии языков [Text] / Дж. Гринберг // Новое в лингвистике. – Москва : Прогресс, 1963. – №3. – С. 60–94.
60. Гринев-Гриневиц, С.В. К вопросу о методах лингвистических исследований [Text] / С.В. Гринев-Гриневиц, Э.А. Сорокина // Вопросы современной лингвистики. – Москва, 2010. – №3. – С. 23–31.
61. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию [Текст]: пер. с нем. / В. фон Гумбольдт. – 2-ое. – М.: Прогресс, 2000. – 397 с.
62. Гумбольдт, В. Язык и философия культуры [Текст] / В. Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1985. – 452 с.
63. Гулыга, Е.В. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке [Текст] / Е.В. Гулыга, Е.И. Шендельс. – М.: Просвещение, 1969. – 184 с.
64. Кыргыз тилинин грамматикасы. 1-бөлүм [Text] / [С. Давлетов, Ж. Мукамбаев, С.К. Турусбеков]: педагогикалык окуу жайлары үчүн. – Фрунзе: [б-сыз], 1982.

65. Джалилова, А.Б. Сопоставительный анализ основных грамматических классов и категорий в рутульском и английском языках [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / А.Б. Джалилова. – 2017. – 185 с.
66. Джапаров, А.Д. Главные члены предложения в современном киргизском языке [Text] / А.Д. Джапаров. – Фрунзе: Мектеп, 1964. – 272 с.
67. Джапиева А.М. Семантико-синтаксический анализ английского герундия и способов его передачи на кыргызский язык: [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / А.М. Джапиева – Алматы, 2001. – 28 с.
68. Джаркинбаева, Н.Б. Функционально-семантическое поле локативности в английском и кыргызском языках [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Н.Б. Джаркинбаева. – Бишкек, 2011. – 25 с.
69. Джоламанова, Е.И. Теория семантического поля: традиции и новации [Текст]/ Е.И. Жоламанова//AUSA Academic Review. 2009 - С.149-154.
70. Деде, М. Построение относительной конструкции в турецком языке, или есть ли необходимость в различении подлежащих и неподлежащих определяемых имён (перс – англ.) [Текст]/ М. Деде // Проблемы современной тюркологии. – М.:Прогресс, 1987. – Вып. 9. – С. 358-381.
71. Дербишева, З.К. Теоретические основы сопоставительной грамматики русского и кыргызского языков [Текст]: дис. ... д-ра филол. наук / З.К. Дербишева. – Бишкек, – 2000. – 214 с.
72. Джумалиева, Г.К. Функционально-семантическое поле интеррогативности в английском и кыргызском языках [Text] / Г.К. Джумалиева. – Бишкек: [б-сыз], 2011.– 183 с.
73. Дудина, Л.Н. Турецкий язык [Text] / Л.Н. Дудина: учебное пособие. – Баку: [б-сыз], 1993. – 390 с
74. Дыйканов, К. Кыргыз тилинин көрсөтмө куралдары [Текст] / К. Дыйканов. – Алматы: [б-сыз], 1990.– 399 б.
75. Жакыпов, Ы. Тилдердин проблемалуу маселелеринен иргелген колдонмолуу жыйнак[Текст] окуу куралы / Ы. Жакыпов. – Бишкек: Кесип, 1993. – 92 б.

76. Жапаров, А. Сопоставительная грамматика кыргызского и русского языков. учеб. для вузов [Текст] / А. Жапаров. – Бишкек: б.у.и., 2007. – 408 с.
77. Жапаров, А. Синтаксический строй кыргызского языка [Текст]: Ч.1. / А. Жапаров. – Бишкек: Мектеп – 1992.
78. Жапаров, А. Синтаксический строй кыргызского языка [Текст]: Ч.2. Б. / А. Жапаров. – Бишкек: Мектеп, 1992.
79. Jespersen, O. Growth and Structure of the English Language, [Текст] / O. Jespersen. – Chicago: University of Chicago Press, 1982.
80. Жигалдо, В.Н. Современный английский язык. Теоретический курс грамматики: учебник [Текст] / В.Н. Жигалдо, И.П. Иванова, Л.Л. Иофик – М.: Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1956. – 350 с.
81. Жолдошбек уулу А. Немис жана кыргыз тилдеринин салыштырма типологиясы [Текст] / А. Жолдошбек уулу. – Бишкек: Чуй университети, 1996.– 430 б.
82. Замалетдинов, Р.Р. Сопоставительная грамматика русского и татарского языков. Морфология [Текст] / Р.Р. Замалетдинов, М.Р. Саттарова, С.С. Сафонова, О.А. Чупрякова, З.Ф. Юсупова. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017. – 180 с.
83. Зеленецкий, А.Л. Сравнительная типология немецкого и русского языков [Текст] учебное пос. / А.Л. Зеленецкий, П.Ф. Монахов. – М.: Просвещение, 1983. – 240 с.
84. Зулпукаров, К.З. Введение в китайско-киргизское сравнительное языкознание [Текст] / К.З. Зулпукаров. – Ош, 2016. – 747 с.
85. Зулпукаров, К.З. Лингвистический антропоцентризм: проблемы, поиски и решения [Текст] / [К.З. Зулпукаров, Е.Н. Мурадымова, Р.К. Ормокеева, Г.Ж. Болотакунова, С.М. Амиралиев]. – Бишкек, 2019. – 743 с.
86. Зиявудинова, А.А. Видо-временные формы глаголов в разносистемных языках : на материале аварского, русского и английского языков : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / Зиявудинова Аминат Абдулаевна; [Место защиты: Дагестан. гос. пед. ун-т].- Махачкала, 2011.- 160 с.

87. Теоретическая грамматика современного английского языка [Текст]: учебник / И.П. Иванова, В.В. Бурлакова, Г.Г. Почепцов. – М.: Высш. школа, 1981. – 285 с.
88. Ineichen, G. Allgemeine Sprachtypologie: Analyse und Methoden [Text] / G. Ineichen. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgestalt, 1979. – 211 s.
89. Исаев, М.К. Очерки по контрастивной и английской лингвистике [Текст]: сборник научных статей / М. К. Исаев. – Алматы : Интер-Пресс, 2009. – 238 с.
90. Issayev, M.K. Introducing contemporary English linguistics [Текст] / М.К. Issayev. – уч.- мет. пос. по теории англ. яз. – Алматы: б.у.и., 2009. – 147 с.
91. Кадыркулова, Ф.Д. Функционально-семантическое поле одушевленности в немецком и кыргызском языках [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Ф.Д. Кадыркулова. – Бишкек, 2002. – 20 с.
92. Какжанова, Ф.А. Ағылшын тілінің практикалық курсы [Текст] : оқулық / Ф. А. Какжанова. – Қарағанды : Болашақ-Баспа, 2005. – 466 б.
93. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность. [Текст] / Ю.Н. Караулов. – Москва: Комкнига, 2006.
94. Карпов, В.М. Простое распространенное предложение в английском и киргизском языках [Текст] дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / В.М. Карпов. – Фрунзе: 1965. – 23 с.
95. Карыбаев, А. Средства выражения видовых значений глагола в кыргызском языке [Текст] / А. Карыбаев, Б. Карыбаева – Бишкек: НАН Кырг. Респ. – Ин-т гум. знаний при КГНУ им. И.Арабаева, 2001. – 154 с.
96. Карыбаев, А.К. Понятие грамматического времени у неличных форм глагола (“тан” в киргизском и “-ing” в английском языках) [Текст] / А. К. Карыбаев // Труды Киргизского государственного университета им. 50-летия СССР. Серия: ром.-гер. филол. и метод. преп. иностр. яз. – Вып 6. – Фрунзе, 1972. – С. 91–98.
97. Кацнельсон, С.Д. Категории языка и мышления: Из научного наследия [Текст] / С.Д. Кацнельсон. – Москва : Языки славянской культуры, 2001. – 864 с.
98. Кацнельсон, С. Д. Типология языка и речевое мышление [Текст] / С. Д. Кацнельсон. – Ленинград : Наука, 1972. – 213 с

99. Качалова, К.Н. Практическая грамматика английского языка с упражнениями и ключами [Текст] / К.Н. Качалова, Е.Е. Израилевич.– Санкт-Петербург: Стандарт, 2023. – 720 с.
100. Кашкин, В.Б. Сопоставительная лингвистика. Учебное пособие для вузов[Текст]:учебное пособие для вузов / В.Б. Кашкин. – Воронеж,2007. – 88 с.
101. Quirk, R.A. A Grammar of Contemporary English. [Текст] / R.A.Quirk.– Harlow, 1980. – 1120 p.
102. Кириленко, Е.И. Сопоставление видовых форм русского и английского языков. Методы сопоставительного изучения языков [Текст] / Е.И. Кириленко.– М.: Наука,– 1988. – С. 76-77.
103. Козлова, Л.А. Теоретическая грамматика английского языка (на англ. яз.) [Текст]: учеб. пособие / Л.А. Козлова – Барнаул : Изд-во АлтГПА, 2010. – 249 с.
104. Козлова, Л.А. Сравнительная типология английского и русского языков: учебное пособие [Текст] / Л.А. Козлова. – Барнаул: АлтГПУ, 2019. – 180 с.
105. Койбагарова, К.Т. Структурно-семантические типы сказуемого в современном немецком и кыргызском языках: [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / К.Т. Койбагарова – Бишкек, 2006. – 24 с.
106. Красовская, Н.А. Критерии выделения глаголов антропоцентрической сферы (на материале курских говоров) [Текст] / Н.А. Красовская // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – Тула – №3. – 2012. – С. 533–542.
107. Кондрашов, Н.А. История лингвистических учений [Текст]: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов / Н.А. Кондрашов. – М.: Просвещение. – 1979.
108. Косериу, Э. Контрастивная лингвистика и перевод: их соотношение [Текст] / Э. Косериу // Новое в зарубежной лингвистике. Контрастивная лингвистика. – М., 1989. – №. 25. – С. 18-26.
109. Костомаров, П.И. Антропоцентризм как важнейший признак современной лингвистики [Текст] / П.И. Костомаров // Вестник Кемеровского государственного университета.– 2014.– № 2 (58).– С. 198-203.

110. Кубрякова, Е.С. Глаголы деятельности через их когнитивные характеристики [Текст] / Е. С. Кубрякова // Логический анализ языка. Избранное 1988–1995. – Москва : Индрик, 2003. – С. 439–446.
111. Кубрякова, Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) [Текст] / Е. С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1995.
112. Кудайбергенов, С. Кыргыз адабий тилинин грамматикасы – I бөлүм. – Фонетика жана морфология [Текст] / [С. Кудайбергенов, А. Турсунов жана Ж. Сыдыков]. Фрунзе: Илим, 1980. – 539 б.
113. Кудайбергенов, С. Кыргыз тилиндеги этишти жасоочу кээ бир мүчөлөр [Текст] / С. Кудайбергенов. – Фрунзе: Мектеп, 1966. – 184 б.
114. Курганова, Н.В. Семантика инхоативности глагольного действия в разносистемных языках (на материале английского и кыргызского языков) [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Н.В. Курганова – Бишкек, 2011. – 22 с.
115. Кутепова, Н.В. Проблематика категории будущего времени в английском языке в диахроническом аспекте [Текст] / Н.В. Кутепова // Евразийский Союз Ученых. – 2015. Вып. 6-4. – С.119-121.
116. Кшешовский, Т.П. Эквивалентность, конгруэнтность и глубинная структура [Текст] / Т.П. Кшешовский // Новое в зарубежной лингвистике. –М., 1989. – №25. – С. 327-340.
117. Лазариди, М.И. Функционально семантические поля психических состояний в современном русском языке [Текст]: дис. ... д-ра. филол. наук: 10.02.01 / М.И. Лазариди. – Волгоград, 2001. – 377 с.
118. Лазариди, М.И. Психические состояния в полевом описании: номинативно-функциональный аспект [Текст] : монография / М.И. Лазариди. – 4-е изд., доп. - Бишкек, 2011. – 356 с.
119. Ладо, Р. Лингвистика поверх границ культур [Текст] / Р. Ладо // Новое в зарубежной лингвистике. Контрастивная лингвистика : переводы / Сост. В. П. Нерознака; Общ. ред. В. Г. Гака. М.: Прогресс, 1989.– Вып. 25. – 440 с.

120. Мамбетова, З.К. Типологическое исследование временных форм глаголов в немецком и кыргызском языках [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / З.К. Мамбетова. – Бишкек, 2008. – 22 с.
121. Матезиус, В.О. лингвистической характерологии (на материале современного английского языка) [Текст] / В.О. Матезиус // НЗЛ: Контрастивная лингвистика. – М., 1989. – Вып. 25. – С. 18-26.
122. Матюшкина-Герке, Т.И. Английский язык [Текст]: Учебник для 1 курса филологических факультетов / [Т.И. Матюшкина-Герке, С.П. Балашова, Н. Н. Броссе и др.]. – М.: ГИС, 2001. – 6-е. – 527 с.
123. Минина, Н.М. Семантические поля в практике языка. Пособие по лексике немецкого языка. [Текст] / Н.М. Минина. – М.: Высшая школа, 1973.
124. Михеева, Л.Н. Время в русской языковой картине мира: лингвокультурологический аспект [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Л.Н. Михеева. – Москва, 2004. – 329 с.
125. Moon, F.R. Functional Grammar [Текст] / Moon F.R. – Edw. Arnold (publishers) Ltd., 1959. – 207 p.
126. Москальская, О.И. Проблемы системного описания синтаксиса. Проблемы [Текст] / О.И. Москальская. – Москва: Высшая школа, 1974. – 154 с.
127. Мэн, Ся & Цао, Чэнлин (2020). Семантический анализ видов глаголов русского языка в аспекте антропоцентрической парадигмы. [Текст] / С. Мэн, Ч. Цао / Мир науки, культуры, образования.– М., 2020. – №6 (85). – С. 610-613.
128. Общая методика обучения иностранным языкам [Текст] : Хрестоматия / Сост. А. А. Леонтьев. – Москва : Русский язык, 1991. – 357 с.
129. Найманова, Ч.К. Валентность и сочетаемость частей речи в разносистемных языках (на материале английского, кыргызского и русского языков) [Текст] / Ч. К. Найманова. – Бишкек: Изд-во КНУ, 2004. – 181 с.
130. Нарматова, Б.Б. Трансформация страдательного залога в разносистемных языках (на материале английского и кыргызского языков [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Б.Б. Нарматова. – Бишкек, 2007. – 23 с.

131. Потапова, Т.В. Диахрония категории времени глагола : на материале русского языка и языков разных систем [Текст]: . дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Т. В. Потапова – Ростов-на-Дону, 2009. – 204 с.
132. Потье, Б. Типология [Текст]/ Б.Потье //Новое в зарубежной лингвистике.– М., 1989. – №25. – С. 187-204.
133. Почепцов, Г.Г. Конструктивный анализ структуры предложения [Текст] / Г. Г. Почепцов. – Киев: Вища школа, 1971. – 191 с.
134. Расулова Г.Н. Семантико-грамматическая характеристика глагола в таджикском и английском языках [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Г.Н. Расулова. – Душанбе, 2016. – 23 с.
135. Рождественский, Ю.В. Типология слова [Текст] / Ю.В. Рождественский. – Москва: Ленизд, 2021.– 288 с.
136. Рябова, М.Ю. Антропоцентризм лингвистических категорий: хронотоп [Текст] / М.Ю. Рябова // Международный журнал исследований культуры. 2014. – №2 – С. 79-83.
137. Сальников, В.С. Сопоставительно-типологический анализ категории времени в русском и немецком языках (на материале рассказов И.С. Тургенева «Записки охотника» и их переводов на немецкий язык) [Текст] / В.С. Сальников, Е.С. Петрикова В.В. Гилева // Время науки – The Times of Science. 2018. – №1 – С. 39-48.
138. Сарымсакова, А.Ж. Функционально-семантический аспект синсемантических номинативных лексических единиц немецкого и кыргызского языков[Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / А.Ж. Сарымсакова. – Бишкек, 2007. – 20 с.
139. Swan, M. How English Works: A grammar practice boo. [Текст] / М. Swan, С.Walter – Oxford University Press, 1997. – 358 p.
140. Скаличка, В. Типология и сопоставительная лингвистика. [Текст] / В. Скаличка // Новое в лингвистике. Контрастивная лингвистика. М.: Прогресс, 1989. – №25. – С. 27 -31.

141. Смирницкая, О.А. Историко-типологическая морфология германских языков [Текст] / [О.А. Смирницкая, Э.А. Макаев, Е.С. Кубрякова, М. М. Гухман и др]. – М.: Наука, 1977. – 296 с.
142. Скирдов, В.Д. Сопоставительный синтаксис русского и кыргызского языков. [Текст] / В.Д. Скирдов. – Фрунзе: Мектеп, 1970. – 164 с.
143. Скирдов, В.Д. Структурные изменения в сложносочинённых предложениях [Текст] / В.Д. Скирдов. // Могучий фактор национально–языкового развития. – Фрунзе: Кыргызстан, 1981. – С. 145-151.
144. Слюсарева, Н.А. Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка [Текст] / Н.А. Слюсарева. – М.: Наука, 1981. – 204 с.
145. Смирницкий, А.И. Морфология английского языка [Текст] / А.И. Смирницкий. – М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1959. – 440 с.
146. Смирницкий, А.И. Синтаксис английского языка [Текст] / А.И. Смирницкий. – М.: Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1957. – 286 с.
147. Смирницкий, А.И. Лекции по истории английского языка (средний и новый период) [Текст] / А.И. Смирницкий. – 3-е изд. – М.: Добросвет, 2000. – 238 с.
148. Сопоставительная лингвистика и обучение неродному языку [Текст] / Отв. ред. ч.-кор. АН СССР. В.Н. Ярцев. 1987. – М.: Наука, 1987. – 238 с.
149. Степанова, М.Д. Части речи и проблема валентности в современном немецком языке [Текст] / М. Д. Степанова, Г. Хельбиг. – М., 1978.
150. Стернина, М.А. Сопоставление как лингвистическая методология. [Текст]: Монография/ М.А. Стернина, И.А. Стернин – Воронеж : РИТМ, 2021. – 215 с.
151. Сухомлина, Т.А. Категория будущего времени английского глагола: лингвистический аспект [Текст] / Т.А. Сухомлина // Вестник ВолГУ. 2014. – №1. – С. 93-96.
152. Сыдыков, А.Н. Лексико-семантическая микросистема со значением времени в русском и кыргызском языках (на материале имен существительных) [Текст]: автореф.дис. ... канд. филол. наук / А.Н. Сыдыков. - Бишкек, 1996. - 21 с.
153. Taylor, J.R. Linguistic Categorization: Prototypes in Linguistic Theory [Текст] / J. R. Taylor. – Oxford: Clarendon, 1995. – P. 54-55.

154. Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – Л., 1987.
155. Терегулова, Р.Н., Ахмеров, К.З. Сравнительная грамматика русского и башкирского языков [Текст] / Р.Н. Терегулова, К.З. Ахмеров. – Уфа, 1953. – 208 с.
156. Трухина, Е.М. Сопоставительный анализ категории временного следования глагола во французском и русском языках автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.М. Трухина – Казань, 2004.– 174 с.
157. Турсуналиев, Т. Методика обучения временным формам английского глагола в киргизской школе [Текст]: автореф. дис. ... канд. пед. наук / Т. Турсуналиев. – Фрунзе, 1967. – 20 с.
158. Турсуналиев, Т. Грамматика английского языка [Текст] : Учеб. пособие для учителей и учащихся кирг. шк. / Т. Турсуналиев. – Фрунзе: Мектеп, 1988. – 121 с.
159. Ууева, М.Х. Функциональное семантическое поле пространственной ориентации в немецких и киргизских языках (в аспекте номинаций) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / М.Х. Ууева. – Бишкек, 1999. – 24 с.
160. Немецко-русские языковые параллели : сопоставительные очерки по вопросам словообразования и синтаксиса немецкого и русского языков [Текст] / [А.В. Федоров, Н.Н. Кузнецова, Е.Н. Морозова, И.А. Цыганова]. – М.: Изд-во Литературы на иностранных языках, 1961. – 302 с.
161. Филичева, Н.И. История немецкого языка [Текст]: курс лекций / Н. И. Филичева. – М.: Изд. Центр “Академия”, 2003. – 280 с.
162. Halliday, M.A.K. An introduction to functional grammar [Текст] / M.A.K. Halliday, S. Matthiessen. – 3rd ed. – London: Edward Arnold. – 2004. – 366 p.
163. Hockett, C.F. A course of modern linguistics. [Текст]/ C. F. Hockett. – Macmillan, New York, 1958, – 621 p.
164. Horn, K.M. Language typology 19th and 20th century views [Text] / K. M. Horn. – Washington: Secker and Warburg. Ltd, 1966. – 228 p.

165. Huddleston, R. Introduction to the grammar of English. [Текст] / R. Huddleston. – London: CUP, 2000. – 184 p.
166. Чейф, У. Значение и структура языка [Текст]: пер. с англ. яз. / У. Чейф. – М.: Прогресс, 1975. – 432 с.
167. Швейцер, А.Д. Теория перевода (статус, проблемы, аспекты)[Текст]/ А.Д.Швейцер. – М.: Наука, 1988. – С. 158-159.
168. Шмелев, Д.Н. Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект [Текст]/ [Шмелев Д.Н., Иванова-Лукьянова Г.Н., Гловинская М.Я. и др]. – М.: Наука, 1989. – 284 с.
169. Chafe, W. L. Meaning and the Structure of Language [Текст] / W. L.Chafe. – Chicago: The University of Chicago Press, – 1970.
170. Чонбашев, К.С. Сопоставительная грамматика русского и киргизского языков: Синтаксис [Текст]: учеб. пос. для студ. фил. фак-в / К.С. Чонбашев. – Фрунзе: Мектеп, 1980. – 188 с.
171. Шубина, О. Ю. Семантика итеративности и средства ее выражения в английском и русском языках [Текст]: автореф. дисс. канд. филол. наук / О. Ю. Шубина. – Бишкек, 2007. – 25 с.
172. Шубина, О.Ю. Частеречная семантика глагола [Текст] / О.Ю. Шубина // Вестник Кыргызско–Российского славянского университета, 2010. – Т. 10, №7. – С. 94–97.
173. Шубина, О.Ю. Глагол в свете субъектно–предикатной и вербоцентрической теорий [Текст] / О.Ю. Шубина // Вестник КРСУ, 2011. – Т.11, №1. – С. 89-93.
174. Юсупов, У.К. Сопоставительная лингвистика как самостоятельная дисциплина [Текст] / У.К. Юсупов // Методы сопоставительного изучения языков. – М.: Наука, 1988. – С. 194–195.
175. Яваш, Ф. Аорист в турецком языке / Ф. Яваш. – С. 455-468.
176. Ярцева, В. Н. Контрастивная грамматика [Текст] / В. Н. Ярцева. – М.: Наука, 1981. – 112 с.

Словари

177. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О.С. Ахманова. – М.: Наука, 1966. – 608 с.
178. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст]: в 4-х т. / В. Даль. – М.: Рус. яз., 1981. – Т. 1: А-З. – 699 с.; Т. 2: И-О. – 779 с.
179. Кондаков, Н.И. Логический словарь. [Текст]/ Кондаков Н.И. – М.: Наука, 1975. – 720 с.
180. Кыргыз тилинин сөздүгү [Текст] / ред. А. Акматалиев. – Бишкек: Avrasia Press, 2010. – 1460 б.
181. Киргизско-русский словарь [Текст]: около 40 000 слов / сост. К.К. Юдахин. – М.: Сов. энцикл., 1965. – 975 с.
182. Лингвистический энциклопедический словарь [Текст] / Гл.ред. В.Н. Ярцева – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с
184. Мюллер, В.К. Англо-русский словарь [Текст]: 53 000 слов / В.К. Мюллер. – М.: Рус. яз., 1982. – 887 с.
185. Новая иллюстрированная энциклопедия. [Текст] Кн. 2. – Ар-Би. Издательство: «Большая Российская энциклопедия», Москва. – 512 с.
189. Новая иллюстрированная энциклопедия в 20 томах. [Текст] Книга 3. – Би-Ве 2007. – 512 с.
190. Орузбаева, Б.О. Русско–киргизский словарь лингвистических терминов [Текст] / Б.О. Орузбаева – Фрунзе: Илим, 1972. – 425 с.
191. Языки Мира. Тюркские языки. [Текст] / Э.Р.Тенишев – Бишкек: Кыргызстан, 1997. – 542 б.
192. Cambridge International Dictionary of English [Text] / ред. Paul Procter. – Cambridge Univ. Press, 1995. – 1773 p.
193. Dictionary by Merriam-Webster [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.merriam-webster.com/>. – Загл. с экрана.

Список использованных источников анализа

194. Айтматов, Ч. Чыгармалар жыйнагы [Текст]: 5 т. / Ч. Т. Айтматов. – Бишкек: Шам, 1999. –1 т.: Повесттер ж-а ангемелер. – 432 б.; 2 т.: Повесттер. – 496 б.; 3

т.: Роман, повесттер. – 520 б.; 4 т.: Роман, ангемелер. – 452 б.; 5 т.: Роман, драма, публ. – 560 б.

195. Байжиев, М. Ар бир үйдө майрам: [Текст]: Драмалар. / М. Байжиев – Ф.: Кыргызстан., 1980. – 316 б.

196. Баласагын, Ж. Куттуу билим: Дастан [Текст] / Ж. Баласагын – котор. Т. Козубеков – М.: НИК, 1993 – 496 б.

197. Жакыпов, М. Драмалар [Текст]/ М.Жакыпов – Фрунзе: Кыргызстан, 1981. - 146 б.

198. Жоошбаев, М. Кара курттун уюгу. [Текст] Роман / М. Жакыпов . – Бишкек: б.у.и., 2002. – 330 б.

199. Жусуев, С. Тандалмалар: Ырлар жана поэмалар.[Текст]/ С. Жусуев. – Ф.: Кыргызстан, 1984-257 б.

200. Каныбек Иманалиев; Тагай бий (Мухаммед Кыргыз); Тарыхий повесть. – Бишкек 2010, – 392 б.

201. Касым-Бек, Т. Тарыхый роман. – Бишкек: Шам, 2000. – 400 с.

202. Кушубеков, К. Улуу тоого чыккан барбы: Роман, повесть жана аңгемелер. – . Бишкек: Бийиктик, 2009. – С. – 512.

203. Повесттер жана ангемелер [Өспүрүмдөр үчүн] / Ч. Айтматов, Т. Сыдыкбеков, К. Жантошев ж.б. / түз. Н. Адамкулова – Фрунзе: Мектеп, 1985. – 492 б.

204. Повесттер: Жаштар учун – түз. К. Асаналиев. – Фрунзе: Мектеп, 1984: –416 б.

205. Токомбаев, А. (Балка). Тандалмалар. – Бишкек: КЭ Башкы ред., 1995. – 224 б.

206. Усубалиев, Б. Түн: Повесттер. – Бишкек: Авразия, 2009. – 412 б.

207. Эр Төштүк: Эпос / Баш сөзүн жазгандар Р. Сарыпбеков, М. Мукасов. – Б.: Шам, 1996.— 448 б.

208. Akmatliyerv, A. Chingiz Aitmatov – Life and Greative Work: Short survey. – Bishkek: Мектеп, 1991.– 240 p.

209. Bradbury, R. The Fox and due Forest – London: Arnold, 1984. – 264 p.

210. Christie, A. Problem at Pollensa Bay – London; Longmon, 1986. – 166 p.
211. Collier, J. Half-Way to Hell. – In: English short stories of the 20th century 1900-1950. Moscow: Radags Publishers, 1988 – P. 332-338.
212. Conrad, J. The Inn of the Two Witches. // English short stories of the 20th century 1900-1950. – Moscow: Radags Publishers. – P. 8-32.
213. Jonathan Craig «The Late Unlamented» . – New York: 1991. – 212 p.
214. Dickens, Ch. Selected works. – Moscow: Higher School, 1988. – 585 p.
215. F. Scott Fitzgerald Teamed With Genius. – Chicago: Vance, 1989. – 316 p.
216. Forster Siles PariA The scory of Santies / English short stories of the 20th century, 1900-1950, – Moscow: Raduga Publishers, 19BB – P. 213-233.
217. Galsworthy, J. The Forsyte Sagagabworthy – 7. Tha Forsyte Jaga - lios- cow: Inostrantannaya Literatura, 1975. – 205 p.
218. John, Castle и Hailey, Ar. Flight into Danger, 1992. – 276 p.
219. Hammett, D. Selections – New York: Holt Rinehst and Winston, 1994 – 365 p.
220. Merdner, R. Some Like Them Cold. – London: Arnold, 1986. – 194 p.
221. London, J. Martin Eden. – Moscow. Foreign Languages Publishing House. 1953. – 434 p.
222. Mansfield, K. Taking the Vei// English short stories of the 20th century. 1900 - 1950 - Moscow: Radags Publishers, 1988. – P. 145-148.
223. Maugham W.S. (1985). Theatre. Moscow: Higher School, 1985. – 394 p.
224. Segal, E. Love Story. – New York: Holt, 1996. – 168 p.
225. Thurber, J. The Last Word. - New-York: 1992. – 239 p.